

ЭТНО МЕТОДОЛОГИЯ

*проблемы
подходы
концепции*

2

INSTITUTE OF ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW

Этнология * 2

Этнология
problems of ethnohistory

Volume 2

Moscow 1955
Moscow 1955

**RUSSIAN MINISTRY OF CULTURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE**

Ethnomethodology: problems, approaches, concepts

Volume 2

Moscow 1995

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКИЙ НИИ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции

Выпуск 2

Москва 1995

Редакторы-составители

*А.А. Пископелъ
В.Р. Рокитянский
Л.П. Щедровицкий*

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 2:
Сборник статей. — М., 1995. — 172 с.

ISBN 5-86443-018-8

Сборник «Этнометодология — 2», как и первый выпуск серии посвящен проблемам методологического осмысления оснований этнологии и ее места в проблемно-тематической области «социум-культура-этнос». При всем разнообразии предметного содержания, статьи сборника объединены общей установкой авторов на анализ научного инструментария этнологии: концепций, понятий, методов.

The book being the second issue in the series «Ethnomethodology» is dedicated to methodological investigation of the foundations of ethnology and of its place within the problem area «Socium-Culture-Ethnos». The papers included despite the formal and thematic variety are characterized by a common subject, that is analysis of the scientific means of ethnology, of its theories, concepts and methods.

Научное издание

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 2:
Сборник статей.- М., 1995.- 172 с.

Утверждено к печати Российским НИИ
культурного и природного наследия

Статьи печатаются в авторской редакции
Оригинал-макет подготовлен в Центре этносоциальных исследований

Лицензия ЛР №020730 от 12.02.1993. Подписано в печать 05.12.1995.
Формат 60x90 1/16. Гарнитура TextBook. Усл. печ. л. 11.
Тираж 500 экз. Заказ № 104 Цена договорная.

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

Типография ПЭМ
121374, Москва, Можайское шоссе, 25

ISBN 5-86443-018-8

© Центр этносоциальных исследований, 1995

От редакторов-составителей

Второй выпуск серии научных публикаций Центра этносоциальных исследований (Институт культурного и природного наследия), как и первый (1994), посвящен тому кругу проблем, который с неизбежностью возникает перед каждым, предпринимающим более или менее последовательные попытки концептуализации этнических явлений.

Непременной и роковой особенностью всего, на чем лежит печать этничности, является высокая степень **вовлеченности** всех кто так или иначе соприкасается с этническими процессами — в «реальной» ли общественно-политической жизни будучи ее активным участником, или только «идеально» как кабинетный ученый.

Конечно, в той или иной степени это относится ко всему кругу общественных дисциплин, но ни одной из них не свойственна та степень заинтересованности и страстности, переходящей в пристрастность, с которой все, что имеет хоть какое-то отношение к этноопределенным особенностям социокультурных миров и творящих их народов, становится средством и фактором общественно-политической жизни «здесь и теперь», средством утверждения или ниспровержения того или иного сложившегося социального порядка и поддерживающих его институтов.

Editors' Foreword

The second issue of the Centre of Ethnosocial Research (Institute for Natural and Cultural Heritage) series is focused on the same range of problems as has been the first one (1994). These problems inevitably arise before anybody, who tackles the problems of ethnic phenomena conceptualisation.

A high degree of involvement is inalienable and fateful characteristic of everything that is marked by ethnicity, be this a person who actively and «directly» participates in the social life and ethnic processes, or a scholar who is «ideally» involved as an armchair theoretician.

As a matter of fact, this observation is relevant in some degree to all social science disciplines, but no discipline is characterized by such passionate and interested attention, if not partiality, with which everything that has any relation to the ethnic dimension of sociocultural worlds and peoples creating these worlds becomes a means and a factor of sociopolitical life «here and now», an instrument of affirmation or negation of an established social order and its supporting institutes.

Everything is used here, from statements and deeds of political and cultural actors to the contents of voluminous academic publications.

В ход идет все — от заявлений и поступков политических и культурных деятелей до содержания многотомных научных трудов. Всяк их толкует на свой лад и зачастую вопреки мысли и намерению их авторов. В подобной ситуации гиппократова максима «не навреди» и чувство ответственности приводят иногда к позиции своего рода воздержания в надежде сгладить существующие или предотвратить грядущие формы противостояния просто не давая им «пищи». Но надежда эта остается тщетной — свято место пусто не бывает, — и место объективированного знания оказывается занятым мифами и прорицаниями.

Воздержание бесплодно, потому что пассивно, и зачастую ничуть не менее безответственно, чем осмысленная и направленная активность. Ответственность же, на наш взгляд, — в другом, и у каждой деятельной позиции она своя, согласно ее смыслу и значению в универсуме человеческой деятельности. Для тех же, кто претендует на мыслительное, интеллектуальное освоение социально-этнической реальности, она прежде всего в определенности и рефлексивности аналитической и прогностической работы, препятствующих превращению ее результатов в свою собственную противоположность вопреки подлинным намерениям авторов. Такая определенность невозможна без постоянных усилий по совершенствованию концептуального аппарата собственной работы, без анализа его основных категориальных и теоретических

Everybody feels a judge here, often interpreting these statements and acts contrary to the logic and will of their authors. In this situation the Hippocrates' maxim «Not damage» and responsibility sometimes lead to a position of non-action and non-interference fed by a hope to reduce and warn various forms of dissent by their silencing. But one hopes in vain, for voids and blanks are immediately filled, and the place of objectified knowledge is taken by myths and prophecies.

Abstention from action is unfruitful, for it is passive and often even more irresponsible than well planned and directed action. The responsibility, as we think, resides elsewhere, and each active position contains its own responsibility corresponding to its meaning and sense in the universe of human action. For those who aspire to intellectual mastering of ethnosocial reality this responsibility consists in the clarity and reflexivity of analytic and prognostic work, preventing its results to turn into the opposite in spite of their author's true intentions.

Such a definiteness is impossible without permanent work on refining of one's own conceptual tools, without the analysis of the main theoretical and categorical schemes and supporting idealization and schematization principles, that is without «methodological reasoning».

This kind of work «on oneself» delimits the boundaries of that field, which we prefer to

схем и стоящих за ними принципов идеализации и схематизации, т.е. без работы «методологического разума».

Такая работа «над собой» очерчивает границы той области, которую мы предпочитаем называть здесь «этнометодологией» (в нашей интерпретации). В первом выпуске серии этнометодологическими мы предложили считать метапредметные работы теоретико-методологического характера, выполняющие роль критики и обоснования, нормирования и программирования, оценки и регулирования широкого круга междисциплинарных, прежде всего теоретических исследований и разработок, посвященные феномену этнического в общественной жизни, различным теориям происхождения и исторической судьбы этнических бытия и сознания.

Продолжая эту линию, мы и настоящий сборник посвятили, в основном, дискуссионным вопросам концептуализации этнических явлений в той или иной степени развивая проблемно-тематическое содержание, намеченное в первом выпуске.

Открывает сборник статья коллектива авторов, работающих над созданием базы данных о народах России, — «Макет базы данных "Народы России": принципы, структура, интерфейс». В статье отражен второй этап работы над темой — опыт и результаты создания действующего макета БД (общий замысел работы представлен в первом выпуске). Обсуждаются принципы и подходы к созданию системы баз данных «Рос

call here «ethnomethodology» (in our interpretation of the term). We moved (in the first issue of the series) to call «ethnomethodological» that meta-subject research of theoretical and methodological nature, which serves the purposes of critique, substantiation, standardization and programming, as well as evaluation and regulation of the broad spectrum of interdisciplinary studies, first of all, theoretical, which has as its main object the ethnic phenomenon in social life and diverse theories of origin and historical fate of the ethnic consciousness and existence.

Continuing this tradition in the present collection we provide accounts of debatable issues in the ethnic phenomena conceptualization, trying to develop to a certain extent the problems and questions posed in the first book.

A group of authors, working over creation of a database on the peoples of Russia, open the article collection with the article «Model of a database "Peoples of Russia": principles, structure, interface». The second stage of work over the database is reflected and results of creation of the acting model are presented (general outline of the work is described in the first issue of the series). Principles and approaches to creation of a system of databases «Russia», as well as those incorporated in a model are discussed; the main information and taxonomic «ca

сия»; характеризуются принципы заложенные в макет БД; описываются основные информационно-таксономические «категории» и способ порождения и разворачивания логико-информационной структуры БД; приводятся примеры эргономической проработки пользовательского интерфейса.

В статье А.А.Пископпеля «Элементарная структурно-функциональная модель конфликта как деструктивного социального противодействия» предпринята попытка развернуть и продемонстрировать продуктивность выдуманного автором (см. Вып. 1) представления о сути и причинах конфликтов. Вводятся базальные структурно-функциональные элементы социального действия/взаимодействия и схемы (модели) взаимодействий (механического и социального), в том числе и конфликтного. Развивается и аргументируется такой взгляд на конфликты, согласно которому их причиной является дивергентность «парадигматик» исходных действий/взаимодействий. Обсуждается смысл и ограничения предложенной схемы (модели).

В статье В.Р.Рокитянского «Этническое как проект» социопроектный подход к этническому осуществляется путем постулирования утопии свободного единства в истине и ее последовательной коррекции с учетом требования реализуемости. Этнопроект выступает как продукт экспансии таких начал микросоциальной интеграции, как дело, семья и конфессия.

В статье «О неуютности автаркии, национализме и пост-советской

тегории» and the way of generation and enfolding of the logical structure of the database are described, ergonomic solutions of the user interface are exemplified.

In the article «The Elementary-Structural Functional Model of Conflict as Destructive Social Counteraction» (A.Piskoppel) an attempt is undertaken to demonstrate the efficiency of the author's representation of conflict reasons, discussed in more detail in the first issue. Basic structural-functional elements of social action/interaction and models of interactions (mechanical and social) including conflictual ones are introduced. It is argued that reasons for conflicts might be produced due to divergent paradigmatics of initial actions/interactions. The meaning and restrictions of the model are discussed.

In the article «The Ethnic as a Project» (V.Rokitiyansky) a socio-projective approach is carried out by postulating of an utopia of free unity in truth and its consecutive correction from the standpoint of realization requirements. Ethnoproject appears as a product of expansion of such elements of microsocial integration as enterprise, family and confession.

In the article «On Autarky, Nationalism and Post-Soviet Identity» (S.Sokolovskii) it is argued that the transformations in space and time perception, triggered by the demise of the USSR, are linked to the evolving concepts of ethnicity, nati

идентичности» (С.В.Соколовский) рассматривается эволюция представлений о нации, гражданстве и этничности, ставится вопрос о роли социальных самоописаний в социальном действии, описываются трансформации идентичности, связанные с восприятием пространства и времени, вызванные распадом СССР.

В статье С.В.Соколовского «Самоопределение и проблема меньшинств (международно-правовые аспекты)» рассматриваются проблемы применимости концепций западной политологии и социологии для анализа положения уязвимых групп в пост-тоталитарных государствах, определения бенефициантов международно-правовых и государственных законодательств, направленных на защиту меньшинств; осуществлена типологизация меньшинств и социокультурных и политических контекстов, в которых они существуют; наконец, рассматриваются проблемы самоопределения и суверенитета в связи с требованиями меньшинств в области культуры, языка, экономики и политики.

В статье «Этнография как жанр и как власть (впечатления о современном состоянии дисциплины)» (С.В.Соколовский) читатель обнаружит критику сложившегося в отечественной этнографии жанра научной статьи, описание некоторых из используемых стилистических тропов, демонстрацию зависимости стиля от сложившегося распределения власти в академическом сообществе и краткий очерк эволюции понятия «власть» и проявлений

on, and citizenship. It is further stated that a feedback of conceptual schemes in social self-regulatory systems informs social and political action.

The article «Self-Determination and Minority Rights (international law perspective)» (S.Sokolovskii) is focused on the issues of different forms of self-government, particularly in the spheres of minority languages, culture, and education. Special emphasis is laid on the issues of typology of minorities and sociopolitical contexts they are confronted with. Successful protection of minority rights in multiethnic polities is viewed as one of the basic mechanisms of reducing interethnic conflict. As the different forms of self-government (personal, cultural and territorial autonomy) are poorly known and under-researched in Russia, the main purpose is to introduce into the national political culture knowledge on innovative forms of autonomy, sovereignty and self-determination, which are known only to the experts on international law and which could be implemented in restructuring the centralized state power along the lines of federalization and plural sovereignty.

In the article «Ethnography as genre and as power» (S.Sokolovskii) which is an impressionistic essay of contemporary state of the discipline the established genre of ethnographic publications is criticized. Power relations in academic community are exposed and exemplified in

власти в дисциплинарном сообществе этнографов (процедуры легитимизации этнонимов, власть номинации и др.).

И наконец, последняя статья сборника — «Парадоксы и курьезы отечественной этнологической мысли (часть 2)» (Л.П.Щедровицкий) — продолжает начатый в первом выпуске критический анализ методологии и основных представлений отечественной этнологии. Она посвящена обсуждению концепции С.А.Арутюнова «Информационные связи как основа этнического бытия».

such fields as editorship, ethnic group name legitimation etc. A short essay on the evolution of the concept of power is included.

The second part of the article «Paradoxes and Curiosities of Our Ethnological Thought» (L.Schedrovitsky) presents an analysis of the so called informational theory of ethnic relations, as it had been exemplified in the works of S.Arutiunov.

*Е. Л. Иванова,
Г. Б. Львова,
А. А. Пископпель,
В. Р. Рокитянский,
Л. П. Щедровицкий*

Макет базы данных «Народы России»: принципы, структура, интерфейс

Для каждого, имеющего хоть какое-то представление о задачах государственной политики в области регуляции социально-экономических и межнациональных отношений, ясно, что она нуждается в совершенно ином уровне информационного обеспечения, использующем все возможности, предоставляемые новейшими информационными технологиями.

Поэтому неудивительно, что тема и проблема рационального освоения таких технологий явно становится приоритетной и выдвигается на одно из первых мест среди других проблемно-тематических областей социальной практики и обслуживающей ее научно-практической деятельности.

В первом выпуске серии «Этнометодология» были представлены общий замысел и основные предпосылки создания базы данных (БД) о народах России¹. В настоящей публикации отражены результаты второго этапа работы над темой — этапа создания действующего макета БД, в котором исходный замысел получил дальнейшее развитие и был доопределен и воплощен, с помощью конкретных семиотических и программных средств.

***

Создавая макет БД, его авторы отдавали себе отчет в том, что БД «Народы России» может и должна рассматриваться в контексте общего *«информационного пространства»* России: и как его компонент, и как механизм его упорядочивания (структурирования). Как таковая она должна тем самым содержать в себе определенное

---

¹ К созданию базы данных "Народы России": концепция, рубрикатор, вопросник // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 1. М., 1994.

представление об этом общем пространстве и о его возможной (и желательной) структуре, выступающей в роли своего рода граничных условий для самой работы над макетом. В качестве такого представления для нас выступало представление о *системе баз данных «Россия»*.

В принципе подобное представление и соответствующая ему установка могут быть реализованы одним из двух основных способов. Первый из них состоит в том, что все БД, входящие в систему, строятся на единых основных структурных принципах. Второй способ допускает независимость («плюрализм») отдельных разработок, но интеграция данных из разных БД требует при этом создания системы специальных средств преобразования информации (конвертеров).

Мы выбрали первый способ. А это значит, что мы рассматривали систему баз данных «Россия» как единую «базу данных», а каждую из входящих в нее БД как ее раздел, отличающийся акцентом на одной из сторон жизни России: региональной, этнической, экономической и т.д.

Вполне очевидно, что эффективность подобного решения существенно зависит от общих принципов, положенных в основание системы баз данных (и тем самым в основание каждой из входящих в нее частей БД).

Одним из основных принципов является, на наш взгляд, *принцип иерархичности информации*. Согласно этому принципу массив сведений о народах России должен быть представлен в виде иерархической многослойной «пирамиды», в которой на каждом ее уровне находится *вся* (имеющаяся в БД) информация о народе (народах), но *только определенной* (соответствующей уровню) *степени обобщенности*. При этом каждый нижележащий уровень представляет собой конкретизацию и детализацию информации верхнего уровня.

Другой принцип построения БД состоит в том, что массив данных о народах России, размещаемый в БД, должен удовлетворять как требованиям со стороны *предмета*, так и требованиям со стороны контингента *пользователей* этими данными. Причем «пользовательские» требования (управленческая вертикаль) определяют саму иерархию сведений в БД, угрозы обобщенности данных информационного массива.

К этим принципам, намеченным уже на первом этапе работы над БД, добавился ряд других, частично раскрывающих и детализирующих уже выдвинутые принципы, частично определенных впервые в ходе работы над макетом. Важнейшими из них можно считать следующие:

- Отдельная БД может рассматриваться как интегративная информационная модель того или иного аспекта (измерения) жизнедеятельности российского общества. Причем оболочка БД (СУБД) опре-

деляет постоянную (инвариантную) составляющую информационной модели, а сами данные ее текущую, переменную составляющую. Эта инвариантная составляющая информационной модели есть не что иное, как система информационно-таксономических «категорий» с логико-информационными связями между ними².

- Информационная модель (в отличие, например, от теоретической) имеет принципиально разомкнутый, открытый характер, существенным образом рассчитанный на поступление «новых» и сохранение всех «старых» данных. Поступающие «новые» данные не фальсифицируют «старые» данные, а «сдвигают» их во временном (историческом) измерении. Еще одно отличие информационной модели от теоретической — включение в первую информации безотносительно к ее научной «освоенности».

- Степень обобщенности данных — одно из «измерений» БД (и размещенного в ней информационного массива), и БД должна предоставлять пользователю возможности для «перемещения» в этом измерении.

- Отдельная БД, как по отношению к тому или иному предметному аспекту, так и по отношению ко всей системе баз данных «Россия», является не механической частью, а особым *фокусом* концентрации и организации всех данных о России³.

- Структура БД должна обладать гибкостью, позволяющей обеспечить ее развитие, способное удовлетворить потребности учета изменений в информационно отображаемой реальности. Или, другими словами, она должна позволять достраивать новые «измерения» и наращивать новые звенья информационной цепи.

В качестве приоритетного принципа, регулирующего все решения, связанные с формой предъявления информации в БД, выступает принцип удобства и свободы пользователя. Одной из реализаций этого принципа является множественность траекторий доступа ко всякому локусу информационного пространства. В то же время везде, где это возможно и оправданно, по умолчанию задается предпо-

² Точно так же, как категории в процессе познания организуют наше мышление и создают объекты для мысли, информационно-таксономические «категории» создают информационные модели тех или иных предметных аспектов для информирования пользователя, позволяя ему соотносить «данные».

³ Каждая база данных и каждый предметный аспект являются прежде всего и по преимуществу особой *точкой зрения* на целое (Россию), особым фокусом его рассмотрения. Особость состоит в том, что целое рассматривается через этот аспект, который каждый раз по-разному организует это целое в соответствии со своей предметной логикой и «вокруг себя». А это означает, что каждая из БД, входящих в систему баз данных «Россия», является предметно (аспектно) определенным способом «втягивания в себя» всего российского информационного пространства.

читительная траектория, отвечающая типичным задачам и условиям работы.

***

В качестве СУБД для макета используется *Paradox for Windows 4.5*. Это приложение *Windows* занимает 11 Мб на диске. Программное обеспечение БД в настоящий момент оценивается примерно в 432 Кб. Объем, занимаемый текстами — 393 Кб, иллюстративным материалом — 2 Мб.

Приводимые ниже иллюстрации призваны дать читателю представление о найденных нами решениях применительно к структуре информационного пространства и интерфейсу.

Первое структурное членение — задание четырехосной «системы координат», где переменными выступают основные информационно-таксономические категории БД — *Место*, *Этничность*, *Тема* и *Модальность сообщения*, — которые могут трактоваться как параметры информационного массива. Другими словами, любой элемент информационного массива БД определяется конкретными значениями этих четырех параметров.

В общем случае выбор этих конкретных значений представляет собой многошаговую процедуру движения по структурным уровням (от верхнего к нижнему) каждого параметра. Верхние параметрические структурные уровни представлены на схеме 1.

Параметр *Место* вряд ли нуждается в специальных пояснениях: вполне понятно, что помимо самой общей информации о любом народе необходима еще и локальная информация, не имеющая смысла без указания определенного «места прописки». Не требует особых комментариев, на наш взгляд, и параметр *Модальность сообщения* (его содержание вполне раскрывается набором предлагаемых опций). А вот два других параметра следует хотя бы кратко прокомментировать.

Параметрическая категория *Этничность* определяет нагруженность информации специфическими этническими атрибутами, ее центрированность на собственно этническом. В соответствии с этим первый структурный уровень по оси *Этничность* предлагает три опции: 1) *этнонейтральная* информация (аббревиатура «0»), 2) специфическая — *моноэтническая* — информация о конкретном народе (аббревиатура «1»); в этом случае на следующем шаге (уровне) необходимо указать, о каком именно народе идет речь, и 3) интегральная — *полиэтническая* — информация (аббревиатура «все»). Особое место в параметрической системе координат занимает категория *Тема* — ее структура самая «богатая» и количество уровней в этой структуре может меняться в соответствии с принципом «пирамиды информации». По сути дела, эта категория выполняет

Схема 1. Координатные оси (параметры) информационного пространства БД

Место	РФ	
	Регионы	Центральный Центр.-Черноземный Волго-Вятский Поволжье Сев. Кавказ Северо-Западный Северный Урал Зап. Сибирь Вост. Сибирь Дальний Восток
Этничность	Нейтральная (0)	
	Специфическая (1)	... кабардинцы казахи калмыки ...
	Интегральная (все)	
Тема	Население	
	Территория	
	Природа	
	Деятельность	
	Образ жизни	
Модальность сообщения	Состояние	
	Динамика	
	Предыстория	
	Анализ	
	Проекты	

функцию «предмета» для пользователя, что, естественно, имеет своим следствием резкое нарушение симметрии параметрических осей. В результате пользователь осуществляет свой выбор как бы в одном категориальном пространстве — в пространстве *Тема*, а не в четырех. При этом три других категориальных пространства — *Место*,

Этничность и *Модальность сообщения* — выступают для него в функции параметров для первого.

На схеме 2 представлены верхние структурные уровни категории *Тема*, а на схеме 3 приведен пример спуска на более нижние уровни для одной ее «веточки»: *Деятельность — Массовые коммуникации*.

Следует иметь в виду, что содержание (смысл) терминов-опций, используемых в макете, не следует отождествлять с содержанием понятий, традиционно выражаемых этими терминами. Содержание каждого термина-опции определяется исключительно набором опций следующего уровня. Например, фрагмент информационного пространства, вычлняемый с помощью термина-опции *Образ жизни* включает в себя информацию об *Индивиде*, *Семье*, *Экокомплексе*, а также *Событиях и ритуалах*. А *Экокомплекс* в свою очередь должен быть описан в рамках его четырех составляющих — четырех опций нижележащего уровня: *естественный*, *антропогенный*, *культивированный* и *социальный*.

**Схема 2. Тематическая структура
(верхние уровни)**

Население	Демография	Биологическая	Численность Естественное движение Здоровье
		Социальная	Брак и семья Миграция Аномалии Стратификация
		Конфессиональная	
		Культурная	Язык Образование
		Экономическая	Занятость Доходы Расходы и потребление Собственность
	Расселение	Плотность расселения Распределение населения по районам Населен. пункты Распределение населен. пунктов по территории Распределение населен. пунктов по числу жителей	

Схема 2.
(продолжение)

Территория	Членение			
	Положение	Полит.-административное		
		Физ.-географическое		
	Притязания			
Природа	Рельеф			
	Климат			
	Гидрография			
	Почвы			
	Растительность			
	Животный мир			
	Ископаемые			
	Экологическая ситуация			
Деятельность	Духовная	Язык	Образование	Общее Специальное Профессиональное
			Религия	Вероучение Ритуал Сообщество Деятельность
		Познание	Философия Наука Паранаука	
		Идеология	Традиционное мировоззрение Доктрины Идеологи Массовое сознание	
		Техника	Индустриальная Традиционная	
		Экология	Охрана природы Экорегуляция Рекультивация	
		Искусство	Пространственное Временное Пространственно-временное	
		Литература	Фольклор Проза Поэзия Драматургия Публицистика Критика	

Схема 2.
(продолжение)

Экономическая	Индустрия	
	Сельское хоз.	
	Лесное хоз.	
	Водное хоз.	
	Строительство	
	Промыслы	
	Ремесла	
	Финансы	
Внешние связи		
Организационная	Институты	Административные Законодательные Судебные
	Объединения	Религиозные Культурно-просветительские Профессиональные Политические
	Конфликты	
Услуговая	Культурная	Досуг Обучение Просвещение
	Коммунальная	Здравоохранение Физическая культура Социальное обеспечение Коммунальное хозяйство Служба быта Торговля Общественное питание
	Коммуникативная	Массовые коммуникации Транспорт Связь
	Образ жизни	
Индивид	Воспитание	
	Образование	
	Внешность и манеры	
	Личная гигиена	
	Физическая культура	
	Занятия	
	Досуг	
	Религиозная жизнь	
Нравственный облик		

Схема 2.
(продолжение)

Семья	Структура	
	Функции	
	Отношения	
	Уровень жизни	
	Досуг	
	Гигиена	
	Лечение	
	Религиозная жизнь	
	Языки общения	
Экокомплекс	Естественный	
	Культивированный	Культурные растения Домашние животные
	Антропогенный	Поселения Усадьбы Строения Пища Одежда Утварь Орудия труда Транспортные средства Оружие Припасы Домашняя библиотека Источники текущей информации Музыкальные инструменты
	Социальный	Страты Группы Связи Отношения Языки общения
События и ритуалы	Универсальные	Встреча Прощание Застолье
	Календарные	Суточные Недельные Месячные Сезонные
	Переходные	Рождение Инициация Брак Смерть
	Эпизодические	Ординарные Экстраординарные

Схема 3. Массовые коммуникации
(пример среднего уровня структуры)

Издания	Вещание	Телевещание Радиовещание
	Публикации	Книги Журналы Газеты Пластинки Компакт-диски Аудиокассеты Видеокассеты Кинофильмы Диафильмы Микрофильмы Дискеты
Услуги		Библиотеки Информационные центры Магазины и прокат

***

Приводимые ниже примеры интерфейса выбраны таким образом, чтобы продемонстрировать различные формы предъявления информации и образцы организации самих диалоговых окон.

Рис. 1 иллюстрирует принадлежность БД «Народы России» возможной системе баз данных «Россия».

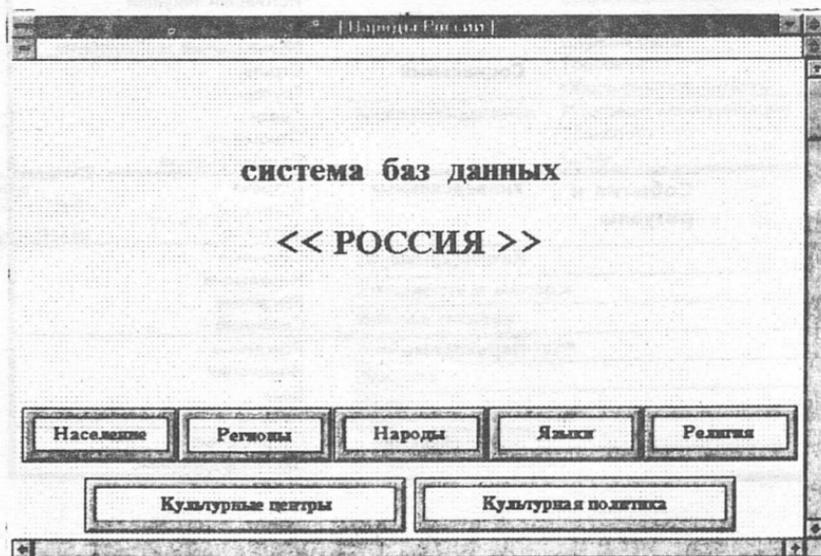

Рис. 1

Макет базы данных «Народы России»

На рис. 2 и 3 представлены окна самых верхних уровней диалога и показан выбор *Места* — одного из регионов России, в данном случае Северного Кавказа (рис. 2) и Кабардино-Балкарии (рис. 3). Для параметра *Этничность* здесь выбрано значение «0».

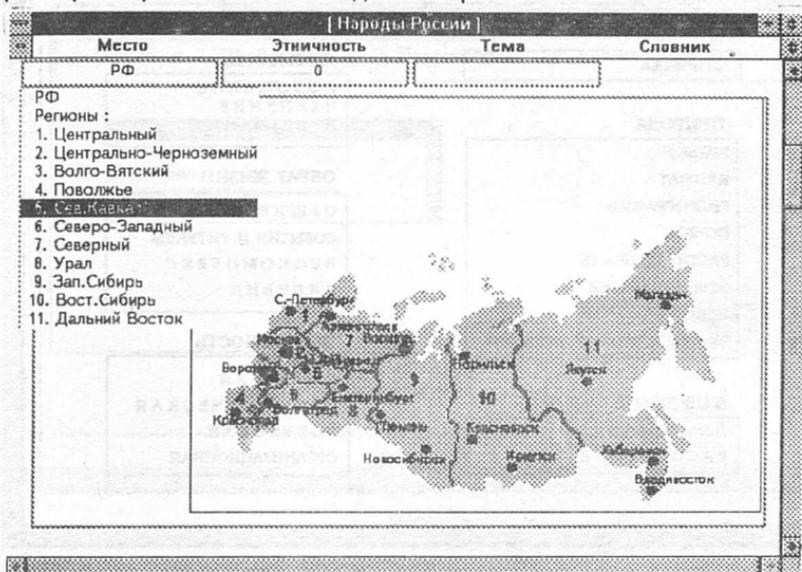

Рис. 2

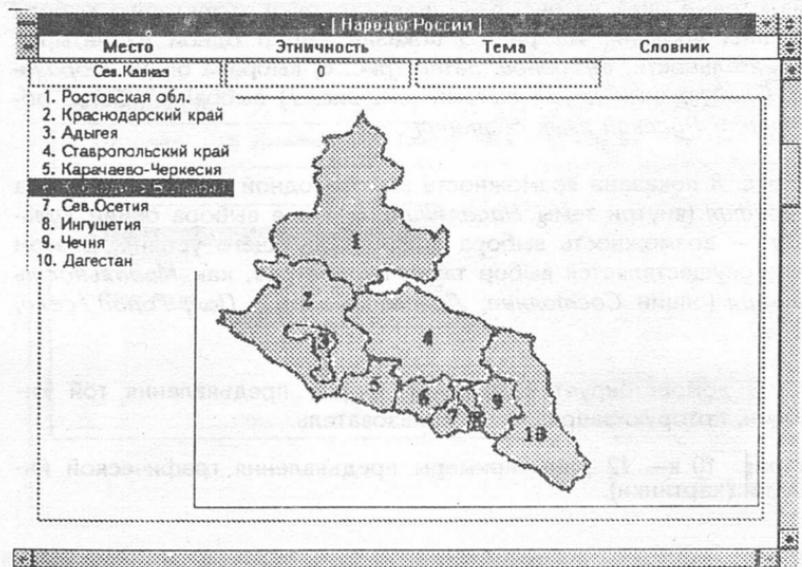

Рис. 3

Следующее окно (рис. 4) демонстрирует возможность выбрать одну из пяти тем

[Народы России]			
Место	Этничность	Тема	Словник
Кабардино-Балкария	0		
<div style="display: flex; justify-content: space-between;"> <div style="width: 45%;"> <p>* СПРАВКА</p> <p>ПРИРОДА</p> <p>РЕЛЬЕФ КЛИМАТ ГИДРОГРАФИЯ ПОЧВЫ РАСТИТЕЛЬНОСТЬ ЖИВОТНЫЙ МИР ИСКОПАЕМЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ</p> <p>НАСЕЛЕНИЕ</p> <p>ДЕМОГРАФИЯ РАССЕЛЕНИЕ</p> </div> <div style="width: 45%;"> <p>ТЕРРИТОРИЯ</p> <p>ПОЛОЖЕНИЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРИТЯЗАНИЯ</p> <p>ОБРАЗ ЖИЗНИ</p> <p>ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ СОБЫТИЯ И РИТУАЛЫ ЭКОКОМПЛЕКС ИНДИВИД</p> <p>ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ</p> <p>ДУХОВНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСЛУГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ</p> </div> </div>			

Рис. 4

Диалоговые окна на рис. 5—7 иллюстрируют траекторию выбора на средних уровнях. На рис. 5 показан выбор одной из четырех сфер деятельности, *духовной*. Затем (рис. 6) выбрана опция *Образование*. Следующими двумя шагами (см. рис. 7) выбраны *Общее образование* и *Русский язык обучения*.

На рис. 8 показана возможность выбора одной из опций раздела *Демография* (внутри темы *Население*), а после выбора опции *культурная* — возможность выбора опции следующего уровня. В этом же окне осуществляется выбор таких параметров, как *Модальность сообщения* (опции *Состояние*, *Динамика* и др.), *Пол*, *Город/село*, *Возраст*.

Рис. 9 демонстрирует возможную форму предъявления той информации, которую запрашивает пользователь.

На рис. 10 — 12 даны примеры предъявления графической информации (картинки).

[Народы России]			
Место	Этничность	Тема	Словник
Кабардино-Балгария	0	Деятельность	

деятельность → → → выберите параметры

Состояние
  Динамика
  Предыстория
  Анализ
  Проекты

Духовная...
 Экономическая...
 Услуговая...
 Организационная...

Рис. 5

[Народы России]			
Место	Этничность	Тема	Словник
Кабардино-Балгария	0	Деятельность	

деятельность → → → выберите параметры

Состояние
  Динамика
  Предыстория
  Анализ
  Проекты

Духовная
 Язык...
 События...
 Религия...
 Познание...
 Идеология...

Рис. 6

[Народы России]			
Место	Этничность	Тема	Словник
Кабардино-Балкария	0	Деятельность	

деятельность	→	→	→	выберите параметры
☒ Состояние	☒ Динамика	☒ Предыстория	☒ Анализ	☒ Проекты
Образование Общие сведения Персоналии Общее образование... Специальное образование... Профессиональное образование...		язык обучения русский балкарский кабардинский		
Общее образование Начальное		ВОЗВРАТ ДА НЕ		

Рис. 7

[Народы России]			
Место	Этничность	Тема	Словник
Кабардино-Балкария	Кабардинцы	Население	

демография	→	→	→	выберите параметры
☒ Состояние	☒ Динамика	☒ Предыстория	☒ Анализ	☒ Проекты
Биологическая... Социальная... Экономическая... Культурная... Конфессиональная		ПОЛ M+Ж ГОРОД/СЕЛО Г+С ВОЗРАСТ ☐ все ☒ распределение		
Культурная Язык (владение)*		ДА НЕ		

Рис. 8

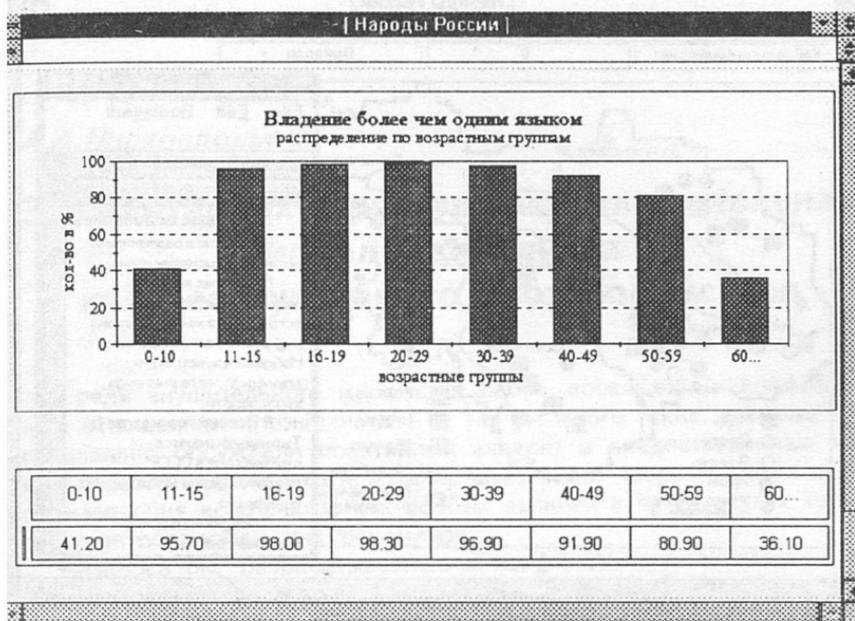

Рис. 9

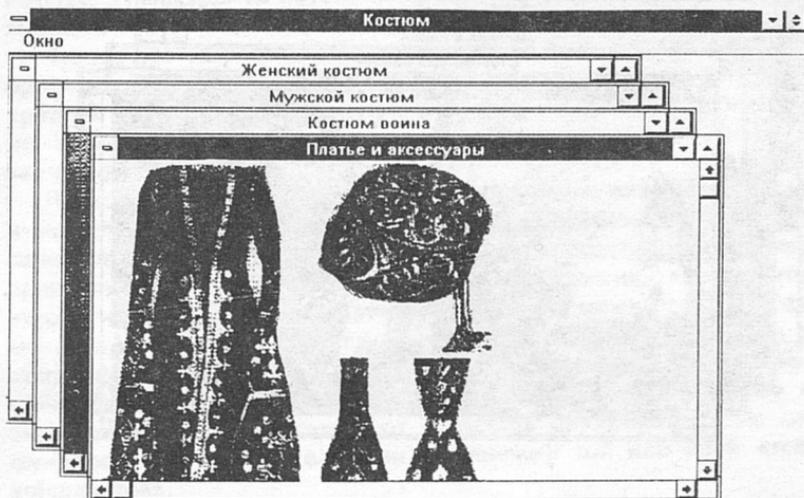

Рис. 10

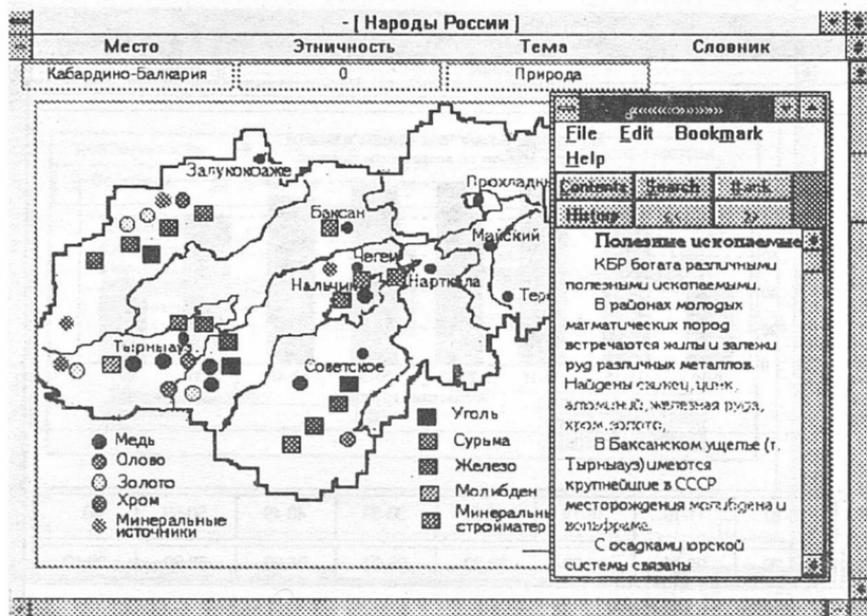

Рис. 11

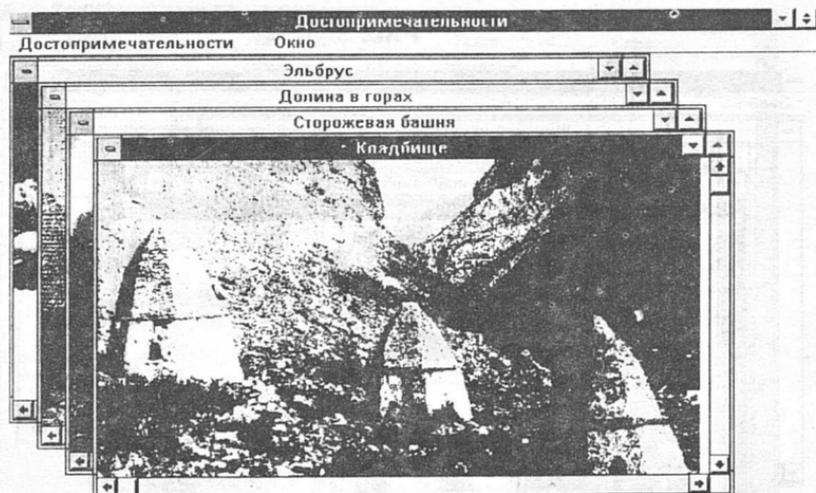

Рис. 12

А.А. Пископпель

Элементарная структурно-функциональная модель конфликта как деструктивного противодействия

Среди внушительного множества работ, посвященных конфликтным отношениям и конфликтам, не так уж много таких, которые бы специально обсуждали понятийный аппарат и предоставляемые им возможности для адекватного и продуктивного теоретического воспроизведения конфликтов как особых явлений в кругу других культурно-антропологических феноменов.

Казалось бы, разрабатываемые в конфликтологии и смежных с нею дисциплинах «теории конфликтов» и должны выполнять эту необходимую работу — в той мере, в какой они рекомендуют себя в качестве наук, изучающих, под определенным углом зрения, человека и общество. Но как раз их влияние на основную массу работ во все увеличивающемся потоке конфликтологической литературы мало заметно.

Что же это за работы? Подавляющее их большинство однозначно ориентировано на описание и так называемый «анализ» вполне конкретных социальных (или внутриличностных) событий, опознаваемых (на явно предъявляемом или неявно подразумеваемом основании) как конфликтные.

Поскольку подобного рода события довольно сложно «устроены» и как правило «размазаны» в пространстве-времени, подобные описания сами зачастую напоминают конфликты, сочетая в себе языки и принципы схематизации социологии и психологии, политологии и этнологии и т.д., «замазывая» образующиеся между разными фрагментами «описания» концептуальные «швы» правдоподобными рассуждениями, основанными на здравом смысле. В результате, прогностическая и праксеологическая ценность подобных «анализов» оказывается всецело зависимой от искусства аналитиков, а не от их фундирования объяснительными принципами той или иной «теории конфликтов».

В чем же теоретическая слабость современных «теорий конфликтов»?

На сей счет существует целый спектр мнений, начиная с тех, которые отрицают возможность теоретического воспроизведения

таких сложных культурно-антропологических явлений, как конфликты, и кончая теми, которые отрицают необходимость в каком-либо объективном знании, полученном вне и помимо самого реального «конфликта»¹. Как бы ни оценивались эти мнения сами по себе, их наличие зримо свидетельствует об общей неудовлетворенности состоянием конфликтологии. И эту неудовлетворенность легко понять, ведь по сути дела «теории конфликта» являются не теоретическими, а метатеоретическими по своему смыслу.

Долгие годы официальная идеология и вслед за ней отечественная общественная наука отрицали существование значимых конфликтных явлений в жизни советского общества в силу отсутствия в нем так называемых «антагонистических противоречий» между различными субъектами общественной жизни. Теперь перед нами прямо противоположная картина, когда везде и во всем обнаруживают конфликты и их проявления. Самые разные социальные и внутриличностные события опознаются как конфликты, и, следовательно, предполагается (а вернее, полагается), что они принадлежат одной и той же области явлений. А это, по интенции, означает, что все они имеют одну и ту же сущность, по разному проявляющуюся в зависимости от тех или иных внешних обстоятельств и внутренних условий.

В какой мере подобные предположения оправданы?²

Вряд ли можно сомневаться в том, что в лице современных конфликто-графии и конфликто-логии мы имеем дело скорее с широким социально-научным движением междисциплинарного толка, нежели с вполне определенной, предметно ограниченной областью теоретических и практических исследований и разработок. В этом своем качестве оно принадлежит к той же категории научно-технических подходов, что и системный, информационный и т.п., будучи, однако, более скромным по масштабам и предметной направленности.

Опыт методологической рефлексии их смысла и значения показывает, что подобным движениям в равной мере присущи и собственно междисциплинарные и интегративные тенденции — стремление к новому предметно-теоретическому единству и тенденции к использованию в качестве основания такой интеграции вполне конкретного

---

¹ Например: «Мы <...> в уверенности, что можем научно осмыслить какие-то социальные конфликты, рационально их контролировать. Нужно только постараться. Но я совсем в этом не уверена». (Социальные... 1991: 23)

«Проработку понятийного аппарата нужно рассматривать лишь как самую общую и предварительную задачу, а настоящее теоретическое движение происходит в процессе раскрытия характерных особенностей реальных конфликтных отношений и ситуаций (Социальные... 1991: 33).

² Для того, чтобы показать дефицитность подобного подхода, мы воспользуемся материалами дискуссии на «круглом столе», организованном в 1991 г. Институтом социологии АН СССР и Международным центром общечеловеческих ценностей и посвященном проблемам социальных конфликтов.

и частичного внутридисциплинарного логико-эпистемологического идеала (Щедровицкий 1981).

Грубо говоря, каждый из интегративных субъектов такого движения, представляющий интересы частного предметно-определенного подхода и дисциплины, «тянет одеяло на себя». Не подвергая сомнению ни правомерности, ни неизбежности подобных «патриотических усилий», можно лишь сомневаться в их продуктивности, продуктивности совместных усилий «лебедя, рака и щуки»³.

Ведь какова бы ни была конкретная определенность, выделяемая в «конфликтах», по ее поводу мы всегда обнаружим два прямо противоположных суждения⁴. Если «конфликт имеет место лишь в том случае, когда острое напряжение, противоречие осознано и притом двумя сторонами...» (Шаленко 1991: 22), а «характерной чертой социальных конфликтов в условиях нашей <...> системы <...> является то, что мы имеем дело с иррациональными столкновениями такого рода, когда реальные цели этих столкновений осознаются плохо или слабо...» (Федотова 1991: 58), то либо такое понятие конфликта дефицитно применительно к существенной области социальных явлений «в условиях нашей системы», либо подобного рода события «в условиях нашей системы» не являются конфликтами.

Можно ли построить общезначимую и продуктивную программу изучения и разрешения конфликтов, если для одних существуют «способы выявления, высветления конфликтов <...> И задача ученых, общественности в том, чтобы помочь их высветить, все их стороны, а затем найти адекватную форму их разрешения, точнее, разрешения тех противоречий, которые лежат в их основе» (Новикова 1991: 31), а для других «основное для науки — прояснение конфликта, а не активное участие в нем, и рекомендаций в отношении конфликта поэтому не должно быть. Мне кажется, что ученые должны понимать, что сделать они могут очень мало. Потому что разрешение конфликта возможно, по-моему, только на нерациональной основе» (Горелов 1991: 53).

Ведь когда одни убеждены, что «нельзя говорить только об устранении конфликтов, а необходимо иметь в виду в определенных условиях их стимулирование также» (Эфиров 1991: 30), а другие полагают, что «это стимулирование не конфликтов, а определенных

³ Сторонники генерализованного понятия конфликта должны бы и эту ситуацию рассматривать как конфликт, а всякого рода «круглые столы» и обсуждения в качестве его моделей.

⁴ Приведенные ниже суждения высказаны в процессе обсуждения проблем социальных конфликтов, организованного в 1991 г. Институтом социологии, Центром конфликтологии и Международным центром общечеловеческих ценностей (Социальные... 1991; 1992).

общественных отношений» (Новикова 1991: 49), то явно что-то не в порядке «в датском королевстве».

В подобном случае нужно обладать изрядным чувством оптимизма, чтобы заявлять: «Мне не очень нравится, когда творческая мысль долго бьется только вокруг вопроса о понятиях. Мы уже хорошо знаем на опыте, что при отсутствии содержательных мыслей как раз и начинают выяснять понятия» (Витюк 1991: 33), — наивно полагая, что «содержательные мысли» можно отделить от «понятий» как мух от варенья.

Конечно, такое столкновение противоположных взглядов само по себе обычное явление, когда мыслительному (и не только мыслительному) освоению подлежат новые предметные области, явно не вмещающиеся в рамки уже сложившихся дисциплинарных подходов. Однако симптоматично: подобное столкновение происходит преимущественно на эмпирическом уровне репрезентации такого рода явлений и осознанно, а чаще всего неосознанно, противится их концептуализации. Причем смысл и значение концептуальной проработки отрицается на основании, которое, казалось бы, указывает на ее насущную необходимость — социальные конфликты якобы слишком сложные, многообразные и ситуативные явления, чтобы их можно было «схватить» и выразить с помощью ограниченных, грубых и универсальных понятийных средств и присущих им способов схематизации и идеализации.

Больше того, зачастую отрицается сама возможность рационального (т.е. не только научного, но и вообще разумного) их освоения — на том основании, что они либо вообще иррациональны по своей «природе», либо представляют собой неразрывное единство рационального и иррационального⁵.

К чему в итоге способны привести подобные установки?

Вот, например, результаты обсуждения возможных оснований возникновения межнациональных конфликтов, среди которых усматриваются: стремление к перераспределению ресурсов и оборонных средств; приватизация; несовпадение этнических, национальных и культурных границ; осуществление права наций на самоопределение и прав личности; соотношение между властью и народом в национальных общностях; отсутствие гармонии между национальными интересами; формирование разного типа рыночных отношений; исламизация и вестернизация; борьба новых политических элит; пауперизация населения; разнообразие представлений людей о национальном достоянии и национальном достоинстве (Социальные... 1991; 1992)

⁵ В этом случае речь идет уже не о специфике той или иной предметности, формы социального бытия как такового, а о различных мировоззренческих ориентациях, в значительной степени безразличных к способам своего опредмечивания, а значит обсуждать их здесь вряд ли уместно.

Короче говоря, эмпирической *почвой* конфликтов (а не причиной, как это иногда полагают) может быть любая определенность общественной жизни. А это одновременно означает, что сущность конфликта инвариантна подобным *определенностям* самим по себе и не может быть выявлена путем их непосредственного анализа. Поэтому, какие бы аргументы ни приводили противники концептуализации и теоретизации подобных явлений, из подобного воздержания ничего родиться не может и эмпиризм здесь так же бесплоден, как и в любой другой области сознательной деятельности.

Конечно, теоретически фундированная конструктивно-познавательная установка сама по себе еще не позволяет ответить на вопрос о специфике видения именно конфликтов как таковых и даже не способна подсказать, на каких путях такое продуктивное видение возможно. Она лишь указывает на отсутствие **идеализованных объектов** в эпистемологической системе.

Мы, в целях такой идеализации, в данной работе будем отправляться от представления о конфликте как о деструктивном противодействии (*Лископпель* 1994).

Отнесение конфликтов к социальному противодействию, подразумевает различие и противопоставление его содействию как противоположному и взаимоположному способу взаимодействия. **Конфликтом** в таком истолковании является противодействие, развертывающееся в определенном социальном пространстве — конфликтной ситуации, включающей в свой ареал предметные и субъектные условия (предпосылки) конфликтного взаимодействия. Совокупность субъектных условий вступления в него — готовность — является формой выражения определенных отношений, предопределяющих сам способ социального взаимодействия, где содействию соответствуют кооперативные отношения между субъектами социального действия, а противодействию — конфронтационные.

Так или иначе, определяя место конфликтного действия в «пространстве» социального взаимодействия, мы будем использовать оценочное отношение к социальному действию прежде всего в форме противопоставления конструктивности/деструктивности действенных усилий субъектов, причем типологически отождествляя конфликт не просто с противодействием как формой социального действия, а с деструктивным противодействием, исходя из представления, что отнюдь не всякое противодействие и конфронтация являются общественно вредным явлением.

В то же время, конструктивные формы противодействия отождествляются с обобщенно (идеально-типически) понимаемой **конкуренцией**.

В свою очередь, конструктивные формы социального содействия будут обобщенно (идеально-типически) отождествляться с **сотрудничеством**, а деструктивные формы социальной кооперации с

сообщничеством. Чем же в такой интерпретации конфликт отличается от конкуренции, т.е. деструктивное противодействие от конструктивного?

Прежде всего тем, что во втором случае существует общественно признанная, культурная парадигма (культурная норма) противодействия, выступающая в качестве третьей, «незаинтересованной стороны» и включающая регулярный принцип определения «победителя». Наличие такого культурного стандарта означает со-участие конкуренции в воспроизводстве общественной жизни на правах одного из ее механизмов и тем самым ее функциональность и осмысленность⁶.

Схематизируя смысл очерченного общего представления о специфике конфликтного взаимодействия, можно построить простейшую (исходную) схему конфликта (см. схему 1а и 1б).

Для этого достаточно конструктивно оформить (идеализовать) намеченное выше противопоставление типологически различных форм взаимодействия в рамках элементарной модели социального действия.

В такой схеме должен быть представлен, во-первых, *субъект* — активное начало и двигатель всего действия в целом (в роли которого могут выступать интегративные субъекты социального действия разной степени общности), а во-вторых, *пладарм* взаимодействия — то предметно-определенное пространство (среда-ареал), в котором и на котором разворачивается объективированная (доступная внешнему наблюдателю) часть действия.

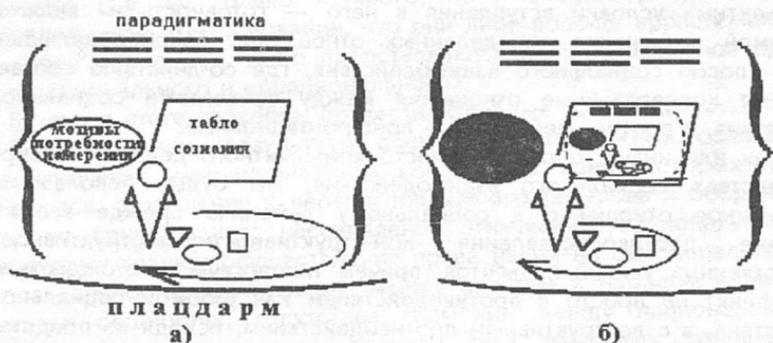

Схема 1

⁶ Регулируемость — основное содержание конкуренции, а нерегулируемость — конфликта, ибо отсутствие культурной парадигмы и означает дефициентность регуляторов конфликта как осмысленного и целенаправленного действия.

Предметы, образующие такой плацдарм, могут быть как «вещами» (вещными функциями), так и «информацией» (духовными значениями)⁷.

Каждый конкретный субъект социального действия обладает своей особой *потребностно-мотивационной* сферой (компонентой), определяющей общую направленность действия. В ее основе — потребности и интересы, побуждающие субъекта к действию.

Сознательность и целенаправленность действия обеспечивается наличием у субъекта *табло сознания* (сознания), потенциально способного идеально воспроизводить (представлять) любую определенность социального действия, в том числе и самое себя. *Самообраз* (образ самого себя) необходим социальному действию как условие различения изменений, вносимых в мир субъектом, от тех, которые определяются «самим ходом вещей». Причем, особенностью механизмов сознания (табло сознания) является то, что оно способно синтезировать в едином представлении результаты познавательной активности различной природы и имеющей разные источники. Так, если вещи плацдарма действия доступны непосредственному «наблюдению», то информация, несмотря на объективированную форму существования, нуждается в «понимании» и «интерпретации» (и может, в частности, оказаться дезинформацией).

Такой синтез единого (сознательного) представления является основой регулятивного механизма исполнения (исполнительной компоненты) действия. При этом каждая из составляющих действия представляется (отображается на табло сознания) в соответствии со своей категориальной определенностью или, другими словами, приобретает ту или иную определенность. Так, потребностно-мотивационная компонента представлена здесь «целью», одни из компонентов плацдарма взаимодействия выступают в качестве «ресурса» (материала), другие — «средств» действия и т.п.

Важнейшей особенностью социального действия и социального субъекта действия является то, что характер представления (отображения) на табло сознания полноты действия, т.е. работа механизмов сознания, не раз и навсегда заданы «природой» сознания, а в свою очередь определены *нормами* (образцами) *мысле-действования*, в совокупности образующими *парадигматику* действия.

⁷ Мы используем, в данном случае, содержание понятия информации, сложившееся в информатике, где под «информацией» имеют в виду духовные значения, размещенные и закрепленные на материальном носителе и предназначенные для опосредования коммуникативных процессов.

⁸ Здесь и далее вместо термина «сознание» будет использоваться термин «табло сознания», чтобы подчеркнуть, что это сознание — познавательная абстракция нашей модели, имеющей вполне определенный и довольно ограниченный смысл.

Парадигматический строй действия определяет не только представляющую функцию сознания (что и как будет представлено на табло сознания), но и все *действие в целом* — в той мере, которая необходима и достаточна для непрерывного существования действия, обеспечивая его воспроизводство.

Намеченные выше компоненты структуры социального действия могут быть использованы (достаточно) для рассмотрения элементарной схемы социального взаимодействия и такой его формы, как конфликт. Для того чтобы перейти от схемы действия к простейшей (всеобщей) схеме взаимодействия, объединим два действия (две схемы) на одном плацдарме или, другими словами, рассмотрим два действия «пересекающихся» на общем плацдарме и только на плацдарме действия.

Достаточно ли самого по себе такого объединения, чтобы вместо двух действий возникло именно взаимодействие, т.е. в определенном отношении одно *над-действие*? Очевидно, однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Все зависит от того, что «произойдет» с каждым из исходных действий (схем) и прежде всего от того, в каком виде и в какой форме «появление» смежного действия будет отражено на табло сознания каждого из субъектов исходных схем действия.

Если предположить, что в результате для каждого из субъектов исходного действия (т.е. на табло сознания) все ограничится лишь появлением на плацдарме новых предметов и изменением уже существующих (т.е. изменения на плацдарме не будут опознаны как *результаты* действия и не будут отнесены к определенному источнику активности — субъекту, а будет «замечена» лишь объективированная часть смежного действия), то такое объединение сведется лишь к появлению на табло сознания новых «объективных условий» осуществления действия, которые именно в таком качестве могут быть учтены и использованы для корректировки исходного действия (см. схему 2).

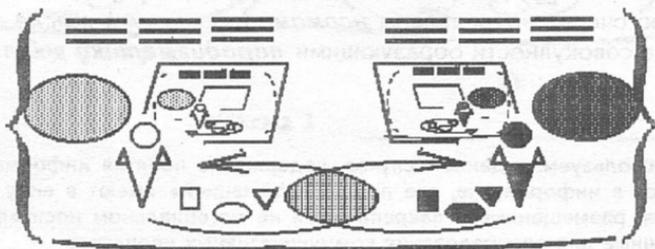

Схема 2

Тем самым в этом случае мы получим схему не *социального*, а *механического* взаимодействия, т.е. такого взаимодействия, в котором для каждого из субъектов исходного действия происходит изменение лишь предметно-определенного ареала действия, но не самого действия как действия. Другими словами, действия (субъекты действия) находятся в состоянии механического взаимодействия, если каждое из них существует для другого только в плане плацдарма взаимодействия.

Если от схемы обратиться к ее эмпирическим референциям, то результат подобного механического взаимодействия может быть любым, завися от всех обстоятельств и определенностей исходных действий (их коррелятивности). Грубо говоря, объединенные таким образом действия будут *мешать* друг другу, и диапазон таких

помех может быть чрезвычайно широк. И хотя чисто «объективно» два механически объединенных действия чаще всего и противодействуют друг другу и выполняют по отношению друг к другу деструктивную роль (противоположное было бы результатом разве что предустановленной гармонии), рассматривать подобное взаимодействие как конфликт нет, с нашей точки зрения, основания, так как оно находится за пределами социального взаимодействия вообще (каждое из действий социально, но их механическое взаимодействие, как новая целостность, по сути дела нет)⁹.

Определенный интерес представляет промежуточный случай, а именно случай, когда для одного из субъектов действия налицо ситуация социального, а для другого — механического взаимодействия, т.е. когда один из субъектов «не замечает» вмешательства в свое действие со стороны другого (см. схему 3).

⁹ В эмпирическом отношении гораздо больший интерес представляет случай прямо противоположный, а именно — когда те или иные неконтролируемые изменения ареала действия, имеющие внешние или внутренние (неадекватность плана и способа) для действия причины категоризируются («осознаются») как результат социального взаимодействия и соответственно противодействия со стороны некоего мнимого субъекта. Конечно, подобное мнимое (фантазийное) конструирование практически невозможно в случае простого и ограниченного субъекта, но довольно распространенное явление по отношению к таким интегративным (собирательным) субъектам как этнос, нация, государство, правительство и т.п. Происки тайных (но ведомых знающим) сил, мировые заговоры, оборонное сознание и т.п. — все это феномены одного ряда. Ксенофобное сознание (с его парадигматикой), для которого весь мир — арена борьбы враждебных сил (субъектов), вынашивающих коварные планы, — не просто игра параноидального воображения. Природа социальной реальности такова, что *не отражая* ее подобное сознание, становясь руководством к действию, ее *порождает*, превращая своими действиями номинальный (мнимый) субъект в реальный (заставляя в ответ спланиваться в интегративный субъект ранее совершенно не связанный реальными отношениями частные субъекты).

По сути дела и здесь перед нами не социальное взаимодействие, так как в нем нет *взаимности*, а нечто иное — когда одно действие только *мешает*, а другое и *вмешивается* в другое. В зависимости от целей и способов такого вмешательства оно может иметь различный характер, но в любом случае одно из действий (субъект) является ведущей, а другое ведомой. Можно квалифицировать подобное отношение между действиями (субъектами) как отношение *управления* в широком смысле, как предельный тип этого отношения, переходящего в свою предельную, вырожденную форму — *манипулирование*¹⁰.

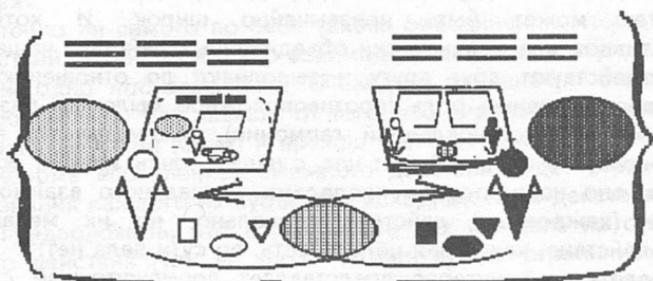

Схема 3

Соответственно и в этом случае, вне зависимости от характера *вмешательства* или *помехи*, поскольку перед нами не собственно социальное взаимодействие, в нем нет места конфликту как таковому (согласно нашей исходной предпосылке).

Для того чтобы объединенные на одном плацдарме действия стали взаимно-действием, необходимо, по меньшей мере, чтобы для каждого из субъектов исходного действия (т.е. на табло сознания в схеме) на плацдарме действия наряду с пассивными предметными организованностями (вещами), с присущими им процессами (естественным ходом вещей), появился бы и другой субъект (образ субъекта на табло сознания) как активная (конечная) причина изменений на

¹⁰ В военном искусстве (а военные действия традиционно рассматриваются как предельный случай социального конфликта) широко практикуются способы маскировки и дезинформации, призванные скрыть активные действия (приготовления) одной из сторон или представить их как результат «естественного хода вещей» и тем самым направить действия другой стороны в желаемое русло, т.е. способы манипулирования (управления) противником.

пладдарме¹¹. И тем самым любое изменение на пладдарме наряду с объективной характеристикой (оценкой) приобрело бы и субъективную в пространстве взаимоотношений «Я - Другой». Только тогда пладдарм действия каждого из субъектов превращается в пладдарм их взаимодействия, а субъекты объединенных действий в *стороны взаимодействия* (см. схему 4).

Собственно говоря, мы лишь схематизировали довольно тривиальный и тавтологичный «факт» — объединение двух действий лишь тогда превращается во взаимодействие, когда для *сознания* каждого из субъектов действия такое объединение является взаимодействием, т.е. на табло сознания каждого из субъектов представлено (отражается) взаимопересечение двух *действий* на одном пладдарме.

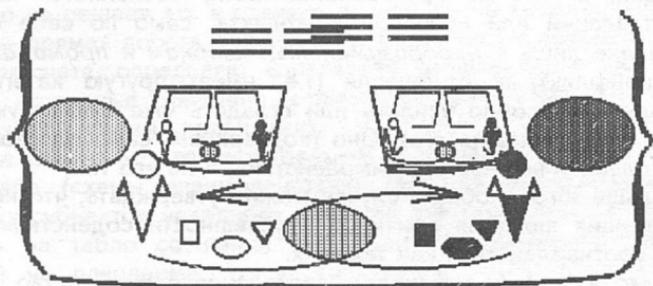

Схема 4

Но что значит представить действие «Другого» как действие? Это значит наряду с объективированной частью действия, осуществляемой на пладдарме, представить потребности, мотивы и цели этого «Другого», его планы и намерения и т.п. Причем нас в данном случае не интересуют ни сами потребностно-мотивационные компоненты действий (субъектов) как таковые, ни их представления (отражения) на табло сознания и степень их соответствия «реальности» и т.п. Мы лишь хотим указать на предпосылочную необходимость их представления вообще. В общем случае для характера взаимодействия гораздо большее значение, чем *реалистичность* подобных представлений, имеет их *идентичность* — степень дивергенции между ними.

Будем исходить из того, что подобная дивергенция, как онтологическая (между самими потребностно-мотивационными компонента-

¹¹ Мы здесь совершенно отвлекаемся от вопросов, каким образом и за счет чего опознаются и сепарируются те или иные предметные изменения ареала действия и относятся к действующим (естественным) или конечным (субъективным) причинам, как от несущественных для наших целей.

ми), так и когнитивная (между представлениями о них в сознании), существует. Зачастую их различная направленность (онтологическое противоречие) рассматривается как конфликт потребностей и мотивов или причина конфликта. С этим невозможно согласиться. Она определяет лишь тип социального взаимодействия, а именно, о содействии или противодействии будет идти речь. И в той же мере как без их совпадения невозможно содействие, без их противоположности — противодействие. Противодействие же в равной мере может быть как конструктивным, так и конфликтным.

Эмпирически хорошо известно, что для сколь-нибудь сложного взаимодействия когнитивная дивергенция потребностно-мотивационных сфер (представлений) является скорее правилом, чем исключением. Но сама по себе она даже не определяет ни тип взаимодействия, ни, тем более, конфликтно оно или нет.

Хотя зачастую и подобное несовпадение (противоречие) образов ситуации, вплоть до противоположности, объявляется конфликтом представлений или причиной конфликта, само по себе оно имеет отношение лишь к *недоразумениям, ошибкам и промахам*, а не к сути конфликтных отношений (т.е. имеет другую категориальную природу и способно усилить или сгладить уже существующий конфликт, но не вызвать его). Оно (подчеркнем, само по себе) определяет только успешность взаимодействия, а не его тип.

Больше того, в общем случае можно утверждать, что когнитивная дивергенция является причиной неуспешности содействия и успешности противодействия как таковых.

Никто не станет причислять спортивное единоборство, скажем, в шахматах, к конфликтам. Но весь смысл шахматной игры и состоит в том, что противники по-разному представляют себе «объективное» положение дел на шахматной доске и намерения друг друга. Они скрывают свои намерения и делают обманные ходы (т.е. изготавливают «дезы»), используют домашние заготовки, тщательно их скрывая друг от друга (собственно говоря, составляя тайный разговор друг против друга) и совершают другие поступки, вроде бы не принятые между порядочными людьми. И за эти «нехорошие» поступки их не осуждают и не презирают, а чествуют и награждают.

Но достаточно вместо одного «нехорошего» поступка (скажем, воспользовавшись рассеянностью противника, взять да и незаметно подстроить ему вилку и «съесть» ладью) совершить другой — так же незаметно для противника взять да убрать с шахматной доски ту же ладью, — как шахматная партия (определенный тип социального взаимодействия — спортивного единоборства) тут же и закончится. А вместо нее возникнет ситуация, в результате которой один из противников будет не только дисквалифицирован и признан непорядочным человеком, но вполне возможно и побит (как это чуть не произошло с незабвенным Остапом Бендером), и вот уже эту ситу-

ацию мы с гораздо большим основанием можем рассматривать как конфликтную.

Но если некий наивный человек спросит — как же так, что же это за двойной стандарт, почему в одном случае за одни «нехорошие» поступки поздравляют, а за другие осуждают, ему резонно ответить: таковы *правила* игры в шахматы. И в шахматах «порядочно» (допустимо) то, что соответствует этим правилам, и «непорядочно» (недопустимо), что не соответствует. Выход же поступка за пределы правил означает и выход за пределы шахматной игры как таковой.

«Правила» в данном случае и есть то, что мы выше назвали (обозначили) парадигматикой действия (совокупность норм мыслей-действий). Очевидно, для характера взаимодействия гораздо более важны структуры парадигматические (и их представленность), нежели структуры потребностно-мотивационные (и их представленность на табло сознания).

И если потребностно-мотивационная дивергенция сама по себе еще ничего не решает, то, в отличие от нее, дивергенция парадигматическая — прямая дорога к конфликту. Ведь именно парадигматика, в конечном счете, определяет конкретную целостность социального действия, и разные действия отличаются *как действия* своей парадигматикой (своими правилами).

Мы уже отмечали, что необходимым условием социального взаимодействия (схемы взаимодействия) является «появление» для каждого из субъектов исходного действия другого субъекта (образа «Другого» на табло сознания) как активной (конечной) причины изменений на плацдарме. Такое «опознание» есть одновременно условие и результат *признания* «иного» субъектом, наделения его «правами» субъекта, своего рода согласие на вступление во взаимодействие. В плане парадигматики это означает «превращение» парадигматики действия в парадигматику взаимодействия, появление у каждой из сторон таких правил, в которых предусмотрены (и регламентированы) поступки другой стороны. Каков же будет характер такого взаимодействия, определяется дивергентностью/конвергентностью парадигматики взаимодействия его сторон.

Парадигматическая совместимость исходных действий предопределяет характер взаимодействия, возможность образования новой целостности. Появление же новой целостности, объединяющего начала у двух взаимопересекающихся действий — синоним конструктивности, а ее отсутствие — деструктивности, т.е. конфликта¹².

12 У сидящих за одной шахматной доской прямо противоположные установки и каждый из них «все делает» для того, чтобы подорвать положение противника и «загнать его в угол», но это не мешает, а наоборот, является условием успешности шахматной партии. И чем она драматичней, чем изощренней и неожиданней «коварство» противников, тем больше у нее шансов стать событием в спортивном мире, тем значительней ее результат и тем

Таким образом, и с нашей точки зрения в *основе* конфликта лежит противоречие, но отнюдь не «всего, чего угодно, со всем, чем угодно» (как иногда, по сути дела, эмпирически классифицируют «конфликты»), а только парадигматик действия/взаимодействия у сторон взаимодействия. Ибо именно совпадение (соответствие) парадигматик обеспечивает возможность для того, чтобы стороны играли в одну и ту же «игру», находились в одном и том же пространстве взаимодействия. Что же касается противоречий между другими определенными взаимодействиями сторон действия, то они выступают (в нашей схеме) в качестве условий взаимодействия (т.е. условий в равной мере как конфликтных, так и бесконфликтных его форм).

Апелляция к **культурным нормам** (образцам) и введение их в схемы действия/взаимодействия на правах основополагающих идеализованных объектов отнюдь не снижает общности рассмотрения темы и не выделяет в мире человеческой активности лишь узкий класс квази-механических (алгоритмических) человеческих действий, как иногда полагают некоторые. Наоборот, известная «ограниченность» и тем самым *определенность* человеческой активности в *одном отношении* является предпосылкой ее свободного проявления (свободы) в *других отношениях*. Без такой определенности (предела) как своей *основы* она останется активностью, но человеческой (прежде всего социальной) — вряд ли. Тем самым речь идет о том, что, как и в каком отношении ограничивается и кому и чему мешает такое ограничение¹³.

большим будет уважение противников друг к другу и к самим себе. Есть только одно условие, которое должно быть соблюдено — все должно происходить в рамках правил.

Что произойдет, если у каждого из игроков окажутся свои правила, хорошо известно — конфликт. В спортивной игре такое невозможно, поскольку это *хорошо определенный* вид противоборства (взаимодействия), но в домашних шашках, особенно у детей можно наблюдать препирательства и споры: брать или не брать «за фук», во что играли — в обычные шашки или «в поддавки» (когда одна из сторон не хочет признавать поражения и на ходу меняет правила) и т.п.

13 Характерный пример — уличное движение и взаимодействие его субъектов — водителей транспортных средств. Как хорошо известно, когда-то, во времена гужевого транспорта, практически не существовало правил уличного движения или вернее в качестве таковых выступали правила сословной субординации — плебеи должны были уступить дорогу патрициям. Не так в условиях современного движения. Существует целый свод правил, достаточно основательно регламентирующих и тем самым ограничивающих поведение водителя. Но возражать против них (по сути, а не в отношении отдельных норм) в современном обществе рискуют или большие «оригиналы» или сумасшедшие. Без них и без следования им городское движение превратится (и превращается) в один огромный конфликт, где каждый начнет «качать» свои права. И важно при этом отметить, что и как ограничивается правилами

Предложенная схема выражает, на наш взгляд, всеобщую «природу» любого конфликта, родовую сущность «конфликта вообще», необходимо воспроизводящуюся в любом многообразии его видовых проявлений. Согласно ей принципиальных выходов из конфликта может быть только два: «назад» (прекращение взаимодействия, его «размонтирование» и воздержание от действий) и «вперед» (прекращение взаимодействия, преобразование парадигматик действия/взаимодействия, их идентификация и только после этого возвращение к взаимодействию).

Как таковая в чисто операциональном плане эта схема является лишь средством выделения *области явлений* конфликтных взаимоотношений и тем самым отделения конфликта от других видов социального взаимодействия. И оставаясь только в ее пределах, конечно, трудно, а зачастую и невозможно выявить смысл конкретного эмпирического события-конфликта.

Во-первых, из-за того, что почти любое сколь-нибудь сложное человеческое действие представляет собой синтез (переплетение), а отнюдь не аддитивную сумму целого ряда элементарных и типологически разных действий, а тем самым необходимы «правила» синтеза подобных схем.

Во-вторых, из-за того, что в схеме воспроизводятся особенности лишь «сильно» определенных действий, а значительная часть человеческих поступков относится к сфере действий, «слабо» определенных¹⁴.

И в третьих, из-за того, что в схеме не определен «индекс реальности», способ существования самой парадигматики действия, или, вернее, способ ее бытия в рамках действия, в частности, — дополнительность осознаваемого (представленного на табло сознания) и неосознаваемого содержания парадигматики и т.п.

Каждое из отмеченных ограничений требует самостоятельного разбора, здесь же мы ограничимся несколькими замечаниями.

дорожного движения (парадигматика). По сути дела ограничивается только взаимный *порядок* проезда и парковки. Правила практически не ограничивают куда, зачем и на чем вам ехать и какой при этом выбрать путь (потребностно-мотивационная сфера). Все подчиняются одним и тем же правилам (ограничениям), но едут во все возможные стороны и по своим личным делам.

¹⁴ «Слабо» определенные действия не есть действия, не имеющие парадигматической основы (тогда бы мы вышли за пределы действия вообще, по крайней мере в нашем его понимании). Скорее наоборот, они обладают слишком развернутой, но в формально-логическом смысле диффузной парадигматикой, совмещающей разные парадигматические принципы и за счет этого неоднозначной. Такая парадигматика не существует в чисто «предметной» (опредмеченной) форме, а сама является особым действием, представляющим возможность выбора.

Для «сложного» (с точки зрения базовой схемы) действия/взаимодействия, регулируемого типологически различными парадигматиками, находящимися в отношении «дополнительности» друг к другу, действует своеобразный принцип суперпозиции (независимости): парадигматические требования могут и должны удовлетворяться одновременно (нормируются разные измерения, «разные стороны» действий)¹⁵.

С точки зрения схемы это означает, что «один и тот же» субъект принимает участие «одновременно» в целом ряде взаимодействий, и если хотя бы одно из них является конфликтным, то такое сложное взаимодействие в целом окажется конфликтом. А так как у них есть общий элемент, то существует возможность «перехода на личности» — иррадиации конфликта из одного горизонта (измерения) в другой. Таким образом, сложность конфликта связана с его многомерностью, и в каждом из измерений он приобретает свою категориальную (парадигматическую) определенность. Механизмы же такой иррадиации имеют не столько социальную, сколько социально-психологическую «природу».

Выход из конфликта подразумевает (как условие) в определенном смысле возвращение и восстановление исходного доконфликтного состояния. Но так как конфликт, будучи активным противодействием, неизбежно наносит тот или иной «урон» его сторонам, то такое восстановление невозможно без *компенсации*. Причем, такая компенсация в рамках многомерного конфликта сама должна носить многомерный характер и соответствовать особенностям его измерений.

В то же время, будучи социальным (компенсаторным) действием, она обладает всеми его характеристиками (особой парадигматикой) и как любое социальное действие/взаимодействие вместо того чтобы заблокировать, может усилить конфликт.

Одной из основных предпосылок схемы действия/взаимодействия является *соизмеримость* социальных действий (парадигматик), способных объединяться во взаимодействие. В пользу существования такой «осевой» реальности парадоксальным образом свидетельствует вездесущность конфликтов.

В то же время, и своеобразии социокультурных миров, и их относительная несоизмеримость друг другу — такая же реальность. И об этой реальности точно так же зримым образом свидетельствуют конфликты¹⁶.

15 Точно так же, как ничто не мешает речи, скажем, соответствовать нормам литературного языка, будь она поздравлением нобелевского лауреата или смертным приговором суда преступнику.

16 В определенном отношении конфликты являются своего рода «экспериментами», обнажающими и выявляющими подлинную структуру социальной реальности.

Ведь сколь-нибудь значительные и хронические социальные (и не только социальные) конфликты возникают там, где сталкиваются две «правды», две несоизмеримых парадигматики. Связность же социокультурных миров обнаруживается в «осевой» реальности, являющейся их общей базальной компонентой, пространством их взаимопересечения друг с другом.

Конструктивное разрешение этого противоречия (его учет) — необходимое условие усложнения схемы, ее конкретизации.

Литература

- Витюк В.В.* Круглый стол //Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование. Технология разрешения. Вып. 1. М., 1991.
- Горелов А.А.* Круглый стол //Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование. Технология разрешения. Вып. 1. М., 1991.
- Новикова Т.В.* Круглый стол //Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование. Технология разрешения. Вып. 1. М., 1991.
- Пископелль А.А.* Конфликт: социокультурное явление и научное понятие //Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 1. М., 1994.
- Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование. Технология разрешения. Вып. 1. М., 1991.
- Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование. Технология разрешения. Вып. 2. М., 1992.
- Федотова И.Г.* Круглый стол //Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование. Технология разрешения. Вып. 1. М., 1991.
- Шаленко В.Н.* Круглый стол //Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование. Технология разрешения. Вып. 1. М., 1991.
- Щедровицкий Г.П.* Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок //Системные исследования. М., 1981.
- Эфиров С.А.* Круглый стол //Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование. Технология разрешения. Вып. 1. М., 1991.

В.Р.Рокитянский

Этническое как проект

*Прежде, чем опустить кисть,
непреренно определи место Неба и Земли.*

Слово о живописи из Сада с горчичное зерно

О природе этнического спорят, но за всеми спорами стоят два неоспоримых на мой взгляд обстоятельства. Первое — это то, что этническое *происходит* из племенного, что, иначе сказать, племенная общность, восходящая в конечном счете к кровному родству, составляет *первичный* смысл этнического. И второе: в современной жизни связь этнических феноменов с их племенным протофеноменом стала весьма проблематичной — ничего не объясняющей и ничего не обосновывающей. Объясняется это тем, что, с одной стороны, единство происхождения, генетическое родство давно уже для большинства народов стало мифом; с другой же стороны, дух времени, поставивший *свободу, самоопределение личности* на вершину своей пирамиды ценностей и все менее склонный мириться с какой-либо формой человеческого общежития, не являющейся продуктом сознательной самоорганизации, относит родо-племенные связи к разряду низших — преодолеваемых и подлежащих преодолению.

Я не буду в этой статье обсуждать хорошо известные попытки выработать представление об этнической реальности, основанное не на племенном, а на других принципах, равно как и их критику. И меня вообще не будет занимать проблема построения такого *понятия* этноса, под которое подходили бы этнические общности, таковыми себя заявляющие и признаваемые. Мой подход к этой ситуации в целом — я называю его *проектным* — состоит в том, чтобы *попытаться построить такую модель человеческой общности, в которой бы наиболее полным образом реализовались некоторые из фундаментальных потребностей человека и которую можно было бы в каком-то смысле отождествить с этнической формой общности, построить, иначе говоря, этнопроект.*

Работа будет сделана в три этапа:

1) выдвижение и разъяснение идеала, или утопии, как некоторого образа желанной человеческой общности безотносительно к вопросу о ее реализуемости;

2) построение «идеалосообразного» проекта или типологии проектов, учитывающих ограничения реальности; в качестве одного из таких проектов выступает, как будет показано, «этнопроект» или, точнее, представление о множестве этнопроектов, представляющих собой различные версии реализации единой этнопроектной парадигмы;

3) наложение этой модели на образ существующей действительности.

Не менее, чем результат, меня интересует *метод*, посредством которого такого рода социально-проектная работа может производиться. Отсюда — рефлексивно-методологические отступления, сопровождающие содержательное движение. Применительно к постановке задачи я ограничусь следующими пояснениями.

1. В той части поставленной задачи, в которой она есть попытка увидеть за открыто явленными формами жизнедеятельности нечто иное, более фундаментальное, онтологически первичное, применяемый подход принадлежит к тому же ряду, что и любой психо- или социоанализ. Отличается он от них отказом от редукционизма, от компульсивного стремления объяснить высшее через низшее, будь то неосознаваемое или сознательно скрываемое (или скрываемое другими и неосознаваемое другими).

2. Называя этот подход проектным, я не ставил себе целью вписаться в существующие представления о проектировании. Тем не менее, у меня есть основания считать, что существо проектного подхода здесь удержано. В самом деле, если обратиться к проектной ситуации в традиционном смысле, то что, собственно говоря, делает проектировщик, проектирующий, к примеру, дом? От своего опыта знакомства с существующими домами он восходит к идее дома желаемого типа или даже дома вообще (осуществляя своего рода *деморфологизацию*, освобождение от существующей формы), затем актом творческого воображения находит новое проектное решение и, наконец, вписывает это решение в реальность с ее ограничениями (разумеется, действия перечислены в логическом, а не хронологическом порядке).

3. Что касается третьего из шагов — наложения этнопроекта на действительность, — то с его помощью можно, как я полагаю, решить две задачи: во-первых, провести определенное испытание идеальной модели на *релевантность* той этнической реальности, которая сейчас опознается в качестве таковой, и, во-вторых, испытать сами существующие этноориентированные программы и их воплощения на *идеалосообразность* и *реализуемость*.

4. Наконец, если взглянуть на это предприятие с несколько иной стороны, то все то в нем, что связано с выведением этнопроекта из фундаментальных потребностей человека (идеалосообразностью) и согласованием его с требованиями реальности (реализуемостью), может быть названо *этнодицеей*, тогда как его применение в качестве критерия для суждений об этнической эмпирии — *этнокритикой*.

Более совершенную форму человеческого общежития от менее совершенной отличает, прежде всего, то, насколько в ней осуществляются начала согласия, сотрудничества, взаимоприятия, т.е., если воспользоваться наиболее общим понятием, — единства, и то, соответственно, насколько в ней исключены, эффективно предупреждаются и устраняются нарушения единства, конфликты. Сущность социального есть единство.

Могут возразить, что вполне единым и неизменно единым никакое общественное образование не бывает, что противоречия и конфликты суть неустранимая принадлежность социальной действительности — во-первых. И что, во-вторых, они необходимы, ибо ими движется развитие. То и другое справедливо, отвечу я, но не о том речь. Под *сущностью* социального я разумею то, *ради чего* люди живут вместе, *raison d'être* человеческого общежития. Речь поэтому идет не о том, с чем поневоле приходится смиряться, а о том, чего хотелось бы, не о действительности, а об идеале, в сопоставлении с которым мы эту действительность оцениваем. И, если источником развития оказывается противоречие, не-единство, то направлено развитие на разрешение противоречия и восстановление единства.

Совершенство общества, утверждаю я далее, мы оцениваем еще и по мере свободы, которую оно предоставляет своим членам. Приняв и этот критерий, мы сразу же встречаемся с противоречием: единство *как задание, требование* не может не ограничивать свободу, ибо последняя осуществляется как возможность быть собой и по себе, т.е. (в полноте своего смысла) как возможность нарушать единство.

Так обстоит дело в действительности, и к обсуждению этого противоречия мы еще вернемся. Но сейчас меня интересует не то, что имеет место в действительности, а то идеальное, *чему в ней нет места* — утопия. Мыслима ли ситуация, когда полнота единства совмещается с полнотой свободы? Да, отвечаю я, она мыслима и известна; это — ситуация знания истины, когда все участники человеческой общности, зная единую для них всех и полную (закрывающую в себе ответы на все их мыслимые вопросы) истину, свободно живут и действуют в соответствии с нею. В своем абсолютном выражении это — утопическая ситуация и в качестве таковой она мысли-

ма, но не осуществима. Соответственно, проиллюстрировать ее мы можем только примерами ее относительного осуществления.

Представьте себе, например, коллектив людей, делающих сообща какое-то хорошо известное им дело. *Истина* этой работы, ее цель и средства, им известна и едина для них. Как следствие этого обстоятельства, их ничто не разделяет (они едины) и ничто не стесняет их свободы действовать так, как каждый из них считает правильным (соответствующим истине). В данном случае мы имеем пример относительной истины и, соответственно, относительного единства и относительной свободы: то и другая ограничены рамками общего дела.

Такого рода примеры относительного, ограниченного воплощения принципа *свободного единства в истине* можно умножить, особенно если мы включим в круг своего внимания краткие эпизоды такого воплощения или приближения к нему. Нечто подобное может происходить в любых формах человеческого общежития — семьях и отношениях учителя и ученика, армиях и дружеских компаниях. Полное же, абсолютное воплощение указанного принципа (полное, полностью свободное единство всех в силу знания абсолютной истины) остается, повторю еще раз, утопией. Мне, однако, на этом этапе работы не важны ни степень осуществления идеала в тех или иных формах социальной действительности, ни даже присутствие в них открытой ориентации на этот идеал; незнание этих эмпирических обстоятельств не лишает нас возможности рассмотрения человеческой ситуации в целом и типовых форм ее воплощения *в отношении к постулированному идеалу как их последнему основанию*. Такое рассмотрение я и называю *деморфологизацией* социальной реальности.

Каковы импликации сделанного методологического выбора?

Деморфологизация в принятом мною смысле есть освобождение реальности от «форм», т. е. от придающих ей определенность и конкретность свойств, ради выяснения ее «сущности», понимаемой, в свою очередь, телеологически, как *назначение*.

Но такое представление, очевидно, приложимо только к искусственной, сотворенной реальности. Прилагая ее ко всему и всякому социальному бытию, мы тем самым принимаем взгляд на него как на продукт социально-творческой деятельности человечества, его самоопределения. *Несвободное* в составе этой телеологической онтологии, поскольку ему там оставляется место, понимается как внешние обстоятельства этой деятельности, требующие реалистического учета.

Второе, что подразумевается произведенным актом деморфологизации, это предполагаемое им — вопреки опытно очевидному многообразию исторически выдвигавшихся и осуществлявшихся социальных программ — единство основополагающего назначения человеческого общежития и, что то же самое, конечной мотивации всякого

социального творчества. Такое отрицание *видимого* в пользу *невидимого* означает, что мы постулируем предъявленную формулу в качестве *подлинного* идеала, отличая его от *неподлинных*; последние деморфологизируются в пользу первого.

Сказанное подводит нас к выявлению еще одной скрытой предпосылки. Цель деморфологизации — добраться до *конечного* основания исследуемой реальности, чтобы положить его *началом* проектного преобразования. На каком, однако, основании я именно эту утопию объявил «нулем» на оси деморфологизации? Отвечаю: я продвинулся в этом направлении до той предельной точки, после которой теряю возможность воспринимать себя как субъекта и произведенное мною как продукт самоопределения. Дальнейшее продвижение потребовало бы *смены субъекта*¹, что противоречит моему замыслу, ибо я хочу закончить деморфологизацию с тем же субъектом, с которым буду дальше проектировать.

II

Проектирование — это движение в направлении противоположном деморфологизации: утопия *преобразуется с учетом ограниченной действительности*, т.е. преобразуется в идеалосообразный проект.

Что же это за ограничения, налагаемые на проект действительностью или, иначе говоря, в чем действительность несовершенна, или неидеальна?

Как уже было сказано, я в предприняемом рассуждении исхожу из того, что мы *не владеем единой для всех абсолютной истиной* — той самой, которая и составляет условие осуществимости утопии. Все, чем располагают человеческие сообщества, это *относительные истины*, лежащие в основании *относительных единств*. Итак, первый из аспектов исследуемого преобразования (он, собственно говоря, и составляет корень всего остального) можно назвать *релятивизацией*.

Сфера относительного, в которой мы оказываемся в результате реалистического преобразования утопии, предполагает зависимость относительного идеала (воплощаемого в проекте) от субъекта (*субъективность*) или от обстоятельств (*окказиональность*).

¹ Психоанализ осуществляет этот переход границы ценой разрушения единства субъекта, превращаемого в конфликтный сюжет, все действующие лица которого суть силы низшего сравнительно с сознательным я характера. «Стоит отметить (пишет по этому поводу Рене Генон) ту странную иллюзию, благодаря которой психологи стали считать состояния тем более «глубокими», чем они оказываются более низкими» (Генон 1994: 235). «Сверхсознательное» (термин Генона) составляет предмет исследования для богословия или метафизики абсолюта.

Говоря об относительных единствах как продукте релятивизации утопии, я употребляю множественное число. В этом выражается еще один корректив, вносимый в утопию реальностью — *превращение единства в множество*. Рассмотрим его подробнее.

Что есть множество с проектной, телеологической точки зрения? Ради чего, иначе сказать, может единое сменяться многим? Вопрос этот — даже на самом высоком уровне абстракции — имеет не один, а два возможных ответа.

Ответ первый: единый предмет может утрачивать внутреннюю простоту и размножаться (в первом шаге раздваиваться) внутри себя на части, из которых каждая принимает на себя нечто из сути, из назначения исходного предмета. Возникающее при этом множество можно назвать *сложностью*, а событие размножения — *дифференциацией*.

Ответ второй: наряду с первоначальным предметом может возникать еще один, того же назначения, другой его *вариант*, или *версия*. В этом случае резон размножения — опробовать другое, чтобы выявить лучшее. Такой род множества будем называть *кратностью*, а размножение — *диверсификацией*².

Сравнение проектов как различных вариантов решения проблемы идеалосообразности предполагает использование при построении проектов количественной категории *степени*, их *градуирование*.

Совершенство, будучи по смыслу своему единственно возможным, не допускает не только степеней, но и изменения (как совершенство, без утраты своей сущности). Несовершенство проекта предполагает возможность его изменения — как в виде сменяющих друг друга вариантов, так и внутри каждого варианта. Появляются категории *процесса* и *времени* (для неизменяемой утопии время иррелевантно).

Идеалосообразность проекта, в свою очередь, означает осуществление возможности изменения в виде процесса целенаправленного изменения к лучшему. Речь, таким образом, идет о проектировании сообщества, которое бы вырабатывало и ставило перед собой в качестве цели свой усовершенствованный образ (проект в принятом мною расширительном смысле) и действовало бы в направлении

² Проиллюстрирую введенное различие на нескольких примерах. В рамках креационистского естествознания мир живых существ (как и мир в целом) есть сложное телеологическое целое, а виды — части целого со своим назначением каждая; налицо, очевидно, модель *дифференциации*. Эволюция, движимая борьбой за существование, — это пример *диверсификационной* модели. В экономике на принципе дифференциации основаны все хостинговые модели и проекты (в том числе плановое хозяйство), а на принципе диверсификации — те, где движущей силой является конкуренция. Наконец, в политике воплощение этих принципов можно видеть, соответственно, в сословном или кастовом обществе, с одной стороны, и в многопартийной демократии, с другой.

реализации этого проекта. Мы, иными словами, проектируем *самопроектирующееся* сообщество.

Последнее утверждение имеет своим следствием важнейшее для дальнейшего движения обстоятельство: излагаемые мною собственные проектные действия по своей цели (построение идеалосообразного социального проекта) не отличаются от самопроектирования как деятельности проектируемого сообщества. Но тогда и находимые мною средства могут быть в полном объеме предоставлены в распоряжение этого сообщества как субъекта самопроектирования, что позволит нам в дальнейшем говорить о деморфологизации, утопии и всем прочем, о чем говорилось ранее, как составляющих и характеристиках происходящего *внутри* проектируемого сообщества — естественно, с квалификацией всего таким образом интернализуемого как *субъективного*, специфического для данного проектного варианта³.

III

Если рассматривать проектируемый процесс самопроектирования в последовательные моменты времени, то мы получим последовательность сменяющих друг друга проектов, каждый из которых рассматривается как *условие* осуществления предыдущего (а значит, и условие приближения к идеалу). Иначе говоря, не имея возможности (исходя из реалистического учета обстоятельств) предусмотреть в проекте достижение идеальной цели, мы предусматриваем условия, благоприятствующие движению в этом направлении, и ставим целью создание этих условий. Частным случаем такого *перехода к условию* является *переход к средствам*, т.е. разработка средств для осуществления прежде поставленных проектных целей.

Изменив направление преобразований на обратное, мы от проекта (множества мыслимых идеалосообразных проектов) вернемся к исходной утопии. Увиденная с проектной стороны, утопия может быть представлена как отрицание несовершенного в проектах и предельное выражение идеалосообразного в них. Мы, соответственно, получаем такие атрибуты утопии, как *абсолютность*, *единственность* и *простота*, *безусловность*, *неизменность*. За счет проделанного «челночного» движения наше утопическое представление обогатилось, таким образом, дополнительными характеристиками.

³ В этом параллелизме можно усмотреть отношение, обратное рефлексии: совмещение моей позиции как проектировщика с позицией внутри проектируемого сообщества можно по аналогии с рефлексивным выходом (*Щедровицкий* 1995: 275) назвать «рефлексивным входом».

Дальнейшее движение будет осуществляться по наметившейся здесь схеме: производя реалистическое преобразование характеристик утопии, мы получаем новые подробности и характеристики проекта, от которых восходим к новым характеристикам утопии как их предельному, предельно совершенному выражению. «Челночное» движение (утопия — проект — утопия — проект и т.д.) может осуществляться до такой степени прописанности проекта, которая бы нас удовлетворила (например, допускала бы осмысленное сравнение с нашими знаниями о наличных формах человеческого общежития). Геометрически этот путь может быть представлен как курсирование между двумя пространствами разной онтологической модальности: пространством той действительности, на реализацию в которой рассчитан строяемый проект, и идеальным пространством, где утопия мыслится как бы осуществленной — за счет исключения мешающих ее осуществлению аспектов реальности.

IV

Будучи, в силу принципа дифференциации, сложным, проект должен описываться как многочастный и многосвязный. Чем различаются между собой составные части проекта? Я на данном этапе имею в виду не предметные различия, — достаточно сказать, что в состав некоторой общности, помимо людей, могут входить любые материальные и нематериальные предметы — а различия функциональные, по отношению к целям проекта.

Во-первых, взглянем на этот вопрос с точки зрения идеалосообразности проекта. Идеалосообразность, которую можно понять как некую ориентированность проекта в целом и его составляющих на идеал, есть параметр, допускающий (в силу градуированности) разные степени осуществления. Мы, таким образом, получаем своего рода поле, описываемое *градиентом* идеалосообразности. Отсюда же, в свою очередь, можно заключить о наличии в составе проекта каких-то элементов или характеристик, в наибольшей мере выражающих идеалосообразность проекта. На пространственно-метафорическом языке это означает существование в нем *идеального центра или области*.

От проекта, как уже говорилось, требуется также, чтобы он был осуществим и, поскольку речь идет о проектировании с расчетом на существование проектируемой общности во времени, обеспечивал ее жизнеспособность. И в этом случае можно рассматривать дифференциацию элементов и характеристик проекта по степени их роли в обеспечении жизнеспособности (витальности) и выделять в проекте *витальный центр или область*. Если (в целях иллюстрации) несколько упрощенно представить жизнеспособность как сопротвление распаду за счет высокой степени связанности частей, то витальный

центр получает наглядную геометрическую и «физическую» интерпретацию полюса центрального поля.

Идеальность и витальность могут быть поняты как две составляющих такого существенного для внутренней дифференциации проекта свойства, как *важность*: в проекте не все одинаково важно — как с точки зрения его нацеленности на совершенствование (идеальности), так и с точки зрения его реалистичности (витальности).

(В утопии же, абсолютном идеале, напротив, все *одинаково важно*⁴; абсолют, иначе говоря, *полон*).

В ходе предшествующих рассуждений мы пришли к представлению об идеалосообразном проекте как проекте самопроектирующегося сообщества, что подразумевает (в порядке внутренней дифференциации так представляемого проекта) выделение в его составе *субъекта* проектирования (пока для нас не важен носитель этой субъектности — индивидуальный или коллективный, так или иначе организованный для исполнения этой роли) и его представлений об идеале и реальности, с которыми он соотносится в работе над проектом. Эти представления можно назвать соответственно *субъективным идеалом* и *субъективным образом реальности*.

Если послужившая мне отправной точкой формула утопии так и осталась абстрактной формулой — в силу того, что остается пустым предусмотренное в ней *функциональное место истины*, — то субъективный идеал может быть *конкретным* (в разных проектах в разной степени) за счет помещения на это место некоторой *относительной истины*. Относительность может проявляться в виде отнесенности к определенному, ограниченному субъекту (субъективность) или к определенным обстоятельствам (окказиональность), т. е. в того или иного рода *частичности*. (Напротив, абсолютная истина, предполагаемая исходной формулой абсолютной утопии, должна мыслиться *полной и всеобщей*). Наконец, сама идеальность субъективного идеала может быть разной степени — от *субъективной утопии* как конкретного идеала, выдвигаемого сообществом перед собой не

⁴ Традиционалистское восприятие реальности, основанное на соотношении всего с абсолютом, тяготеет к отрицанию бытийственности неважного. Все важно с этой точки зрения, и расширение в мире области профанного (мирского) за счет сакрального (священного), т. е., иными словами, того, что не важно относительно абсолютного за счет важного, есть онтологическая деградация. «Неважное» тогда есть синоним небытия, и факт его расширяющегося присутствия в мире весьма важен! «Для «примитивных» людей первобытных и древних обществ *священное* — это *могущество*, т. е. в конечном итоге самая что ни на есть *реальность*. Священное насыщено бытием. <...> Оппозиция «священное — мирское» часто представляется как противоположность *реального и ирреального*, или псевдореального» (Элиаде 1994: 18).

в качестве цели, а в качестве недостижимого мерила совершенства, до *образца*, сознаваемого как цель движения.

В свою очередь, субъективная реальность мыслится как *частичный* и *неточный* образ реальности, причем связаны эти ограничения, с одной стороны, с недостаточностью (неполнотой и неточностью), с другой же, с избирательностью включаемых в него знаний.

Легко видеть, что существует определенный параллелизм между введенной выше структурной организацией проекта вокруг идеального и витального центров и другим способом дифференциации, с выделением субъективного идеала и субъективного образа реальности (внутри которого для большего параллелизма можно выделить важнейшее с точки зрения жизнеспособности). Заново проследив основания и пути введения этих двух способов дифференциации, можно видеть, что, если во втором случае мы во всех своих действиях остаемся в пределах одного и того же пространства, того, в котором и осуществляется процесс самопроектирования, то в первом случае мы совершали *переходы* из этого пространства в два других — пространство утопии и пространство реальности. Наложив друг на друга эти схемы, мы получаем более богатое представление, в рамках которого мы должны различать между *подлинной* идеалосообразностью и *подлинным* реализмом и их *субъективными* коррелятами. Важно подчеркнуть, что избранный мною способ работы не допускает пренебрежения этим различием, ибо им, т. е. непрерывной коррекцией несовершенных проектов, основанных на *прежних* субъективных представлениях, за счет соотношения последних с реальностью и идеалом, движется самопроектирование.

Таким образом, важнейшими предпосылками развиваемого подхода оказываются представления о трех пространствах *разной онтологической модальности* и о *реальности совершаемых между ними переходов и переносов (транцендирования)*, за счет которых и совершается проектирование. Важно подчеркнуть, что и в том обычном в проектировании случае, когда необходимые для дальнейшего движения знания об идеале и реальности получают путем *припоминания* ранее известного и *в настоящем* дело обходится без транцендирования, последнее предполагается в качестве прошлых актов этого или других субъектов⁵.

⁵ Когда эта трехпространственная схема рассматривается из проектного пространства, транцендентными (и потому нереальными для субъекта) оказываются два других пространства. Если же мы попытаемся представить себе, как ситуация воспринимается из пространства утопии, т. е. совершенного бытия, то окажется, что оно-то безусловно есть (в силу самого его совершенства — вспомним известное онтологическое доказательство); скорее нет других модальностей бытия или они суть *в меньшей степени*, ибо телеологическая онтология связывает *степень бытия со степенью его совершен-*

V

Поскольку речь идет о человеческих сообществах, очевидно, что проект предполагает определенную *антропологическую* составляющую, включающую в себя как реалистическое знание человеческой природы, так и образ человеческого совершенства (как бы ни проводить между ними границы). В первую очередь для нас представляют интерес те характеристики человека, которые непосредственно связаны с исполнением им роли субъекта проектирования. Рассматривая в этой связи отношения между проектом и его субъектом, мы можем провести различие между двумя видами отношений: отношениями *знания* и отношениями *приятя* — *неприятя*.

(Внутри утопии это различие уступает место тождеству: знание абсолюта равносильно его приятию и в содержании знания, т.е. в истине, нет различия между истиной об идеале и истиной о реальности).

Применяя, далее, различение знания и приятя к характеристикам самого субъекта проектного движения, мы получаем первый, очень бедный, но пока достаточный для наших целей, набросок антропологии: человеку мы приписываем способности *знать* (когнитивные) и *относиться к известному* (акцептивные).

VI

Смысл одного из выделенных выше реалистических преобразований утопии — градуирования — состоит в том, что проекты могут различаться по степени выраженности в них того или иного свойства, которое тем самым приобретает характер параметра. Параметрическое представление множества возможных проектов может быть положено в основу его типологической организации. При этом в качестве типологических параметров выступают такие параметры, как мера единства членов общности (теснота связи), их приверженность идеалу и витальным элементам проекта, свобода, которую дает или оставляет им принадлежность к общности, широта охвата людей (в пределе — всеобщность) и полнота охвата каждого человека в отдельности (в пределе — тотальность). Вариативность проектирования расширяется, как можно предположить, также за счет привлечения времени и рассмотрения динамических характеристик. Так, например, рассматривая широту охвата, мы можем варьировать не только численность (от единства двоих до человечества), но и длительность (в пределах жизни участников общности или на протяжении поколений), и условия расширения единства (открытость или замкнутость).

ства. Аналогичным образом картина переворачивается и при взгляде из пространства реальности (какова она есть *на самом деле*, «в себе»).

В связи с внесением в организацию проектного пространства факторов количества и изменения целесообразно вернуться к рассмотренному ранее представлению о кратности (диверсификации) и сложности (дифференциации) и несколько усложнить его. В самом деле, рассматривая проектирование как *процесс*, мы столкнемся с взаимопревращением единства и множества в качестве моментов этого процесса. Если, например, рассматриваемый отрезок процесса начинается с дифференциации целого, то дальнейшая судьба образующейся сложности может быть двойкой: сохранение целого, обеспечиваемое согласованной деятельностью специализированных частей (это, собственно говоря, и есть реализация принципа дифференциации каким он был выше сформулирован) или же распад — возможность, которую никогда нельзя исключить в ситуации неидеальности всякого согласия. Этот последний вариант движения включает в себе потенции как восстановления целого, так и углубления распада, нарастания препятствий к восстановлению. При этом легко видеть, что интегративные потенции связаны с различиями между распавшимися частями, с их пригодностью к выполнению своих специализированных функций внутри целого буде оно восстановится (дифференциация, разделение труда как средство единения). Уменьшение же различий, рост однородности частей связан с дальнейшей дезинтеграцией; эти тенденции взаимно поддерживают друг друга. В итоге мы получаем диверсифицированное множество, в котором единственным оправданием отдельного существования и действия каждой единицы оказывается ее притязание быть конкурирующим с другими вариантом целого.

Применительно к занимающей нас ситуации проектирования сказанное можно интерпретировать следующим образом. По мере разработки проекта он усложняется с выделением в нем относительно автономных подпроектов со своими частичными субъектами (дифференциация). Если в силу неизбежных «шумов» и проистекающих от них расхождений проекты утрачивают координацию (дезинтеграция), то — согласно логике экспансии, присущей всякой деятельности — они (их субъекты) начинают притязать на роль целого и начинают конкурировать за ресурсы (в реальных условиях всегда ограниченные). Остается добавить, что в такой интерпретации различие между конкуренцией и конфликтом обусловлено характером требуемых ресурсов: если они делимы, то мы имеем конкуренцию, если неделимы — конфликт⁶.

⁶ Выразительным примером дезинтегративно-диверсификационного развития может служить феминистский этап социокультурной эволюции отношений между полами в обществах евро-американского ареала. Ослабление традиционной семьи с присущей этой семье глубокой половой дифференциацией оказывается тесно связанным с нивелированием межполовых разли-

Ту же логику дифференциации-дезинтеграции-диверсификации можно метонимически приложить и к отношениям между характеристиками проекта: если разные характеристики не удастся рассмотреть как аспекты некоторого единства, то они вступают в конкуренцию за ресурсы, потребные для их реализации в проекте (на самом деле, разумеется, конкурируют субъекты тех версий проекта, где выбор сделан в пользу соответствующих характеристик). При неделимости ресурса — несовместимость, конфликт. Примером противоречия между характеристиками социального проекта может служить оппозиция единства и свободы; в качестве неделимого ресурса здесь выступает воля индивида. Другой пример: противонаправленность таких социокультурных тенденций, как *глобализация* (расширение границ человеческой популяции, связанной теми или иными формами общения) и *углубление* связей — с точки зрения полноты вовлеченности в них человека (субъективный аспект) или с точки зрения важности предмета общения, совместно создаваемых и осуществляемых проектов (объективный аспект). К этому последнему противоречию мы еще вернемся при обсуждении собственно этнопроектной проблематики.

VII

Ставя себя на место субъекта того процесса самопроектирования, который должен осуществляться в проектируемой нами общности, — какой я вижу ситуацию, побуждающую к принятию проектных решений?

Первое, что дает рефлексивное осознание этой ситуации, это то, что в моем восприятии она *двоится*. С одной стороны, наше проектирование может быть увидено как порождающее проекты (в рассматриваемом случае социальные проекты); этот план рассмотрения предполагает постановку вопроса о *реализации* каждого порожденного проекта в виде некоторой социальной формы. С другой же стороны, проектируется само проектирование; при таком взгляде вопрос о реализации теряет смысл: для нее «не остается времени», которое «плотно занято» самим проектируемым проектированием. Совместить эти два плана в рамках единого представления можно, если с каждым планом связать *свое время*. Речь, разумеется, идет о *субъективном* времени, но только оно нас сейчас и интересует — как время, в котором размещаются наши проектные решения и их проектируемые последствия. Будем различать *время реализации*, или *внутрипроектное время*, и *историческое время* — то, в котором, согласно принятой проектной концепции, происходит идеалосо-

чий (феминизация мужчин, маскулинизация женщин, рост бисексуальности) и возрастающей конкуренцией полов в самых разных сферах жизни.

образное самопроектирование. Первое время можно отождествить с настоящим, второе — с прошлым и будущим. *На самом деле*, в реальности дело, разумеется, обстоит таким образом, что каждый совершаемый акт принадлежит обоим процессам, историческому (понятому здесь как процесс социального самопроектирования) и процессу реализации очередного проекта.

Сделаем еще одно различие в характеристиках рассматриваемой ситуации, которое нам понадобится. Принятый способ движения состоит, как мы видели, в последовательных реалистических корректировках того, что первоначально было постулировано в качестве утопии. При этом каждая такая корректировка приводит нас к постановке перед собой очередного проектного задания — в виде некоторой желаемой характеристики объекта проектирования (нашей самопроектирующейся общности) или некоторого действия (способа действия) по обеспечению желаемой характеристики. Если предполагать, — пока не убедимся в обратном — что сама возможность идеалосообразного (иными словами: осмысленного) движения сохраняется, то можно утверждать, что проектные задания, которые ставятся, принадлежат каждый раз к одной из двух категорий: нам либо предстоит создать нечто дотопе не бывшее, либо же выбрать из уже существовавшего.

Что нового появилось в нашей картине в связи с произведенными различениями?

Во-первых, *прошлое*. Проектированию по его сути присуща обращенность в будущее; из этой обращенности в будущее проистекает своего рода *футуристический соблазн*, соблазн неучета прошлого, который преодолевается эксплицитным введением исторического времени.

Во-вторых, *данность, наследство от прошлого*. С этого момента мы в своем проектном движении учитываем и те возможные проектные решения, которые связаны с выбором из уже существующего или уже происходящего.

VIII

Движение к единству невысказуемо без *общения*.

Проектная задача, встающая в этой связи, такова: создание или нахождение возможно более благоприятных условий для общения, для его идеалосообразности.

Впрочем, об идеалосообразности общения не имело бы смысла говорить, если бы в проекте не была предусмотрена сама его возможность. Отправной точкой всякого процесса общения служит *контакт*, или *встреча*, возможность какой и следует признать первым условием общения. Это прежде всего *физическая возмож-*

ность контакта, т.е. пространственная близость или, применительно к некоторому сообществу, — *общность места*, или *территории*, где оно проживает. В прошлом пространственная близость и связанная с нею возможность непосредственных контактов были абсолютно необходимым условием общения. Современные достижения в развитии транспорта и связи вносят в эту ситуацию существенный корректив: теснота общения и его продуктивность не ограничены условием пространственной близости, они могут обеспечиваться и другими средствами.

Далее, в соответствии с ранее принятой антропологией, я буду рассматривать общение и его условия в двух планах — когнитивном и акцептивном.

Процесс общения, рассматриваемый с точки зрения решаемых в нем когнитивных задач, называется *коммуникацией*. Какую коммуникацию следует считать идеалосообразной? Идеал единства, взятый в его когнитивных аспектах, можно охарактеризовать как *единомыслие*⁷. Члены утопического сообщества, знающие и свободно исповедующие единую истину, суть единомышленники. Реалистические проектные преобразования приводят к представлению о сообществе, где осуществляются коммуникативные процессы, нацеленные на достижение единомыслия — в первую очередь относительно идеальных и витальных предметов: всякое продвижение в сторону большего единомыслия — за счет увеличения объема общих убеждений, степени убежденности или круга единомышленников — осуществляется посредством коммуникации. Делая следующий шаг в направлении реализуемости, можно в качестве критериев эффективности коммуникативных процессов — своего рода динамических аналогов единомыслия — назвать *понимание* и *взаимопонимание*.

От чего же зависят понимание и взаимопонимание в коммуникации? В каждом единичном эпизоде общения успех прежде всего зависит от расположения и усилий со стороны участников эпизода, т.е. от факторов некогнитивной природы, каковым я уделю внимание несколько позже. Предположим теперь, что участники коммуникации делают все от них зависящее, и рассмотрим *условия* эффективности для этого случая. Эти условия можно разбить на три категории: участники общения (коммуниканты), средства общения (язык в самом широком смысле этого слова) и обстоятельства общения. Причем реалистичность проектных решений относительно этих условий предполагает, что мы остаемся в пределах пластичности сущего и отделяем то, что осуществимо в соответствии с нашей волей, от того, что следует принять как данность.

⁷ Я здесь пренебрегаю внутренней сложностью когнитивной сферы, в том числе в других отношениях очень важным различием между знанием и мышлением.

Одно из неизбежных свойств той реальности, в которой предстоит общаться членам проектируемого сообщества, — *разнообразие* коммуникативных ситуаций, определяемых местом каждого коммуникативного эпизода в более широком, внекоммуникативном контексте. Эти различия могут относиться к самым разным характеристикам ситуации, из которых два рода характеристик представляют для нас наибольший интерес.

Первый род составляют различия в предметном содержании коммуникации; специфика предмета не может не предъявлять своих требований к языку коммуникации и компетенции коммуникантов. Эти различия могут быть синхронными (разнообразие действительности) и диахронными (ее изменчивость — помимо принимаемой нами как данность природной изменчивости, мы, напоминая, явным образом ввели изменение в свой социальный проект). При этом ключевым — и предъявляющим, как мы увидим, особые требования — свойством меняющейся реальности является неизбежное возникновение *новых, небывалых* коммуникативных ситуаций и, соответственно, предметов коммуникации.

Различия второго рода — это различия, связанные с временной организацией процесса — между *синхронным* общением (когда появление сообщения и его восприятие другим коммуникантом одновременно) и *диахронным* общением (когда восприятие отсрочено). Типичным (хотя и не единственно возможным) случаем синхронного общения является разговор (в терминологии лингвистов: речевая коммуникация); типичное диахронное общение совершается посредством текста (текстовая коммуникация)⁸.

IX

На очереди проектирование *языка*. Каким надо быть языку, чтобы владеющие им люди (вопрос о языковой компетенции требует отдельного рассмотрения) наилучшим образом понимали друг друга?

⁸ См., например, (Богданов 1990). В этой работе перечисляются типичные характеристики речевого общения: сиюминутность, преходящность, диалогичность, устная, спонтанность, разговорность, экзотичность (вплетенность в экстралингвистический) контекст — и текстового общения: посттемпоральность (отсроченность), фиксированность, подготовленность, развернутость, эндофоричность. В контексте принятого мною подхода более естественным представляется в основу различия положить временные характеристики — сиюминутность (синхронность) и посттемпоральность (отсроченность), а использование различных средств коммуникации (устноречевых или текстовых) рассматривать как альтернативные, сообразные разным обстоятельствам проектные решения.

Выше уже наметился один из возможных путей проектного движения: выявление тех характеристик искомых средств общения, которые связаны с вариативностью обстоятельств коммуникации.

Это, прежде всего, *универсальность, адаптируемость* ко всем вариантам возможного использования. Причем речь идет именно о *единой* (хотя и сколь угодно внутри себя дифференцированной) языковой системе, поскольку альтернатива этому, множество специализированных и автономных языков внутри сообщества, очевидным образом работала бы на его разделение, т. е. в направлении, противоположном идеалосообразности.

Изменение реальности с необходимостью влечет за собой *изменение языка*, призванного обеспечить коммуникацию в меняющейся реальности. Не вдаваясь пока в вопрос о конкретных формах и двигателях такого изменения (глоттогенеза), мы должны признать его одним из проявлений человеческой деятельности, которую в этом ее проявлении можно назвать *языкотворческой*. Языкотворчество находит свое место в составе создаваемого проекта в качестве одной из витальных областей самопроектирования и самореализации проектируемого сообщества⁹.

Следует, далее, предусмотреть возможность не только синхронной, но и диахронной коммуникации. Это вытекает, во-первых, из физиологически предопределенной разнопоколенности любого сколько-нибудь долго существующего человеческого сообщества (она размывает границы между синхронными и диахронными отношениями), и, во-вторых, из того обстоятельства, что содержательная коммуникация предполагает различия в представлениях о предмете, обусловленные в легко представимом типичном случае различным прошлым коммуникантов, каковые различия могут уходить в сколь угодно далекое прошлое и быть унаследованными от прошлых поколений. (Нет, в частности, оснований исключать из нашего проекта общение посредством текста, которое по сути своей вообще не ограничено сроками). Но условием диахронной коммуникации является *диахронное единство языка* — условие, которому противоречила бы, например, полная замена в сообществе одного языка другим.

Наконец, из наложения двух требований к проектируемому языку — изменчивости и единства — вытекает такое его свойство, как *полихронность* — сосуществование в нем разновременно образовавшихся составляющих.

⁹ Ср. прим. 3 о рефлексивном входе. В данном случае мы совершаем эту операцию, отождествляя себя с субъектом языкотворчества.

X

Попробую теперь подойти к вопросу с другой стороны: вернувшись к назначению коммуникации и ее отношению к идеальной ориентации проекта.

Выше в качестве критериев успешной коммуникации были названы понимание и взаимопонимание. При ближайшем рассмотрении эти критерии оказываются синкретичными; в них «склеены» смыслы, которые нам нужно развести. Так, говоря о понимании в коммуникации мы можем иметь в виду понимание сообщения или же понимание самого собеседника. То, что эти значения слова не всегда совпадают, становится ясным, если углубиться в синкретическое смысловое поле каждого из этих двух значений. Ведь понимать сказанное можно и в смысле того, что хотел сообщить говоривший, и в смысле того, какое это имеет значение для воспринявшего сообщение, и, наконец, в смысле некоторого *объективного* содержания сообщения («сказал того не желая»). Причем и «объективное» здесь можно понимать по-разному, но во всяком случае оно не сводится ни к одному из двух вариантов субъективного понимания.

Не меньше значений можно различить и в «понимании собеседника», и во «взаимопонимании».

Сказанного достаточно, чтобы попытаться уточнить критерии оценки коммуникации. Вполне естественным кандидатом на место такого критерия может выступить *точность*, если понимать под ней полноту и неискаженность передачи и восприятия содержания сообщений. В самом деле, разве, общаясь ради достижения возможно большего единства, мы не должны стремиться к тому, чтобы каждый возможно полнее и вернее выразил, что у него на уме, и был столь же точно понят?

Но что значит точность коммуникации, если представить ее в полной мере реализованной? Это значит, утверждаю я, *самотождество* сообщения на всех этапах его движения в ходе коммуникативного акта, т. е., во-первых, тождество сказанного намерению говорившего, во-вторых, неподверженность его утратам и искажениям в процессе передачи (со стороны среды коммуникации) и, в-третьих, полное и неискаженное восприятие его слушателем. Но, утверждаю я далее, полностью это условие может быть выполнено только в одном, тривиальном и с точки зрения нашей проектной задачи малоинтересном случае: сообщения некоторой достоверной информации для принятия ее адресатом к сведению. Более того, и в этом случае самотождество оказывается, строго говоря, нарушенным, если сообщенное было адресату неизвестно, поскольку для него, в контексте его представлений, которые до получения сообщения отличались от представлений автора сообщения, и смысл сообщения будет другим. Можно поэтому сделать вывод, что полное

самотождество, неизменность сообщения в процессе коммуникации есть нечто, представимое лишь в ситуации полного же единомыслия коммуникантов в отношении предмета сообщения, т. е. в ситуации, лишаящей коммуникацию смысла¹⁰. И наоборот: коммуникация как совместное дело коммуникантов, как движение принципиально неточна, неполна, неоднозначна, незавершена. Мы, можно сказать, общаемся черновиками. Неточность — не всякую, а как бы ее продуктивную, эвристическую составляющую (граница подвижна, ибо возможно творческое преобразование ошибки в находку) — следует понимать не как недостаток эмпирической коммуникации, а как сущностное свойство коммуникации как таковой.

Мы, таким образом, приходим к выводу о принципиальной противоречивости идеалосообразной (т. е., по существу, всякой подлинной, отвечающей своему назначению) коммуникации. Каждая такая коммуникация движима стремлением внести максимальный вклад в решение задачи идеалосообразного проектирования. Она поэтому, с одной стороны, стремится к возможно лучшему исполнению своего назначения в пределах единичного коммуникативного акта, измеряемому критерием точности, а, с другой, как один из моментов мыслительной кооперации коммуникантов и, в конечном счете, процесса самопроектирования в целом увлекается за пределы точности. Вторая сторона противоречия обеспечивает свободу, бесконечную потенциальность коммуникации, непредопределенность исхода на границе каждого из составляющих ее актов. Первая придает этому свободному движению направленность, работает на исключение из коммуникации случайности и бессмыслицы.

Несамотождество сообщаемого в коммуникации означает, что сообщаемое в каких-то смыслах и какими-то путями несет в себе нечто большее, чем оно есть в каком-то другом, более прямом и буквальном смысле. Что же это за «более прямой и буквальный смысл»? И каковы возможные виды и направления этого «расширения»?

Естественный ответ на первый вопрос будет таким: речь идет о ситуации, когда сообщение (или принимаемое во внимание в сообщении) таково, что все использованные в нем знаки суть символы или термины со строго определенным значением и они объединены в высказывания в соответствии с законами формальной логики. Хорошо известно, что именно такие сообщения в ходе коммуникации подвергаются лишь тождественным преобразованиям. Я далее буду называть такие сообщения *логическими*, и тем же термином буду обозначать то содержание всякого другого сообщения, которое в нем остается, если его редуцировать к логической форме.

¹⁰ Или перерождающей ее, наделяющей то, что материально тождественно коммуникации (говорение или обмен текстами) некомуникативным смыслом.

Если теперь сделать следующий шаг в проектной проработке этого варианта (от которого мы отталкиваемся), то мы приходим к идее *логического языка* как средства редуцированной, логической коммуникации.

XI

Возникшая у меня потребность сменить способ движения, подсказывает, что достигнута некоторая критическая точка. В этой точке, предопределенной, как мы увидим, самим замыслом настоящей работы, возводимая мною идеалосообразная «тенева реальность» как нигде раньше сближается с той действительной реальностью, последовательный учет которой определял наше движение. В самом деле, та начальная деморфологизация сущего, продуктом которой была исходная утопия, вовсе не исключила возможности «подражания жизни», т.е. включения в идеалосообразный проект проектно «оправданных» составляющих наличной действительности — что и было уже признано рассмотрением «выбора» как разновидности проектного решения (см. VIII). С другой стороны, даже и не принимая каких-то наличных форм в качестве идеалосообразных, мы вынуждены считаться с ними как с обстоятельствами: осуществлять проект всегда приходится не на пустом месте.

Так, в связи с обсуждаемым предметом находятся, с одной стороны, такие надындивидуальные обстоятельства, как существующее в мире многоязычие, с другой, наличные составляющие языкового поведения индивида, врожденные и приобретенные, в различной мере доступные изменению.

Особый интерес для настоящей работы представляет то обстоятельство, что и проектный подход к языку уже был осуществлен — многократно и многовариантно, как в виде собственно лингвопроектов, так и в виде осуществленных и применявшихся искусственных языков. При всей маргинальности лингвопроектирования и интерлингвистики для языкознания и истории культуры для нас этот круг идей и опытов очень важен. Во-первых, оба ведущих мотива этой деятельности — преодолеть многоязычие как препятствие в международном общении¹¹ и устранить несовершенства естественного языка как помехи в одноязычной коммуникации — родственны пафосу нашей утопии единства. Во-вторых, мы в этой области имеем дело с результатами исторического эксперимента по выяснению сравнительной «конкурентоспособности» искусственных и

¹¹ «То, чего хотел язык, разрушили языки» — цитата из немецкого лингвиста Г.Шухардта, поставленная эпитафией к книге С.Н.Кузнецова (*Кузнецов* 1987). Эта книга послужила мне основным источником сведений по обсуждаемому предмету.

естественных языков и обсуждением как этих результатов, так и альтернативных версий языкового будущего человечества.

В истории и теории интерлингвистики выделяют (1) логические искусственные языки в отличие от коммуникативных, (2) априорные языки в отличие от апостериорных, и (3) лингвопроекты для теперешнего осуществления (осуществленные или нет) в отличие от проектов (или прогнозов), осуществление которых отнесено в неопределенное будущее¹².

Что касается различия между логическими и коммуникативными языками, то эти два направления лингвопроектирования разошлись не сразу. В энтузиастический период, открытый письмом Декарта аббату Мерсенну от 20 ноября 1629 г. и закончившийся лишь в XIX веке, эти две программы — создания упрощенного международного языка для общения и создания философского языка как орудия мышления — не разделялись, будучи двумя сторонами единой рационалистической утопии: построение всеобъемлющей системы понятий («азбуки мысли», по выражению Лейбница) и связанной с нею взаимнооднозначным соответствием системы языковых знаков¹³. Позднее, усвоение популяцией лингвопроектантов представления о более широких, нежели логические, функциях языка привело к оформлению, с одной стороны, интерлингвистики как теории и практики проектирования и функционирования *Вспомогательных* искусственных языков, а с другой, к отнесению логических языков к ведению логики и математики. При этом то, в чем первые энтузиасты искусственного языка видели его преимущество перед языком естественным — точность, с одной стороны, и простота усвоения и использования, с другой, — было поделено между двумя разошедшимися ветвями лингвопроектирования. Разработка логических

¹² См. (Кузнецов, 1987: 18) и далее.

¹³ В письме своему постоянному корреспонденту аббату Мерсенну в связи полученной от последнего анонимной брошюрой, где обсуждалась идея искусственного языка, Декарт, с энтузиазмом подхватив эту идею, писал, что в таком языке должен быть «только один способ спряжения, склонения и построения слов, вовсе не было бы форм неполных и неправильных, возникающих вследствие искажений при употреблении», «изменение имен и глаголов, и образование новых слов производилось бы посредством аффиксов, добавляемых к началу или к концу коренных слов», и эти «аффиксы получали бы определение в словаре наряду с коренными словами». Этот язык, писал также Декарт, был бы «очень легким для изучения, произношения и письма, но, что самое главное, который мог бы помогать суждениям <...> так что было бы почти невозможно ошибиться», «с его помощью крестьяне смогут лучше судить о сущности вещей, чем это делают ныне философы» (Кузнецов 1987: 56). «Изобретение такого языка зависит от истинной философии, ибо иначе невозможно исчислить все мысли людей, расположить их в порядке или хотя бы только различить их, так чтобы они предстали ясными и простыми» (Степанов 1990: 38).

языков осталась подчинена требованиям безусловной точности, но они были освобождены от коммуникативных функций. Что же касается вспомогательных языков, предназначенных именно для коммуникации, то в их отношении потеряли актуальность требования точности, но на первый план вышло требование простоты¹⁴. Для нас интересен в первую очередь начальный период, когда программа существовала в ее чистоте, неискаженная компромиссами, а в позднейшей истории разошедшихся ветвей лингвопроектирования примечательны некоторые футуристические идеи в рамках интерлингвистики (см. ниже), а также существование такой дисциплины, как математическая лингвистика с ее сверхзадачей создания математической модели естественного языка.

Априорные языки — это вновь созданные искусственные языки; апостериорные — полученные в результате усовершенствования (в интерлингвистическом контексте это значит: упрощения и упорядочения) одного или нескольких (скрещенных) естественных языков. Для нас это различие несущественно, ибо интерес представляет тот образ совершенного языка или те требования к языку, которые послужили руководством в придумывании ли априорного языка или в усовершенствовании существующего¹⁵.

Наконец, суждения о едином языке будущего человечества есть, очевидно, форма выживания интерлингвистической утопии в условиях осознанной невозможности ее теперешнего осуществления¹⁶.

¹⁴ Максимально простая грамматика (в эсперанто — 16 простых правил), максимальное единообразие форм, отсутствие исключений — вот почти все требования к такому языку.

¹⁵ Победила концепция апостериорного языка, поскольку в ней в большей мере реализуется принцип простоты, в данном случае легкости усвоения. Все основные искусственные языки, сохранившиеся в качестве кем-то и когда-то употребимых в качестве подсобных средств международного общения (эсперанто, идо, латино и др.), имеют в своем составе возможно больший процент интернационализмов, узнаваемых без специального изучения.

¹⁶ В порядке подытоживания этой исторической справки приведу еще одну цитату из своего основного источника сведений по истории интерлингвистики: «Авторы, работавшие над созданием искусственных языков в XVII-XVIII веках, нередко полагали, что такой язык явится всеобщим (универсальным) языком человечества и заменит собой все национальные языки. В XIX веке рождается идея вспомогательного языка, предназначенного для международного употребления. По мере развития этой идеи становилось все более ясным, что международный вспомогательный язык, существующий наряду с национальными и обслуживающий ограниченную сферу межъязыкового общения, представляет собой нечто иное по сравнению с единым языком человечества, предполагающим отсутствие национальных языков и в силу этого всеобъемлющим по своим функциям. Более того, международный вспомогательный язык, с одной стороны, и единый общечеловеческий язык, с другой — это не только разные проблемы, но проблемы разных исторических эпох: эпохи раздельного существования наций (и соответствующих им

Споры о том, что лучше или вероятнее: будет ли общим языком какой-то из существующих, искусственный язык или язык, сложившийся стихийно путем скрещивания, для нас irrelevantны — по причинам, которые станут ясными позднее, в связи с обсуждением вопроса о проектном выборе между альтернативами установления единого языка и сохранения их разнообразия.

XII

То, что языком человеческого общения не смог стать никакой логический язык, подчиненный требованию безусловной и полной точности, было предопределено той ролью, которую, как было показано выше, играет в этом общении неточность. Каковы же те свойства естественного языка, за счет которых обеспечивается *эвристическая неточность* осуществляемой с его помощью коммуникации?

Одним из таких свойств является, очевидно, *полисемия*, обуславливающая возможность смещений в плане значения при отсутствии изменений в плане выражения. Другим — *синонимия*, с которой связана обратная возможность: варьирования выражения при удержании неизменным значения. Последнее, впрочем, в полной мере относится только к вырожденному случаю полной синонимии; типичные синонимические ряды состоят из слов и выражений, *близких* по значению, и возможность перемещения вдоль ряда есть возможность плавного, в пределе непрерывного изменения сообщения. Точнее, однако, говорить не о рядах синонимов и значений, а о соответствующих *полях*, поскольку и изменения в значении, и изменения слов вовсе не выстраиваются вдоль некоторой «смысловой прямой», они разнонаправлены и разновелики. Можно поэтому говорить о поле значений и синонимическом поле со своей структурой каждое, и о *семантическом поле*, их объединяющем. Нетрудно видеть, что высказанное представление приложимо не только к лексике: можно говорить о вариативности понимания и интерпретации («полисемии») текстов и о вариативности же формы выражения сообщения («синонимии»). Язык в целом тогда оказывается (если мыслить его синхронно, сложившимся) сложнейшей системой налагающиеся друг на друга семантических полей, а если учесть бесконечное разнообра-

---

национальных языков) и эпохи существования объединенного человечества в более или менее отдаленном будущем» (Кузнецов 1987: 28). Из последующих суждений того же автора, однако, ясно, что проблемы эти в его представлении не столь уж и разные и что речь все-таки идет о разных стадиях развития одного явления, поскольку «единому общечеловеческому языку предстоит пройти через предварительную (и весьма длительную) стадию существования в виде международного вспомогательного языка, т. е. в виде посредника между национальными языками» (Кузнецов 1987: 29).

зие, качественное и количественное, связей в обоих планах, то и единым сложноструктурным языковым полем. А коммуникация — движением в этом поле с траекторией (у каждого коммуниканта), определяемой взаимодействием подвижной коммуникативной интенции со структурой языкового поля.

Итак, подобно тому, как физические поля воздействуют на тело, оказавшееся в заполненном ими пространстве, формируя траекторию его движения, поле языка оказывает формирующее воздействие на коммуникацию. Для сколько-нибудь полного описания всех средств и механизмов этого воздействия потребовалось бы привлечь всю сумму знаний, накопленных лингвистикой — задача для нас в равной мере и непосильная, и неуместная. Ограничусь несколькими наблюдениями иллюстративно-пояснительного характера.

Для меня *парадигматическим* является не тот случай коммуникации, когда первый коммуникант представляет на рассмотрение другого или других (публикует) сообщение, содержащее законченную, логически оформленную мысль, а тот, когда сообщается мысль в ее динамике, с несокрытыми и нестершимися следами ее жизни в субъективном пространстве автора. Это относится и к мыслительным средствам и методам, использованным в ходе выработки сообщения, и к личностному статусу мысли (*что* она для автора, его отношение к ней), и к ее динамике в момент публикации, к сопровождающему ее выраженную форму облаку интуиций. Я употребил характеристику «парадигматический» в том, прежде всего, смысле, что именно в этом роде коммуникации отчетливее и полнее всего выражена сущность коммуникативного акта — та сущность, которую, подстроив оптику, можно разглядеть даже в предельно формализованных логических и математических текстах — ведь не хотят же авторы сказать фактом их публикации, что они «закрывают вопрос».

Основные средства, предоставляемые языком для эвристически неточной коммуникации, известны¹⁷. Это, прежде всего, метафора, которая может быть как единственно адекватной формой сообщения (в поэтической речи), так и промежуточной — в процессе становления понятия (в плане значения) и термина (в плане выражения); в широком смысле всякий сдвиг в семантическом поле есть метафора. Это, далее, контекстные отношения и, соответственно, переходы от сообщения к его контексту и от контекста к уточненной интерпретации сообщения; эвристическая неточность здесь присутствует в меру недоопределенности контекста и, при переключении внимания на контекст как целое, за счет толерантности целого (гештальта) к малым вариациям деталей.

До сих пор моим рассуждениям об эвристической неточности был, как легко видеть, свойственен определенный логикоцентризм:

¹⁷ См., например, учебник Ю.С.Степанова (*Степанов* 1975: 10-26).

коммуникация квалифицировалась как неточная по отношению к своему логическому содержанию. Между тем, получающаяся при таком взгляде картина коммуникации и жизни в ней языка неверна или, точнее сказать, неполна. Применительно к художественной коммуникации, например к поэтической речи, сказать, что она логически (или фактически) неточна, это значит сказать нечто столь же тривиальное, сколь и несущественное. Подлинная поэзия *точна*, можно сказать, *абсолютно*, что означает *единственность и неизменяемость* раз найденных для *данного* произведения средств выражения (лексических, ритмических, интонационных и т. д.); другой вопрос: каково то внелогическое сообщение, которое передается и *сохраняется неискаженным* этими средствами?¹⁸

Мы перемещаемся в семантическом поле путем сближений, т.е. смысловых ассоциаций, с одной стороны, и формальных, прежде всего, звуковых соответствий, с другой, и, покуда мы остаемся в синхронном пространстве «наличного» языка, движение в этих двух плоскостях представляется независимым, совершающимся в отсутствии каких-либо пределов для произвола соответственно субъективного ассоциирования и игры случайных созвучий. Все выглядит иначе, если вспомнить о полихронности языка, о присутствии в его составе (фонетическом, лексическом, синтаксическом, стилистическом...) отложений и отпечатков его — и сообщества его носителей — прош-

¹⁸ Из высказываний на эту тему можно составить антологию, которая бы охватила тексты от «Из песни слова не выкинешь» до мандельштамовских слов о поэтическом тексте, «соизмеримом с пересказом»: «там простыни не смяты, там поэзия, так сказать, не ночевала» (*Мандельштам* 1989: 164). О том же, что сохраняет и передает текст сверх и помимо логического содержания очень точно на мой взгляд написано следующее: «Выражаясь современным языком, можно было бы сказать, что обучение в ведийской Индии, как всегда и везде, состояло в передаче учителем ученику определенной массы информации, фиксированной в текстах. Однако такая формулировка лишь весьма поверхностно и, главное, неполно отражает представления ведийской Индии о существе и смысле процесса воспроизводства культуры. <...> Священный текст, при всем безграничном к нему уважении, играл в обучении скорее подчиненную, инструментальную роль; *главной же целью было воспроизводство не текста, но личности учителя — новое, духовное рождение от него ученика* (курсив мой. — В.Р.). И этот принцип справедлив не только для ведийской Индии. <...> Основной тезис этой статьи: существо трансляции традиционной культуры состоит в том, что с помощью ряда специальных приемов общераспространенная в ученике» (*Семенов* 1988: 8). В приведенном отрывке речь идет о сакральном тексте, но сходным образом автор интерпретирует строки пушкинского «Памятника»: «Нет, весь я не умру — душа в заветной лире мой прах переживет...» (*Семенов* 1988: 31). Безусловно, именно указанным назначением текста объясняется общераспространенная в древнем мире практика заучивания сакральных текстов наизусть *прежде понимания*.

лой истории. Сближение и определяемое им коммуникативное перемещение получают тогда глоттогенетическое оправдание, ассоциация оказывается историческим воспоминанием.

Но так ли? Что происходит, когда едва проступающие на границе ясного сознания очертания пред-мысли творческим усилием индивида получают языковое выражение — сейчас мне не важно, логически строгое или метафорическое, постепенно уточняемое или мгновенно найденное, во внутреннем монологе или коммуникации? Воспроизведение уже бывшего в языке или рождение нового? И если второе, если в действительности коммуникации, речевой и текстовой, осуществляется, как говорят, языкотворчество, то как вновь возникающее связано или связывается с уже сложившимся, с целостной системой языка?

XIII

Мы подошли к очень важному обстоятельству в жизни естественных языков, или, можно сказать, двум тесно связанным между собой обстоятельствам.

Первое может быть представлено *антиномией языка как целостной, завершенной системы и языка как деятельности, как непрекращающегося языкотворческого процесса*. Невозможно отрицать ни факта изменчивости языков, ни того, что все изменения в языке совершаются *по его же, уже сложившимся законам* или, если выйти за пределы существования отдельного языка, по законам языкового семейства и, наконец, по законам человеческого языка вообще — но языка как целого!¹⁹.

¹⁹ Этой антиномии специально посвящена одна из работ П.А.Флоренского, которая так и называется: «Антиномия языка» (Флоренский 1990: 152-199). Ее также подробно обсуждает Ю.С.Степанов (Степанов 1990). На мой, однако, взгляд лучше всех об этом писал В.Гумбольдт: «Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energieia). Его истинное определение может быть поэтому только генетическим. Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли. В строгом смысле это определение пригодно для всякого акта речевой деятельности, но в подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности» (Гумбольдт 1984: 70). «Поистине в языке следует видеть не какой-то материал, который можно обозреть в его совокупности или передать часть за частью, а вечно порождающий себя организм, в котором законы порождения определены, но объем и в известной мере способ порождения остаются совершенно произвольными» (Гумбольдт 1984: 78). Но в то же время «язык как совокупность своих порождений отличается от отдельных актов речевой деятельности. <...> Любой язык в полном своем объеме содержит все, превращая все в звук. И как невозможно исчерпать содержание мышления во всей бесконечности его связей,

Второе обстоятельство мы обнаруживаем мысленно прослеживая историю языка до ожидаемого в прошлом времени его возникновения. Парадокс — его можно назвать *парадоксом безначальности языка* — состоит в том, что невозможно представить себе зарождение языка по частям; какие-то стороны или элементы языка могут развиваться или, наоборот, деградировать, но в любой момент своего существования язык мыслим только как целое²⁰.

Констатация этих двух обстоятельств подводит нас к радикальному выводу: единственно приемлемым идеалосообразным лингвопроектом может быть *выбор в пользу естественного языка*.

XIV

Итак, проектируемое сообщество располагает языком. Следующее, что должно быть предусмотрено в этой связи в проекте, это *владение языком*, или *языковая компетенция*, со стороны всех членов сообщества. Можно было бы утверждать, что *мера* владения

так неисчерпаемо множество значений и связей в языке» (*Гумбольдт* 1984: 82).

²⁰ «Наблюдать на опыте языкотворчество мы не можем, и нам негде искать аналогий для умозаключений о нем. Если мы иногда и говорим о первоначальных языках, то они являются таковыми лишь в силу нашего незнания их более ранних компонентов. Непрерывная цепь языков протянулась через тысячелетия, прежде чем достигла точки, которую мы с нашими скудными сведениями именуем древнейшей. Больше того, не только образование подлинно первоначальных языков, но даже и те позднейшие вторичные языковые образования, которые мы очень хорошо умеем разлагать на составные части, для нас необъяснимы именно в точке их исходного порождения» (*Гумбольдт* 1984:65). Когда же Гумбольдт позволяет себе как-то представить в словах это недоступное разумению событие, он рисует что-то вроде коллективного экстаза: «В изначально свободном потоке речи и пения язык складывался в меру воодушевления, свободы и мощи совокупно действующих духовных сил. Это воодушевление должно было охватывать всех индивидов сразу, каждый здесь нуждался в поддержке других — ведь всякое вдохновение разгорается только в опоре на уверенность, что тебя понимают и чувствуют» (*Гумбольдт* 1984: 49). Несколько раньше Гумбольдта, другой немецкий ученый, И.П.Зюсмильх, доказывала, последовательно отклоняя варианты естественно-биологического и искусственно-человеческого появления языка, его божественное происхождение (*Донских* 1984: 70). Наконец, здесь уместно привести высказанное уже в наши дни суждение В.Н.Топорова о ритуальном происхождении языка и о том, что «ритуал был тем исходным локусом, где происходило становление языка как некоей знаковой системы», и что «ритуал (во всяком случае, тот «предритуал», который находит себе аналогии и вне человеческого общества, например у приматов, некоторых видов животных и насекомых, образующих «коллективы», и т. п.) *древнее* языка, предшествует ему и во многих важных чертах предопределяет его» (*Топоров* 1988: 21).

языком должна быть максимальной — если бы определение этой меры, высшего уровня языковой компетенции, не оказывалось при ближайшем рассмотрении задачей едва ли разрешимой. В самом деле, если взять хотя бы такой аспект владения языком, как словарный запас, то легко видеть, что знание *всех слов языка* трудно представимо хотя бы потому, что неясны границы самого лексического состава языка. Входит ли в него специальная терминология? Диалектизмы? Арготизмы? Иноязычная лексика — и, если да, то в каком объеме? Архаизмы и слова, вышедшие из употребления — опять же, где предел? Наконец, *неправильности языка, ошибки* (фонетические, орфографические, стилистические) — это вовсе не чистый, бесструктурный хаос, а своего рода «теневая» сфера языка, в отношении которой можно тоже говорить о компетенции и некомпетентности²¹. И какие бы границы не полагались *актуальному* составу языка — литературный язык, современный язык и т. п. — наше представление о высших степенях языковой компетенции предполагает выход за эти границы, использование *потенциального* в языке, *способность порождать и понимать* речевые формы, наилучшим образом отвечающие тем коммуникативным и иным задачам, которые стоят перед индивидом.

Особые требования к коммуникации и ее средствам предъявляет время. Во-первых, это ресурс, который приходится в большей или меньшей степени экономить, что имеет следствием потребность в таком качестве коммуникации, как *краткость*, мера и средства достижения которой (внимание к главному за счет второстепенного, эллипсис, сокращения и др.) зависят от конкретных обстоятельств общения. Но роль времени в процессе коммуникации не сводится к ресурсному аспекту. В некоторых ситуациях и в отношении некоторых видов сообщений непременным условием понимания (схватывания) смысла оказывается такое качество, как *быстрота, беглость* восприятия. Это те случаи, когда значима, смыслоносна сама временная организация сообщения (скажем, интонационно-ритмический рисунок речи), или же когда для восприятия гештальтных характеристик предмета необходимо одновременное и без эрозии пребывание в оперативной памяти последовательно сообщенных элементов содержания. Важность этого фактора — беглости восприятия — типична для устноречевого общения, со свойственной этому типу коммуникации эллиптичностью, большой ролью намека, иносказания, использования контекста и экстралингвистических средств общения, с одной стороны, и угадывания, домысливания и предвидения, с другой. Но не только: беглости требуют и некоторые виды диахронной коммуникации — поэтические тексты, произведения искусства и

²¹ Научиться ошибаться на чужом языке так, как ошибаются его носители, бесконечно труднее, чем научиться правильной речи на этом языке.

другие, где полноценное восприятие обусловлено тем, что называют озарением (или, на языке психологов, «инсайтом»)»²².

Если нет возможности задать требуемый уровень владения языком, можно переключить внимание на условия овладения им. Что может послужить проектной альтернативой тому исторически типичному варианту, когда языком общения служит язык, являющийся родным²³ для всех членов сообщества? Возраст, биологически и социально благоприятный для овладения языком, среда, коммуникативная и предметная, задающая языковые контексты — оставляю за пределами этого перегруженного подробностями текста перечень обстоятельств, определяющих идеалосообразность «естественного» проектного решения в этом случае²⁴.

²² Наиболее, на мой взгляд, очевидна и, что особенно важно для моих целей, легко объяснима роль фактора времени (наряду с памятью) в восприятии музыки. Музыкальное «сообщение» должно восприниматься в темпе его исполнения и притом удерживаться в памяти — без чего оно не может быть воспринято как целое. А вот что сказано о поэзии: «Качество поэзии определяется быстротой и решимостью, с которой она внедряет свои исполнительские замыслы-приказы в безорудийную, словарную, чисто количественную природу словообразования. Надо перебежать через всю ширину реки, загроможденной подвижными и разноустремленными китайскими джонками, — так создается смысл поэтической речи». Но так он и воспринимается. Ведь «его, как маршрут, нельзя восстановить при помощи опроса лодочников; они не расскажут, как и почему мы перепрыгивали с джонки на джонку» (Мандельштам 1989: 165). Гумбольдт употребил выражение «философские основы остроты и краткости взаимопонимания» в работе о двойственном числе — одной из «грамматических форм, отличающихся от соответствующего описательного выражения краткостью и живостью воздействия» (Гумбольдт 1985: 402).

²³ Нас не должны заботить те затруднения, которые испытывают добросовестные статистики в связи с многозначностью квалификации языка как «родного». В идеале — а нас, напоминаю, занимает идеалосообразная ситуация — язык должен быть родным во всех значениях, вычленяемых в этом слове — материнским, языком детства (и последующих возрастов), языком, который сознается в качестве родного, и т.д.

²⁴ «Усвоение языка детьми — это не ознакомление со словами, не простая закладка их в памяти и не подражательное лепечущее повторение их, а рост языковой способности с годами и упражнением. Услышанное не просто общается нам: оно настраивает душу на более легкое понимание еще ни разу не слышанного; оно проливает свет на давно услышанное, но с первого разу полупонятое или вовсе не понятое и лишь теперь — благодаря своей однородности с только что воспринятым — проясняющееся для окрепшей меж тем душевной силы; оно стимулирует стремление и способность все быстрее впитывать памятью все большую часть услышанного, все меньшей его части позволяя пролетать пустым звуком. Успехи здесь растут поэтому не как при заучивании вокабул — в арифметической прогрессии, возрастающей только за счет усиленного упражнения памяти, — но с постоянно увеличивающейся скоростью, потому что рост способности и накопление мате-

XV

Смысл принятого решения — в пользу родного языка — оказывается несколько различным в зависимости от того, в контексте какого из частных актов проектного определения или самоопределения мы его рассматриваем. Сделанный выбор относится к сообществу, уже определенному в своем составе с точки зрения языковой компетенции его членов. Но останется ли он в силе, если взглянуть на дело в контексте ситуации *расширения границ сообщества*. У этой ситуации два варианта.

Во-первых, может возникнуть вопрос о вхождении в состав сообщества иноязычных членов и, поскольку владение языком общения есть условие полноценной принадлежности к сообществу, о возможностях и границах приобретения языковой компетенции. Очевидно, что, с одной стороны, *фиксированного* предела для овладения чужим языком указать нельзя (всегда можно обнаружить или спроектировать его превышение). Но равно очевидно и то, что *при прочих равных условиях* овладевающий родным языком достигает более высокого уровня языковой компетенции.

Во-вторых, расширение круга общения может осуществляться путем перевода с языка на язык и, соответственно, встает вопрос: не отменяет ли это обстоятельство требования единства языка в проектируемом сообществе? И здесь мы можем ответить, что у нас нет оснований утверждать существование *определенных* непреодолимых барьеров для перевода и что в то же время переводческая задача *никогда* не может быть решена *без потерь*²⁵.

В обоих рассмотренных случаях родной язык и владение родным языком выступают в качестве *образца* для асимптотического приближения: предел устремлений — говорить «как на родном языке», перевести так, чтобы «ничего не упустить из оригинала» и «не уступить оригиналу».

Здесь — указание на идеалосообразное направление решения задачи языкового единства человечества, альтернативное редуционистской интерлингвистике²⁶. Преодоление языковых барьеров без утраты возможностей, связанных с пребыванием в пространстве

риала подкрепляют друг друга и взаимно раздвигают свои границы» (*Гумбольдт* 1984: 78-79).

²⁵ Для классически неперевожимой поэзии можно привести еще и такое парадоксальное свидетельство специалиста относительно *тенденции*: «Двадцатый век, — пишет исследователь творчества П.Валери, — создал в поэзии несообщающиеся провинции, ограниченные невиданными в прошлом национальными барьерами, и творчество Валери, как, впрочем, и Элиота, не относилось к явлениям, помогавшим национальной поэзии развиваться к слиянию в единую мировую...» (*Вишневецкий* 1976: 10).

²⁶ См. прим. 16.

родного языка, мыслимо только на пути выхода в пространство *сверхязыкового сложного единства*, в котором языки и их группы суть части, занимающие свои места и выполняющие свое частичное назначение в составе целого. Я сказал «направление решения», а не «решение», поскольку у нас нет оснований помещать в предвидимое будущее такое сверхязыковое единство как *достигнутый результат* (с отвечающим этому единству уровнем языковой компетенции!). Это, таким образом, утопия; проект может предусматривать движение в этом направлении с промежуточными достижениями как в направлении мультилингвистической компетенции, так и в направлении межязыковой интеграции посредством перевода и взаимообогащения²⁷.

XVI

Начиная разговор об общении (см. VIII), я назвал в качестве самого первого его условия встречу, или физический контакт, а также разделил условия и составляющие общения на коммуникативные и акцептивные. Теперь, отправляясь от того же события встречи, рассмотрим акцептивные аспекты идеалосообразного общения.

Ясно, что общение может состояться в том лишь случае, если встретившиеся примут друг друга в качестве партнеров по общению (например, коммуникации, т.е., попросту, захотят разговаривать друг с другом). Такое приятие в свою очередь происходит не без причины: предполагается, что для этого должны быть выполнены два условия.

Первое условие есть условие самой возможности общения; в самом общем виде оно состоит в том, что между партнерами должно быть *нечто общее*, какое-то *подобие*, «свойство» (в том неспециальном смысле, что они «свои» друг другу), близость, ими сознаваемые или хотя бы ощущаемые. Разновидностью такой близости является известность партнеров друг другу, их знакомство. Альтернатива этому — встреча с *чужим*, не имеющим с нами *ничего общего*. В этом втором случае мы не можем рассчитывать на успех общения в каком бы то ни было позитивном смысле и вообще не знаем чего ждать от встречи. Отсюда — такая важная составляющая встречи со «своим», как *доверие*, чувство безопасности. Частный случай подобия как

²⁷ «Таким образом, если каждый язык, взятый в отдельности, мы рассмотрим как попытку, направленную на удовлетворение этой внутренней потребности (создания языка — В. Р.), а целый ряд языков — как совокупность таких попыток, то можно констатировать, что языкотворческая сила в человечестве будет действовать до тех пор, пока — будь то в целом, будь то в частном — она не создаст таких форм, которые всего полнее и совершеннее смогут удовлетворить предъявляемым требованиям» (Гумбольдт 1984: 51).

условия общения — общность языка, ожидаемая коммуникативная компетенция²⁸.

Если, далее, взглядеться в то, чем в свою очередь обусловлена такого рода близость, оказывается, что в таких случаях всегда имеет место сознание или чувство *сопринадлежности* к некоторому целому. При этом, не вдаваясь пока в обсуждение того, о каких целых может идти речь, я лишь обращаю внимание на некоторые временные аспекты предмета. Близость *сопринадлежности*, благодаря которой встреча может перейти в общение, всегда предшествует встрече и, хотя во многих случаях она может быть продуктом личного опыта общения и за ней может стоять оценка и выбор, мне важны другие варианты — когда личного знакомства нет вообще — или же другой аспект, всегда присутствующий: приятие другого не в силу каких-то его качеств, делающих его потенциально удачным партнером, а просто потому, что он *оказался* вблизи, «ближним» — родственником, соседом, знакомым и др.²⁹ Акцент именно на этом смысле

²⁸ Ср. русское «немец» и греческое *barbaros* (от звукоподражания тарабарщине).

²⁹ Слово «ближний» вошло в наш лексикон из Библии. В одном из ветхозаветных эпизодов (Исход 2, 13) Моисей говорит еврею, обижающему еврея: «Зачем ты бьешь ближнего своего?» Здесь «ближний» с очевидностью равнозначно слову «единоплеменник», потому что хотя бы, что в предыдущем стихе рассказано, как Моисей убивает египтянина, избивавшего «одного из братьев его (сынов Израилевых)» (Исход 2, 11-12). Следующая книга Пятикнижия содержит то самое место, на которое ссылается Иисус Христос в Нагорной проповеди: «люби ближнего твоего, как самого себя» (Левит 19, 18; ср. Матф. 5, 43-44). Христианский комментатор этого эпизода пишет, что «именем ближнего здесь назван не просто единоплеменник, но и вообще человек, например, поселившийся среди евреев пришелец» (Толковая Библия 1904: 472). В подтверждение правоты своего толкования он ссылается на другое место той же книги, где про пришельца сказано: «да будет для вас то же, что туземец ваш; люби его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской» (Левит 19, 34). Мне представляется ясным, что распространение отношения, причитавшегося «ближнему», на пришельца (евр. «гер» применялось к иноплеменникам, принявшим Тору) не отменяет его изначального смысла «ближний» = «единоплеменник» (грубее, но с сохранением возможности расширительного понимания: «свой», «наш»). Для христианского сознания ближним становится всякий человек, встреченный на жизненном пути, но, настаивая я, именно встреченный, оказавшийся в том или ином смысле *вблизи*. Человек, способный подлинно любить все человечество, достигает этого за счет расширения категории «своих», а не за счет отвлечения от своих в узком смысле в пользу «чужих». Возвращаясь к библейским источникам понятия, сошлюсь еще на перевод Пятикнижия, выполненный проф. И.Ш.Шифманом, который пользуется тремя русскими словами: «сотоварищ» (Исход 2, 13), «соплеменник» (Левит 19, 17) и «ближний» (Левит 19, 18) (От Бытия до... 1993). Для греч. «ο πλησιν» словарь дает переводы «сосед», «ближайший», «ближний» (*Вейсман* 1991). Наконец, «Словарь русского языка XI-XVII веков» указывает следующие

диктуется критерием идеалосообразности, ибо только так понимаемая категория близости беспрепятственно распространяема во времени (в прошлое и будущее) и в пространстве; проектируемое сообщество не может состоять из одних лично знакомых и выбравших друг друга современников.

Второе условие обеспечивает привлекательность общения для партнеров. Природою вещей это условие оказывается противоположным первому: чтобы быть мною принятым в качестве партнера по общению, встречный должен в чем-то от меня отличаться, быть *другим* или же *незнакомым*. Альтернатива этому — тождество партнеров или их полная, без остатка знакомость друг другу — лишает общение смысла. В количественном выражении это выглядит так: общение при прочих равных условиях тем ценнее (т.е. идеалосообразнее), чем более различны и менее известны друг другу партнеры.

Переходя от единичного эпизода общения к характеристике акцептивных аспектов общения в проектируемом сообществе, рассмотрим два типа ситуаций: во-первых, внутри сообщества, между его членами; во-вторых, на границе сообщества, между его членами и теми, кто к нему не принадлежит. Прилагая выявленные выше противоположные условия общения к первой ситуации, мы получаем такую пару антиномичных характеристик идеалосообразного сообщества, как «однородность — неоднородность», а делая то же по отношению ко второй ситуации, получаем характеристики «открытости — замкнутости».

XVII

Выше (см. VI) уже упоминались такие параметры проекта, как всеобщность и тотальность. Рассмотрим их подробнее.

Вопрос стоит так: в идеалосообразный проект с необходимостью заложена ориентация на расширение охвата — в пределе на всеобщность, ибо всякое ограничение есть разделение, неединство. Таким образом, единство нашей утопии есть в полноте своего смысла единство со всеми.

Можно ли, далее, под «всеми» понимать только современников? Нет, отвечаю я, ибо, если даже ограничить свою перспективу наличной действительностью и прилагать идеал только к ней, он все равно включит в себя диахронное единство с другими поколениями, прошлыми и будущими, как *предпосылку* синхронного единства. В самом деле, мы никогда и ничего не начинаем вполне с нуля, на пустом месте. Реальность, с которой нам приходится считаться в ходе

значения слова «ближний»: 1) родственник, 2) сосед, 3) приближенный, 4) всякий человек. Таким образом, эти два смысла — родства и пространственной близости, прекрасно слышные и сейчас в русском слове «ближний», следует считать изначальными и основными.

преобразования утопии в проект, сформирована прошлым. Наличная разделенность, преодолеваемая в каждом эпизоде успешного общения и в идеалосообразном проекте в целом, есть продукт прошлого существования в разделении, и потому это преодоление мыслимо только через *вовлечение прошлого в единство*.

Единство имеет еще один аспект, который я выше охарактеризовал как глубину и полноту вовлеченности членов сообщества в жизнь целого, а в предельном выражении как тотальность единства.

Всеобщее и тотальное, диахронное и синхронное единство есть, разумеется, утопия. Проектировать мы можем процесс единения, усиления единения. И здесь мы сталкиваемся с противоречиями, заключенными в самой такой постановке проектной цели и представляющими собой проявления того исходного противоречия, которое, как было ясно изначально, заложено в нашей утопии: противоречия между единством и свободой. В расчлененном в соответствии с усложнившимся представлением проекта виде эта группа противоречий предстает следующим образом.

Соучастие в некотором сообществе имеет своим несомненным следствием *связанность* — тем большую, чем глубже и полнее связи, чем они *тотальнее*. Связанность есть очевидная противоположность свободе. В предельных формах речь должна идти о связанности (несвободе) не только в действиях, но и во внутренних процессах (мыслях, чувствах и т. д.). Это — синхронные связи.

Принадлежность к диахронному единству есть источник еще одного рода ограничения свободы, *предопределенности* настоящего прошлым — принимаются ли задания и ограничения, налагаемые прошлым, сознательно или они определяют нас помимо сознания.

Между тем, с того момента в нашем проектном самоопределении, когда идеалосообразность проекта применительно к релятивизированной реальности (см. II) была интерпретирована как самопроектирование, свобода перестала быть только идеалом и возможной целью, но превратилась в необходимое условие и фактор, ибо — какое же проектирование без свободы?

XVIII

Прежде чем предложить проектное разрешение этого противоречия, я хотел бы устранить с нашего пути некоторое парадоксальное и тупиковое представление о свободе, которое часто участвует в рассуждениях об этом предмете не будучи проясненным в полноте своего подразумеваемого содержания. Это чисто негативное представление о свободе, отождествляющее ее с *неопределенностью*: человек свободен в данный момент времени, если ничто в этот момент не стесняет, не предопределяет и вообще не определяет его решения, поступка, выбора и т. п. Дело в том, утверждаю я, что так понятая

свобода есть не только нечто нереализуемое, но и немислимое, т. е. в принятых в этом тексте терминах неидеалосообразное.

Действительно, легко видеть, что уже из такого сущностного обстоятельства, как биографическое единство человека, его личная идентичность, с необходимостью вытекает его *определенность* (в какой мере и в каких отношениях — это вариативно и мне сейчас неважно) *своим собственным прошлым*. Альтернатива этому — распад индивидуального жизненного процесса на несвязанные моменты. Эту последнюю модель проживания жизни можно отчасти смоделировать бросанием монеты для принятия решения в каждый последующий момент — т. е. при этом свобода приравнивается к *случайности*. Иначе говоря, речь в этом случае идет о чисто негативном понимании свободы — как *нестеснения* — взятом к тому же в предельной степени, когда нестесненность доходит до полной неопределенности.

Напротив, в логике позитивного понимания свободы как самоопределения, самореализации или, опять же прибегая к нашей терминологии, самопроектирования прошлое рассматривается как нечто незавершенное и заключающее в себе *возможности, требующие осуществления*. Всякий акт самопроектирования оказывается при этом *преобразованием прошлого*, его реструктурированием, выделением в нем заново тех смыслов, которые образуют проектное единство с этим актом. Но — сделаем следующий шаг в той же логике — область прошлого, вовлекаемого в свободный акт ни в коем разе не ограничена пределами индивидуальной жизни: она включает в себя все, чему этот человек как-то причастен. В пределе это — весь мир, но в разных своих частях в разной мере и по-разному. Для нас важно то, что следует из сказанного для проектируемого сообщества: *идеалосообразное сочетание единства и свободы локально осуществляется в нем в момент самопроектирования индивида, отождествившегося с сообществом в целом*.

Последнее может быть пояснено следующим образом. Выше (см. XVI) было установлено, что проектное сообщество нельзя мыслить абсолютно однородным. Применительно к свободе это значит, что, поскольку мы говорим не об утопии, мы вовсе не должны полагать всех членов сообщества равными свободными. Некоторые аспекты этого неравенства очевидны: возрастные, интеллектуальные, культурные. Проведенное выше рассуждение подводит нас к общей формуле искомого проектного решения: *свободой члены сообщества располагают в меру своей способности отождествлять себя с сообществом в целом*³⁰.

³⁰ Свободу в этой формуле не следует понимать как внешнюю, кем-то кому-то предоставляемую или ограничиваемую; основной ее смысл — антропологический: так человек устроен. Что же касается внешней свободы (политической, например), то это предмет другого проектного решения, на следую-

XIX

Пара общающихся людей — это наименьшее образование, в котором проявляется единение; это, следовательно, как бы «атом» идеалосообразного сообщества. Перейду на уровень, который в развитие той же метафоры назову «молекулярным».

Этот переход делается из двоякого рода соображений. Во-первых, конкурентность требований всеобщности, с одной стороны, и полноты и тесноты единения, с другой, имеет своим следствием образование заведомо невсеобщих, частичных сообществ, в высокой степени реализующих внутри себя те или иные аспекты идеалосообразности. Во-вторых, полагая сообщество структурно неоднородным, мы тем самым принимаем представление о нем как о сложном из сообществ меньшего размера. Вопросы, которые в этой связи предстоит решить, таковы: что это за молекулярные сообщества (их типология)? какова роль каждого типа в сложении «большого» идеалосообразного общества?

Я выделил три типа таких молекулярных сообществ: коллективы, объединяющие людей вокруг некоторого дела или задачи; семьи; конфессиональные общины. Возможность принадлежать не к одному типу сама собой разумеется. Я не могу утверждать, что эта типология носит исчерпывающий характер, но это мне и не очень важно ввиду эвристического применения, ей отведенного.

Итак, определяющим атрибутом, принципом коллектива является *дело*, ради которого он существует и которому все остальное — в том числе и другие основания единства (приязнь, родство, общность убеждений) — подчинено. В начале статьи я приводил коллектив как пример единства и свободы в границах «кистины» дела.

Всякий отрезок жизни сообщества или его части может быть представлен как дело, а совокупный исполнитель этого дела как коллектив, если удастся сформулировать задачу этого отрезка; неполнота представления измеряется тем, насколько велико и значимо то, что не поддается такому формулированию. Сквозные принципы коллективообразования — это, очевидно, кооперация и разделение труда — принципы, в соответствии с которыми «конечное дело», т. е. задачи, решаемые сложноорганизованным сообществом, предстают как результат интеграции частных задач, решаемых составляющими это сообщество коллективами.

Обсуждение *семьи* в контексте решаемой задачи возможно и уместно лишь в некоторых, специально выбранных аспектах. Здесь, скажем, не будет никак затрагиваться такая функция семьи как

щем шаге самоопределения проектируемого сообщества, выходящем за пределы настоящего текста.

физическое воспроизводство человеческой популяции; осуществление ее в проектируемом сообществе столь же само собой разумеется, сколь и не представляет для нас в этой связи интереса. В семье нас будут интересовать те ее сущностные характеристики, которые сохраняют смысл и значение — может быть, отчасти или в как-то трансформированном виде — в сообществах большего масштаба, иначе сказать, при расширении сферы семейственности в синхронном и диахронном направлениях.

Прежде всего, что в семье может быть признано идеалосообразным и заслуживало бы воспроизведения в числе свойств проектируемого сообщества (если бы это оказалось осмысленным и реалистичным)? Семья несомненно воспринимается нами как такая форма совместного бытия, где реализуются наиболее тесные, глубокие и незаменимые аспекты единения³¹. Во-первых, семья и дом (традиционно неразделимые понятия) — это наиболее *безопасное* место жизненного пространства человека, убежище, место, где можно пребывать расслабленным и безоружным. Во-вторых, семья есть, кажется, то единственное сообщество, которое, по самой сущности своей, принимает своих членов *безотносительно к их заслугам и достоинствам* и тем самым *всегда, вне зависимости от обстоятельств*³². Наконец, семья предназначена для осуществления тех составляющих человеческой жизнедеятельности, которым так или иначе во вред публичность, доступность для постороннего взгляда — для того, что именуется *интимным*.³³

Следующий вопрос: за счет чего оказывается семья способной обеспечить эти блага? Прежде чем на него ответить, обратим внимание на иерархическую взаимозависимость выделенных свойств, второе из которых — безусловность взаимоприятия — оказывается первичным. В самом деле, именно ни от чего не зависящее и ничем не отменяемое принятие и есть суть безопасности, а жизнеспособность интимного требует той же безопасности, физической, психической или духовной. Правильнее, впрочем, видеть здесь не полную безусловность принятия, а его *врожденность* или обусловленность *родством*: все так устроено, что, рождаясь, человек сразу же принимается семьей (причем полнота этого принятия наиболее велика имен-

³¹ Речь, разумеется, не об эмпирии, а о ценностной культурной аксиоматике (высокой степени универсальности), которую рассматриваю на предмет проектного использования.

³² Таков именно буквальный смысл библейской притчи о блудном сыне.

³³ Принятое здесь значение этого термина (латинское *intimus* — превосходная степень от *interior*, т. е. «внутреннейший», «глубочайший») охватывает внутреннюю жизнь семьи в ее духовных, душевных и материальных аспектах.

но в тот период жизни, когда он менее всего способен его заслужить)³⁴.

Если, однако, мы зададимся вопросом о началах, управляющих процессом распространения «семейственности», то столкнемся с действием не одного, а двух начал: единый процесс продления семьи во времени и ее разрастания (становление рода-племени) осуществляется совокупным действием родства и свойства (породнения через брак). Но, помня об этом, не забудем и о том важном для нас обстоятельстве, что *парадигматически первичным* является все же родство.

Конфессией, или конфессиональной общиной мы называем сообщество людей, объединенных *верой в открытость им абсолютной истины*.

Особым образом обстоит дело с возможностью расширения конфессии. Если «атомарное» расширение (включение новых членов) должно осуществляться в соответствии с сущностью конфессии абсолютно беспрепятственно, то «молекулярное» расширение (объединение конфессий, то, что называют экуменизмом) есть напротив, нечто по всей видимости несовместимое с сущностью конфессионального самоопределения³⁵. Пользуясь введенными выше терминами, можно сказать, что, тогда как коллективы и семьи естественно интегрируются в сложное *дифференцированное* единство, конфессиональная множественность есть яркий пример *диверсификации*.

Эта конфессиональная множественность (как факт наличной действительности, с которым приходится считаться) встает, очевидно, препятствием, более того, в некотором важном отношении *тупиком* на пути идеалосообразного движения. В самом деле, все наше пред-

³⁴ Ср. прим. 29 о первичном значении слова «ближний». Следуя принятой в этой работе логике деморфологизации, можно задаться вопросом: а что стоит за этим феноменом определенных (именно в смысле безусловности) преимуществ связей с родственниками перед связями с другими, пусть нами же избранными, людьми? Ответ: за ним стоит восприятие судьбы, действия высших сил как чего-то более важного, чем наша воля. Конечно, такое жизневосприятие давно уже не является всеобщим. Там, где его нет, родственные привязанности, оставаясь, возможно, биологически обусловленными, теряют духовное оправдание и подвергаются рационалистической эрозии.

³⁵ Такова именно всегда была позиция православной ортодоксии (одно из новейших ее изложений см., например, (Серафим, Сергей 1992) и, насколько мне известно, ортодоксии других религий. Где-то мне попалась притча, хорошо передающая суть ситуации. К трем беседующим между собой учителям трох вероисповеданий — кажется, христианства, иудаизма и буддизма — подошел экуменистически настроенный юноша с вопросом: «Почему вы не объединитесь? Разве не скрывается за различиями ваших вер единая истина?» «И какова эта истина?» — спросил в ответ один из беседовавших мудрецов.

шествующее движение осуществлялось таким образом, что ситуация, созданная очередным проектным решением, мыслилась как, по меньшей мере, нетупиковая, т. е. *допускающая (при достаточно больших к тому усилиях) сдвиг в направлении искомого идеала или в направлении возрастания возможностей движения к идеалу*. Ситуации, когда разделенность непреодолима в силу неприятия кем-либо из участников самого идеала единства, остается за пределами рассмотрения в силу изначальной постановки задачи. В случае конфессионального разделения мы имеем другое. Идеал единства, будучи неразрывно связан с каждой конфессиональной версией абсолютной истины, мыслится реализуемым единственным образом: через присоединение к этой конфессии. В силу существенных различий между версиями и притязаний каждой из них на абсолютность — что предполагает независимость от каких-либо внешних подтверждений и обоснований — ситуация эта для стремящихся к единству оказывается тупиковой, ибо лишает смысла основное средство единения, коммуникацию.

Есть, однако, еще одно обстоятельство, характеризующее эту ситуацию и для нас важное. Дело в том, что, сколь полной не считать истину, открытую общине, приходится признать ее неполноту в одном особом отношении: члены общины *не знают, каким образом воссоединить с собой тех, кто находится вне нее* (иначе они это несомненно бы сделали). Так что мы, если и имеем в этом случае тупик, то тупик как бы «проблемный», позволяющий мне считать эту проблемную ситуацию открытой для дальнейшего исследования.

XX

Пора подвести итог пройденному пути и посмотреть, позволяет ли он ответить на поставленные в начале вопросы.

Готовый проект (в общепринятом смысле слова) состоит из описания проектируемого изделия и описания технологии его изготовления.

Искомый проект предстает сейчас сообществом, осуществляющим идеалосообразное самопроектирование. Это, таким образом, заведомо не проект в вышеуказанном смысле, поскольку и образ «проектируемого изделия», и «технология» мыслятся находящимися в непрерывном становлении и не могут быть описаны. В то же время какие-то содержательные проектные решения были приняты и нужно понять, что же они определяют, какова структура задаваемого ими поля проектных возможностей и что в пределах этого поля возможностей я назову этнопроектом.

Выше (см. VI) уже говорилось, что варьируя параметры мы можем построить типологию проектов. Задача выделения этнопроекта в рам-

ках этой типологии может быть понята как указание таких границ варьирования, в пределах которых мы имеем этнопроект, а за пределами — другие типы проектов. При этом так определенный этнопроект будет абстрактным, типовым этнопроектом, задающим типовые черты, которые могут различным образом конкретизироваться в индивидуальных этнопроектах.

Обозревая с учетом так понятой задачи множество идеалосообразных характеристик, выявленных в ходе предшествующего движения, обратим внимание на следующее.

Некоторые характеристики были определены таким образом, что они могут варьироваться по отдельности и при этом они воспринимаются как безусловно идеалосообразные. К ним относятся, например, пространственная близость (см. VIII), единство языка (см. XIV, XV), структурные характеристики проектируемого сообщества (см. IV, XVIII). Означает ли это, что такие характеристики суть *необходимые* требования к этнопроекту? Нет, отвечу я, не означает. Потому не означает, что, как выше уже говорилось (см. VI), реалистический проект должен учитывать ограниченность ресурсов и самопроектирование сообщества в условиях реальной действительности всегда осуществляется путем жертвы одним в пользу другого. Учесть же *все* такие характеристики (названные и другие, исчерпывающий перечень которых не был моей целью) можно приписав проекту свойство *интенциональности*, т.е. мотивированности интенцией на возможно полнейшую реализацию этих характеристик, что предполагает выстраивание их иерархии в рамках конкретного этнопроекта и в конкретных условиях его бытия.³⁶

Наряду с этим были выделены некоторые свойства, высокого уровня абстрактности, образующие антиномические пары: замкнутость-открытость (см. XVI), однородность-неоднородность (XVI), преемственность-изменчивость (см. XIII на примере языка), тотальность-всеобщность (см. XVII).

Наконец, мы рассмотрели три типа малых (молекулярных) сообществ, имеющих высокий потенциал идеалосообразного самопроектирования — коллектив (дело), семью, конфессию (см. XIX). Если теперь результаты этого рассмотрения выразить в терминах вышеуказанных антиномических пар, то оказывается, что высокая степень идеалосообразности достигается в этих сообществах за счет преиму-

³⁶ Из сказанного должно стать ясным, что проектный подход к проблеме этнического свободен от трудностей, из которых не могут вот уже десятилетиями выбраться этнологи, пытающиеся составить дефиницию этноса из набора необходимых его признаков и сталкивающиеся с тем, что ни один признак не является универсальным. Для *этнопроекта* все эти признаки значимы (общность территории, языка, культуры, исторической судьбы, этнонима и т.д., и т.п.), но ни один не является абсолютным.

ществленного осуществления в них качеств, составляющих первые члены пар, и определенного, в некоторых существенных аспектах *самоограничения* в отношении вторых членов. Так, в случае «дела» мы имеем квалификационные ограничения и ограничения на рост численности, обусловленные технологическими и организационными критериями. Реализация того специфического потенциала идеалосообразности, который заложен в семейной форме единения, также предполагает высокую степень замкнутости. Самоограничение конфессии состоит в том определяющем условии, что это община исповедующих конфессиональное мировоззрение; следствия обсуждались выше.

Я теперь делаю решающий шаг в определении этнопроекта. *Этнопроект есть попытка проектного осуществления тех высокопродуктивных с точки зрения идеалосообразности начал, которые лежат в основе делового коллектива, семьи и конфессии, но при отказе от ограничений на открытость, неоднородность, изменчивость и всеобщность.*

Поскольку же интенция на осуществление первых членов антиномических пар сохраняется, постольку этнопроект есть предприятие принципиально антиномичное. Как могут существовать такого рода антиномические реальности, нам демонстрирует язык (см. XIII).

Итак, *этнопроект есть дело.* Но не в том привычном смысле, каковым предполагается определенная задача, которая в более или менее точно поставленный срок будет выполнена, а некое передаваемое из поколения в поколение дело, существо которого заново и заново уясняется. Направленность же, интенциональность дела задается — как это было задано изначальной постановкой вопроса — утопией, идеалом. Поскольку же речь здесь идет уже о конкретном этнопроекте, то и под утопией следует понимать этническую версию утопии, *этноутопию*, которую можно отождествить с ранее упоминавшейся субъективной утопией (см. IV). Наконец, на естественно встающий вопрос о конкурирующих версиях этнопроекта ответ был дан при обсуждении проблемы свободы (см. XVIII).

Этнопроект есть семья. Антиномизм этого проектного задания на уровне индивидуального самоопределения заключен в идеале безусловного приятия такого целого, которое (в отличии от «малой семьи») практически недоступно преобразующему воздействию со стороны индивида. Однако именно семейная парадигма оказывается наиболее живой и действенной в сфере этнического, и интенция на ее проектное воплощение мотивирует поиски политических, педагогических, даже экономических социально-проектных решений.

Этнопроект есть конфессиональное сообщество. Это звучит парадоксом и требует объяснения.

Этнопроект, каким он предстает нам в результате предпринятого розыска, *направляется этноутопией*. А утопия, как это было с самого начала положено, состоит в свободном единстве вокруг истины. Абстрактному проекту соответствовала абстрактная же утопия, где было лишь *место* для неведомой истины. Понятно, что разные этноутопии заключают в себе различные версии истины. Эта ориентация на идеал, трансцендентный по отношению к реальной истории сообщества, и есть то, что роднит этнопроект с конфессией. Различает их то, что конфессиональное сообщество объединено вокруг единой истины, тогда как путь этнического самопроектирования — это путь соперничества и смены версий истины и идеала. Это *разномыслие*, однако, может быть интерпретировано не только в плане диверсификации, но и в плане дифференциации, «разделения труда» в поисках неведомой истины. Этнопроект тогда можно мыслить как бы «церковью неведомого Бога»³⁷. Что же касается конфессиональных анклавов внутри этнопроекта, то, в развитие сказанного выше о «проблемном тупике» межконфессионального единения, добавлю, что участие конфессии в этой «церкви» представляется своего рода кенозисом, снисхождением и самоумалением, ради тех, кто находится вне общины.

Литература

- Богданов В.В. Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты. Л., 1990.
- Генон Р. Царство количества и знамения времени. М., 1994.
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.
- Донских О.А. Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск, 1984.

³⁷ См. обращение ап. Павла к афинянам, поклонявшимся «неведомому Богу» (Деяния 17, 22-23). Я хочу еще привести несколько параллелей между религиозной (в данном случае более мне известной, христианской) «социологией» и нашими утопическими постулатами. Евангелие от Иоанна: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32). Литургия св. Иоанна Златоуста: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповеды» (т.е. чтобы единомысленно исповедовать то, что следует в тексте литургии сразу же за этими словами: догмат о Троице). А.С.Хомяков (в изложении Г.В.Флоровского): «Церковь в изображении Хомякова и есть, прежде всего, единство, — «единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати». В этом определении соподчиняются два мотива: «единство» и «покорность» человека. <...> Только в покорности, т.е. в свободном своем приобщении и в любви, может человек принадлежать и пребывать в Церкви. <...> В покорности открывается и осуществляется именно свобода» (Флоровский 1991: 276).

- Кузнецов С.Н. Теоретические основы интерлингвистики. М., 1987.
- Мандельштам О.Э. Избранное. Таллин, 1989.
- От Бытия до Откровения: Учение. Пятикнижие Моисеево. М., 1993.
- Семенцов В.С. Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагаватгиты // Восток-Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988.
- Серафим (Алексиев), архим., Сергей (Язаджиев), архим. Почему православному христианину нельзя быть экуменистом. СПб., 1992.
- Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975.
- Степанов Ю.С. Пор-Рояль в европейской культуре // Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная, содержащая основы искусства речи, изложенные ясным и естественным образом, толкование общего в языках и главные различия между ними, а также — многочисленные новые замечания о французском языке. М., 1990.
- Толковая Библия, или Комментарий на все книги Ветхого и Нового Завета. Т. 1. Бытие — Притчи Соломона. Стокгольм, 1987.
- Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.
- Флоренский П.А. Т. 2. У водоразделов мысли. М., 1990.
- Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Киев, 1991.
- Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.
- Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

Соколовский С.В.

О неуюте автаркии, национализме и пост-советской идентичности

О метаморфозах пространства

Мы, то есть жители бывшей империи, населяем неуютный мир непрерывной сегментации. Шестая часть мира конвульсивно схлопулась, сжалась и взорвалась, разлетевшись осколками самоопределений и суверенитетов. Единое некогда пространство, внутри которого непуганые граждане эпохи застоя перемещались во всех направлениях, тратя кровные отпускные и государственные командировочные, перестало существовать. Игра в «настоящие государства», поначалу робкая, со временем (подобно маразму) крепчает, обрастая таможенными, валютами, паспортами и прочими аксессуарами самостоятельности. Само пространство, уже расколовшись и разбившись вдребезги, продолжает, подобно шагреневой коже, сжиматься; «дребезги» к тому же, благодаря усилиям национальных, элит расслаиваются, давая пищу для ставших модными сожалений и пожеланий о поддержании/восстановлении единства рублевого, экономического, военно-стратегического, таможенного, образовательного и прочих иных «пространств», совпадавших прежде с конфигурацией границ «единого и неделимого».

Пространство персональных перемещений, ограниченное ранее просторами одной шестой, пережило мучительные метаморфозы, открывшись вовне для верхней одной десятой населения и сжавшись до общественно-транспортного чувства локтя для остальных девяти десятых. Такой специфический тип пространства как экономическое, в котором расстояние между пунктами А и В измеряется стоимостью проезда, напротив разбухло, угрожая поглотить годовую зарплату иного непоседы, некогда покрывавшего то же самое расстояние на студенческую стипендию.

Все эти приключения со всё ещё становящимся и никак не «ставшим» пост-советским пространством теснейшим образом связаны с процессами, происходящими с самосознанием населяющих его чело-веков, с метаморфозами того вида социальной рефлексии, продукт которой в западной социологии обычно именуют социальной иден-

тичностью. Ориентация многочисленных национальных и региональных элит на автаркию, эту элитарную антропотехнику экспроприации пространства, делает неуютным мир для остальных девяти десятых населения, повсюду наталкивающихся на возведенные политические, административные и финансовые барьеры.

Не нужно проводить специальных изысканий, чтобы обратить внимание на тектонический по своим масштабам сдвиг, произошедший в пространственной компоненте самосознания бывших советских граждан: ностальгия по «большому пространству», существовавшему до взрыва, — один из наиболее устойчивых и повторяющихся мотивов в различного рода опросах и «срезах» общественного мнения. Разумеется, что этой ностальгии нет у той одной десятой, для которой пространство разомкнувшись стало планетарным, то есть для элит. Ностальгия — привилегия тех, кто сегодня проторяет причудливые маршруты среди обломков прежде единого пространства, тех кто влачит по муравьиным тропам тяжелые мешки с местным и заморским товаром (новые коробейники), кто пытается вывести из очередной возгоревшейся точки остатки домашнего скарба (беженцы). И заложники политических обстоятельств и рабы «нового экономического порядка» (определиться бы какого) страдают от конвульсивной географии большого взрыва. Расслоением пространства сумел воспользоваться лишь узкий слой нуворишей и рванувшиеся на распродажу бесплатно доставшихся ресурсов национально-политические элиты. Пространственная компонента идентичности вдруг обрела отчетливую сословно-классовую окраску. Этот феномен может быть поименован как узурпация пространства. Суть его в том, что упавший железный занавес заменен фильтрами, сортирующими людей по уровню дохода. При нормальных экономических режимах это, вроде бы, нормально, но в нашем, где получает больше отнюдь не тот, кто, больше или лучше работает, но скорее тот, кто ловчее запускает руку во все возможные и доступные карманы (как государственный, так и сограждан — культура двоемыслия, господствовавшая «до взрыва» наконец дает плоды), эти фильтры работают скорее как сегрегационные законы.

О превращениях времени

Со временем происходит нечто аналогичное пространственным метаморфозам: хотя большинство стало путешествовать ближе и реже, но зато дольше. Сказывается проникающая все глубже в поры государства и общества атмосфера развала, инициированного сегментацией экономического пространства, стагфляцией и гиперинфляцией, дополняемыми инфляцией обещаний о скором падении темпов падения... Общественный транспорт ходит чаще реже, чем иногда; бензиновые кризисы таинственным, но непреложным спосо-

бом отражаются на расписаниях троллейбусов и электропоездов... Поезда дальнего следования на многих направлениях отменяются вовсе, становясь нерентабельными из-за недоступных для пассажиров цен... Время перемещений растягивается, становится трудно прогнозируемой категорией, исподволь меняя восприятие населяемого нами мира.

Работать в среднем стали больше (хотя вряд ли толковей), что означает сокращение времени досуга. Спорт становится занятием избранных (нет денег); семья — роскошью (нет времени); кинотеатр — мечтой (нечего выбрать из того, что по укоровившемуся недоразумению именуется «кассовыми фильмами»). Сжавшееся до неприличия время досуга (длиннее рабочий день, больше времени на перемещения от дома к работе) заполняется созерцанием телевизионной рекламы. Реклама движет вожделениями юного общества потребления, но и здесь не обходится без гримас пост-социализма: потреблять предлагается, в основном, «колониальные товары», нечто вроде стеклянных бус для варваров эпохи географических открытий. Появляются, впрочем, и товары, в рекламе не нуждающиеся, но по отношению к ним вступает в права господства все та же печальная арифметика: одна десятая населения потребляет девять десятых товаров этой категории. Досуг, стало быть, краток и тратится впустую. Носители мироощущений ушедшей эпохи, правда, видимо по инерции и косности, продолжают читать книги, но новое поколение все более уверенно выбирает Hershí.

Прочие временные структуры за пределами времени досуга также переживают серию перестроек и перелицовок, в частности, отношение к прошлому в причудливой кривой спазмов и судорог свершило путь от открытия к покаянию, от покаяния к изобретению истории, от изобретения к её карнавализации и откровенному националистическому маскараду.

Настоящее, которое прежде в зависимости от градуса энтузиазма охотно или принудительно жертвовалось во имя будущего, теперь стало либо временем забвения, разочарования и дезориентации, либо горячечного после-нас-хоть-потопства, либо, наконец, вместилищем утопических прожектов возврата в золотой век, «когда народ был великим» (известные версии, преимущественно из правой части политического спектра, национального прошлого у целого ряда национальных, а точнее националистических элит, включая часть русской).

Цвета грядущего, и прежде скорее красные, нежели розовые, теперь совсем померкли, и лишь конкурсы на юридические и экономические факультеты изобличают трезвые воззрения подростков, что на их век и преступлений и экспериментов с добыванием денег из воздуха, хватит с лихвой.

О революции в языке самоописаний

Все трансформации, произошедшие с восприятием времени и пространства у граждан бывшей империи, а также связанные с этими трансформациями весьма радикальные изменения их самосознания привели к рассогласованию социальной реальности и традиционно используемых языков общественных самоописаний (мифологии массового сознания, литературы, искусства, философии и социальных наук). Поскольку в воспроизводстве любой социальной системы важные роли играют самонаблюдения и самоописания (Luhman 1981), постольку для полноценного понимания происходящих в общественном самосознании процессов требуется анализ имеющихся самоописаний и их оценка с позиции наблюдателя. Ниже будет предпринята попытка фиксирования некоторых этапов в развитии самоописаний, производимых в социальных науках по поводу национальных и этнических процессов. Для оценки дисциплинарных языков социальных описаний избрана обобщенная позиция международного научного сообщества, представленная в авторитетных академических журналах соответствующих дисциплин. Такая оценка, однако, затрудняется теми обстоятельствами, что, во-первых, достаточно быстро меняется объект наблюдения — этничность и массовые представления о том, чем являются «народ» и «нация»; во-вторых, парадигмальный сдвиг, вызванный кризисом общественных наук в пост-советских государствах, не способствует стабилизации семантики дисциплинарных языков наблюдения и описания, наконец, в-третьих, сама позиция невключенного наблюдателя, призванная произвести естественную репрезентацию происходящего, уязвима по многим основаниям, но более всего, из-за приобретения международным академическим сообществом большей власти в связи с крахом второго мира и появлением на месте биполярной мировой системы — униполярной. Тем не менее, утрата бесконкурентного естественного самоописания общества, которое прежде гарантировалось наличием неоспоримого центра, не оставляет иного выбора, кроме выбора нового авторитетного центра интерпретации, и, с моей точки зрения, выбор в пользу мнения международного академического сообщества более предпочтителен, чем провозглашение одной из многих имеющихся «внутренних» интерпретаций и ее последующее провозглашение в качестве эталона для оценки всех прочих. Он предпочтителен хотя бы уже потому, что предоставляет возможность сопоставления имеющихся вариантов социальных самоописаний в относительно деидеологизированной форме. Эта позиция позволяет также (пусть условно) маркировать происходящие в социальных науках парадигмальные смещения как «прогрессивные» и «регрессивные» относительно фиксированного международного консенсуса, что, повторю, может быть и не стоит принимать всерьез, но удобно использовать для упорядочивания и классификации имеющихся взглядов (то есть, опять-

таки, для стабилизации семантики языка самоописаний). Более всего меня будут интересовать развитие описаний, тематизирующих изменения в этническом и национальном самосознании, этнической и национальной идентичности, и, шире, все поле описаний политики идентичности (*identity politics*).

Для оценки «этно-национальной» части спектра социальных самоописаний, приведу сначала краткие справки о развитии понятий «этничность» и «нация», представляя, повторю, лишь некую обобщенную позицию международного научного сообщества (все неточности и могущие возникнуть недоразумения в связи с этой интерпретацией, разумеется, должны быть отнесены на мой счет).

Этничность

Интеллектуальная история термина «этничность» довольно коротка: до начала 1970-х годов он редко упоминался в антропологической литературе, а университетские учебники не содержали его определений и не включали в терминологические указатели. С середины 1970-х годов ситуация резко изменилась: исследования этничности переместились по целому ряду причин в центр интересов мирового антропологического сообщества (термин «антропологический» здесь употребляется в его стандартном значении для западной социальной и культурной антропологии, то есть охватывает исследовательское поле таких отечественных дисциплин как археология, этнография, этнолингвистика и физическая антропология). В числе этих причин следует прежде всего назвать существенные изменения геополитического характера, отразившиеся на деятельности антропологов: распад колониальной системы, критика деятельности антропологов со стороны индигенных исследователей, обострение межэтнических отношений в индустриальных странах Запада (так называемая проблема меньшинств) и др. Эта смена исследовательских ориентаций, оцениваемая некоторыми как парадигмальный сдвиг (*Despres 1975: 188; Cohen 1978: 380*), имела своим результатом появление многочисленных теорий этничности, которые были предложены для объяснения таких разнородных феноменов как социальное и политическое изменение, процесс формирования этнической идентичности, социальный конфликт, ассимиляция, межрасовые отношения и строительство нации. Все эти теории укладываются в рамки трех подходов к исследованию этничности, трех способов ее понимания: примордиалистского, инструменталистского и конструктивистского. Рассмотрим содержание и основные положения этих подходов.

Объективистские (натуралистические) теории этничности могут классифицироваться по их трактовке природы человека и подразделяются на этом основании на две группы — группу, в которой этничность рассматривается как природно-биологический феномен, и группу, где этничность понимается как продукт культуры и истории.

В тех теоретических построениях, где видное место занимают эволюционистские трактовки природы человека, этничность обычно рассматривается как явление по преимуществу детерминированное генетическими и географическими факторами.

П. Ван ден Берг, исследуя возможности приложения социобиологических концепций для объяснения этнических феноменов, предложил понимать этничность как следствие генетической предрасположенности человека к родственному отбору, называемому в социобиологии непотизмом. Центральным понятием социобиологического подхода является понятие «итоговой (суммарной) приспособленности» (inclusive fitness), которое описывает известное эволюционное следствие альтруистического поведения. Этологам, генетикам и социобиологам известно то обстоятельство, что альтруистическое поведение уменьшает персональный генетический вклад индивида в генотип следующего поколения, но одновременно увеличивает вероятность передачи этих генов непрямым путем: помогая родственникам выживать и передавать свои гены следующему поколению индивид способствует воспроизводству собственного генофонда. Поскольку поведение этого типа делает группу эволюционно более устойчивой, чем аналогичные группы, в которых альтруистическое поведение отсутствует, «гены альтруизма» поддерживаются естественным отбором. Из этого следует, что непотизм предоставляет группам эволюционные преимущества и закрепляется на генетическом уровне. «Родственный отбор», по мнению Ван ден Берга, играл решающую роль в формировании этнических групп и самого феномена этничности.

Другим важным понятием в социобиологическом подходе к исследованию этничности является понятие «реципрокность» (взаимность) (reciprocity). Реципрокность определяется как сотрудничество между отдаленными родственниками или индивидами, не связанными отношениями родства. Это понятие является логически производным от понятия «непотизм» и охватывает все типы социального поведения, остающиеся за пределами «непотистского». В тех социальных условиях, в которых непотистское поведение оказывается по каким-либо причинам невозможным либо опасным, индивид может прибегнуть к реципрокной стратегии, что также позволяет увеличить его итоговую приспособленность.

Суммируя итоги приложения социобиологических концепций к пониманию этнических феноменов, Ван ден Берг пишет: «Люди, как и другие социальные животные, запрограммированы биологическим отбором на непотистское поведение, поскольку, предпочитая родственников, они максимизируют собственную итоговую приспособленность. Вплоть до последних нескольких тысяч лет гоминиды жили в относительно небольших группах — от нескольких десятков до пары сотен индивидов, где преобладала тенденция к заключению внутригрупповых браков, и, следовательно, сами группы характеризовались

высокой степенью родства и состояли из близких и отдаленных родственников. Эти солидарные группы являлись, по существу, примордиальными этниэ (ethnie — примерно соответствует русским терминам «этнос» и «этническая общность»). Таково эволюционное происхождение этничности — расширенная родственная группа. С прогрессивным ростом размера человеческих обществ границы этниэ становились шире; связи родства соответственно размывались и иногда в действительности становились фиктивными... Однако, потребность в определении коллективности, более широкой, чем непосредственный круг родственников на основе биологического происхождения продолжает присутствовать даже в современных массовых индустриализованных обществах (*Van den Berghe* 1981: 35).

Социобиологические трактовки понимания этнических феноменов и попытки социобиологов объяснить силу этнических чувств возникли во многом благодаря тому обстоятельству, что собственно примордиалистской теории происхождения этничности не было. До сих пор не существует научной работы, в которой бы связно излагалась вся совокупность теоретических представлений примордиалистов на происхождение и природу этничности. Социобиологи, разделяя примордиалистскую точку зрения на этничность как на нечто «исходное» и «первичное», предложили генетико-биологическую трактовку, то есть попытались объяснить возникновение и существование этничности с помощью эволюционно-генетических представлений.

Истоки примордиализма обычно обнаруживают в работах Фердинанда Тённиса, возводя примордиалистские концепции к его известному различению между общиной (*Gemeinschaft* — первичной группой, или примордиальным сообществом) и обществом (*Gesellschaft* — вторичным сообществом в так называемых «сложных» обществах, основанных на разделении труда). Это различение было использовано многими социологами для анализа социальной структуры и социальной динамики. Так известный американский социолог Эдвард Шилз (*Shils* 1957) при создании своей концепции примордиальной близости (*primordial affinity*) очевидно опирался на это различение и использовал его в дальнейшем в своих исследованиях этнической и расовой идентификации (*Shils* 1968).

Примордиалисты определяют этничность как глубокую аффективную привязанность (*affective attachment*), коренящуюся в «кровных связях», но, как уже упоминалось выше, не предлагают никакой теории для объяснения природы и происхождения связей этого типа. Лишь в самое последнее время появляются попытки связать примордиалистские концепции этничности с современными психологическими представлениями о природе привязанностей и аффективных связей.

Хотя социобиологические трактовки этничности подвергались резкой критике (*Thompson* 1989), но основной их тезис, что этнические группы являются расширенными родственными сообществами, был

критически переосмыслен сторонниками релятивистских (конструктивистских) трактовок этничности и вошел в концепции некоторых конструктивистов под видом «квази-родственной группы» (Brown 1989: 6-8).

Примордиализм не обязательно тяготеет к эволюционно-биологическим трактовкам природы этнических феноменов. Теоретические подходы к изучению этнической реальности, практиковавшиеся и практикуемые в ряде стран советского блока, а также, например, в ФРГ и Финляндии, могут рассматриваться как отдельный тип примордиалистских концепций, в которых место эволюционно-биологических занимают эволюционно-исторические трактовки. Эту традицию можно возвести к соответствующим представлениям Й.Г.Гердера, неоромантическая трактовка «народа» которого (Volk, народ — понимался как общность, возникающая на основе единства «крови» и «почвы») была усвоена многими немецкими и русскими антропологами и этнографами. В частности С.М.Широкогоров предложил следующее определение этноса: «<...> этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других» (Широкогоров 1923: 122).

Этот подход был позднее развит в работах Ю.В.Бромлея, который предложил во многом сходное определение этноса: «<...> исторически сложившаяся на определенной территории совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» (Бромлей 1981: 27), а также в цикле работ Л.В.Гумилева. Последний рассматривал этнос как «биосоциальный организм», характеризуемый, как и прочие организмы, определенной длительностью существования, членимой на самостоятельные периоды, обладающие собственной спецификой. Значительное внимание в концепции Гумилева уделяется исследованию проблем возникновения этносов, то есть тому, что в отечественной этнографии получило наименование этногенетических исследований. Этногенез понимался этим исследователем как процесс, детерминированный по-преимуществу географическими и геокосмическими факторами; формирование этноса в нем рассматривалось как продукт совокупного действия космических энергий и особенностей ландшафта («место развития»), в котором протекал этногенетический процесс (Гумилев 1989).

Одним из продуктивных периодов в развитии категориального аппарата советской этнографии были 1960-1980-е годы, когда страницы многих журналов по социальным наукам отводились дискуссиям по проблемам нации, этноса, культуры. Их материалы были обобщены в конце 1970-1980-х годов в ряде монографий, в которых де-

лались попытки найти родовое понятие для используемых в литературе терминов «племя», «народность», «нация» и др. Для обозначения такого понятия утвердился термин «этнос», причем, в основном, преобладало понимание этноса «по Бромлею».

Параллельно разрабатывался примордиалистский подход в теории нации, в котором последняя рассматривалась натуралистически, как природный феномен. Эта трактовка была распространенной на Западе в 1930-40-е годы, и в соответствии с ней нация трактовалась как субъект, обладающий собственными интересами, сосредоточенными, главным образом, в сфере конкуренции за выживание с другими аналогичными образованиями (*Hayes 1931, Kohn 1944*). Нация рассматривалась в качестве исторической константы, существующей повсеместно и постоянно. В этом смысле, построения Ван ден Берга, объединявшего племена, этносы (*ethnie*) и нации в качестве исторически различных реализаций этнического принципа, можно рассматривать как прямое продолжение названной традиции. В отличие от него для А.Смита и Ю.Бромлея этносы, оставаясь примордиальными группами, носят характер социальных, а не биологических сообществ, поскольку этнические связи рассматриваются как сущностно зависимые от исторических изменений (*Бромлей 1973, Smith 1987*). При этом утверждается, что принцип этнического разделения универсален и существует во всех социальных формациях.

Таким образом, все примордиалистские концепции трактуют этнические группы как реально существующие группы людей, которые:

- 1) характеризуются биологическим самовоспроизводством;
- 2) разделяют базовые культурные ценности, выражающиеся во внешнем единстве культурных форм;
- 3) образуют единые поля коммуникации и взаимодействия;
- 4) характеризуются членством, обеспечивающим идентификацию для членов группы и признание их другими группами, которое является конституирующей категорией, отличающейся от других категорий того же порядка (*Narroll 1964*).

В соответствии с этим подходом существование этнической группы может быть определено объективно; этнические группы также объективно могут быть отличены от других социальных и биологических сообществ типа классов, сословий, конфессиональных групп, рас, каст и т.д. Этнические группы рассматриваются как базирующиеся на культурном единстве и, следовательно, онтологически реальные.

Такое понимание природы этничности на Западе сложилось уже к середине 1960-х годов в контексте теорий модернизации. В этнологии сферой приложения модернистской парадигмы стали различные ассимиляционистские концепции, где этнические группы рассматривались в качестве пережитка доиндустриальной эпохи и где считалось, что значение этнических общностей и этнических чувств будет постепенно падать за счет процессов урбанизации и модернизации, межэт-

нических браков, аккультурации меньшинств, структурной и языковой ассимиляции и других процессов взаимоуподобления между взаимодействующими в контексте массовой культуры этноспецифическими группами. Характерным примером такой концепции является теория так называемого «плавильного котла» (*melting pot theory*), выдвинутая американскими антропологами и социологами М. Гордоном, Н. Глезером и Д. Мойниханом и господствовавшая в американской культурной антропологии вплоть до середины 1970-х годов. Именно в это время этничность понималась преимущественно структурно, то есть определялась в терминах культурной морфологии определенного общества — совокупности языковых, конфессиональных и расовых характеристик, рассматриваемых как изначально присущих группе в качестве «примордиальной данности» (*primordial givens*). Предполагалось, что объективные и воспринимаемые членами контактирующих групп различия служат основанием для выработки групповой идентичности, которая, в свою очередь, создает контекст межгрупповых отношений и политической мобилизации. Культурные «притяжения» и культурная близость, используемая в качестве основы межгруппового объединения в политической борьбе за определенные интересы, рассматривались в то время как временные и мелкие препятствия на пути к современному национальному государству. Таким образом, для этого времени было типичным определять этничность в терминах объективной структуры культурных различий конкретного общества (*Smith 1969: 104-105*), при этом возражение, что далеко не каждая культурно-специфическая группа имеет этническую идентичность, или сознание групповой принадлежности было снято с помощью введения понятий латентной (скрытой), или «дремлющей» этничности. Однако уже в середине 1970-х годов идеологи «плавильного котла», столкнувшись с феноменом массовых этнических движений внутри США, вынуждены были признать непригодность теорий ассимиляции для объяснения «новой этничности». В изданном в 1975 г. сборнике работ под редакцией Н. Глезера и Д. Мойнихана «Этничность, теория и опыт» теоретики ассимиляционизма стали определять этническую группу как группу, объединяемую интересами (*Glazer, Moynihan 1975: 7-8*), а саму этничность — как средство достижения групповых интересов, ресурс группы в политической борьбе. По существу это означало, что ассимиляционисты отказались от примордиалистских трактовок этничности в пользу инструменталистских.

Инструменталистское понимание этничности типично для политологических исследований межэтнических отношений, то есть можно определенно утверждать, что оно сложилось в рамках политологии, социологии власти и политической антропологии. Здесь она понимается прежде всего как идеология, создаваемая элитой для мобилизации масс и достижения собственных интересов в борьбе за власть. Инструментализм нередко опирается на социально-психологические теории, где этничность трактуется как эффективное средство для

преодоления отчуждения, восстановления попорченной национальной гордости (Horowitz 1985), как социальная терапия и т.п. Существенной чертой всех инструменталистских теорий является их опора на функционализм и утилитаристские ценности.

В этой группе концепций, где этничность оказывается связанной с утилитаристскими ценностями, существование этнических общностей нередко объясняется с позиций социологического функционализма: раз этнические группы существуют, значит они служат определенным целям и соответствуют конкретным интересам, создавая известные «удобства» для человека. Например, позволяют справиться с проблемой отчуждения, порождаемой индустриальным обществом с его массовой культурой, и, таким образом, выстроить «свой дом» и «свой мир», сделать этот мир комфортным, подчинить его власти своих традиций, где окружающие тебя другие, которые вместе с тобой переживают кризис отчуждения, претворяются в результате этой сопричастности в «своих», в участников строительства «своего дома». Эта концепция этничности как способа преодоления отчуждения отстаивается психологами и теми социологами, методы которых предполагают знание и использование социально-психологической теории.

В эту же группу можно включить и тех исследователей, которые полагают, что этничность позволяет справиться с информационной сложностью современной жизни, «разгрузить» психику от разнотипных информационно-избыточных «сигналов», каким-то образом упорядочив их. Классифицируя людей по их этнической принадлежности, индивид получает возможность «упростить» получаемую информацию, разделив всех на «своих» и «чужих», а «чужих» — на известные ему этнические группы, восприятие которых стереотипизировано в культуре «своих». Это позволяет существенно упростить взаимодействие, сводя его к известному репертуару стереотипных «ролей» и «ситуаций». Социальный мир здесь осваивается через культуру «своих» и из чуждого и опасного превращается в комфортно безопасный и освоенный. Наконец, близка к этой группе концепция, разделяемая многими социологами и политологами, исследующими властные отношения. В соответствии с ней, этническая группа это прежде всего локус в системе властных отношений, а этничность — один из мощных ресурсов в политической мобилизации группы, помогающий этой группе осуществлять собственные интересы. Эта позиция представлена множеством вариантов, подчас детально разработанных и используемых в социологии в качестве «теорий»: теория разделенного рынка труда, теория сегментированного рынка, теория этнической стратификации и их многочисленные версии.

Все перечисленные под этой рубрикой концепции этничности подразумевают выполнение какой-либо потребности индивида или группы, осуществление их интересов, достижение целей и т.п. Существование этничности, таким образом, здесь мыслится как способ

достижения более комфортного состояния, в категориях пользы, что и позволяет обозначить эту трактовку как утилитаристскую, или гедонистическую.

Наиболее распространенное в мировой науке конструктивистское понимание этничности обычно связывают с именем норвежского этнолога Ф.Барта, который определял ее как наиболее широкую категорию социальной идентичности, а также как форму социальной организации, существующую за счет воспроизводства межгрупповых границ, механизм действия которых определяется в большей степени манипулированием социальной идентичностью членов группы, нежели культурными характеристиками этой группы (*Barth 1969: 13*). Такое понимание этничности позволило исследовать ее зависимость от различных политических и социальных контекстов, то есть рассматривать этот феномен как ситуативный и создаваемый средствами символического различения (*Okamura 1981*), а также четче определять политические измерения этничности (способность структурировать отношения между этническими группами, служить основанием этнической стратификации), определять ее роль в социальных конфликтах и т.п.

С утверждением в этнологии интерпретативной парадигмы (*Geertz 1973; Marcus, Fisher 1986*), основанной на философии постмодернизма, особое внимание в процессе конструирования этничности привлекли «переговоры», этот, по выражению Э.Ренана, «повседневный плевисцит», в который оказываются вовлеченными множество субъектов, осуществляющих своей дискурсивной (разговоры о «других») и деятельностной практикой само существование межгрупповых границ и социальной идентификации, включая этничность. В этой интеллектуальной атмосфере с её особой чувствительностью к диалектике объективного и субъективного в процессе формирования этнической идентичности, даже взгляды Ф.Барта, подчеркивавшего «договорной» характер границ между этническими категориями, подверглись критике как слишком объективистские, реифицирующие субъективную реальность. В частности, было отмечено, что использование терминов типа «группа», «категория», «граница» подразумевает существование реальной целостности, а внимание Барта к процессам воспроизводства еще более оеществляет эту имплицитно подразумеваемую целостность (*Cohen 1978: 386*). Неопределенность, бесконечные трансформации и текучесть этничности были учтены в следующем определении: этничность является «<...> комплексом диакритик (физическая наружность, наименование, язык, история, религия, национальность), которые определяют разделяемую идентичность для членов и не-членов (группы — С.В.)», она есть «серия иерархических дихотомизаций включенности и исключенности (из группы — С.В.)» (*Cohen 1978: 386-387*).

В широко принятом определении этнической группы как группы, члены которой обладают общим наименованием (этнонимом) и ком-

плексом сходных черт в культуре, мифом об общем происхождении и коллективной исторической памяти, связывают себя с определенной территорией и чувством солидарности, конструктивисты подчеркивают значение субъективной стороны: коллективного сознания, мифологии, воображения, в то время как позитивистские и натуралистические трактовки этнических феноменов опираются на методологию эмпирицизма, трактуя культуру и социологию групп, их связи с территорией и историческим процессом в качестве объективной данности.

Нация

Термин «нация» (*natio*, от лат. *nasci* — родиться) первоначально относился главным образом к породе, виду, расе как людей, так и животных. В латыни классического периода он имел дополнительное значение социальной дистанции между римскими гражданами и варварами, поскольку употреблялся по отношению к далеким народам и племенам: у Цицерона, например, *omnes nationes* (все нации) противопоставляются *postra civitas* (обществу граждан). Основные компоненты значения термина («группа», «далекий / иностранный народ», «связанные местом рождения, или родством») сохранялись в Европе вплоть до XIX века, и продолжают бытовать в отдельных языках и словоупотреблениях.

В большинстве современных европейских языков под нацией подразумевается согражданство — социально-политическая единица, объединяющая граждан одного государства (отсюда — синонимия между терминами «национальный» и «государственный», «национальность» и «гражданство»). Термин «нация» в составе наименования известной международной организации означает «государство», поскольку членами ООН являются именно государства.

В отечественных социальных науках вплоть до недавнего времени нация понималась как особый историко-стадиальный тип этносоциальной общности, сложившейся в период становления капитализма и, шире, товарно-денежных отношений на основе экономических связей, единства территории, языка, некоторых особенностей культуры и психологии и развития национального самосознания. Это понимание оказывается довольно далеким от марксистской социальной теории, в которой нация рассматривается как чисто идеологическое надстроечное явление, маскирующее классовые антагонизмы и где, таким образом, национальное сознание, аналогично религиозному, провозглашается ложным. Марксистскому субстанциализму противопостоят неомарксистские трактовки нации как «воображаемого сообщества» (Б.Андерсон), и психолого-идеалистические ее понимания как единства судьбы (Э.Ренан, О.Бауэр, Н.Бердяев).

Уже в работах Э.Ренана описываются по меньшей мере две концепции нации:

1) Этницистская или натуралистическая концепция, т.е. понимание нации как естественного, органического феномена, тесно связанного с предшествующими клановыми, родовыми и племенными формами организации, с понятиями расы и этноса; здесь основным критерием становится «право крови».

Ренан отмечает порождаемую таким толкованием опасность развязывания жестоких межнациональных конфликтов и войн. Стремление подтвердить все более древними документами свои права на данную территорию приводит затем к подмене «права крови» «правом почвы» и, далее, к утверждению права первого захватчика, то есть, как иронически отмечал Ренан, к признанию «права орангутангов».

2) Этому пониманию нации Ренан противопоставил ее понимание как выражение воли членов сообщества к совместной жизни (такое понимание, очевидно, напоминает читателю понимание государства Гоббсом). Общность происхождения заменяется здесь общностью памяти, чувств и действий. Таким образом, из понятия нации устраняется присущий ему мистицизм; нация предстает как форма добровольной солидарности («постоянного плебисцита»), постоянно подвигаемой и возобновляемой.

Следует отметить, что при такой трактовке остается в тени политическое измерение нации; возникает впечатление, что нация нуждается в «плебисците» потому, что не объединена никакими реальными институтами.

Именно вследствие этого взгляды Ренана подверглись определенному пересмотру и уточнению. Воля сообщества к совместной жизни была поставлена в зависимость от признания этических и юридических принципов, что позволило перевести рассмотрение в политическую плоскость. На этой основе складывалась в дальнейшем теория «конституционного патриотизма» и «гражданской нации», резюмированная Д.Штернбергером следующим образом: «Гражданская нация есть носитель чистой нормативной ценности, не имеющей ничего общего, как пишет Ю.Хабермас, с протополитическими феноменами: народом как исторической общностью судьбы, нацией как лингвистическим и культурным сообществом, социально-экономической системой как комплексом производительных сил» (Цит. по: *Tassin* 1994: 105).

Если натуралистическое представление о нации может быть в известном смысле названо донациональным, то эту третью концепцию возможно рассматривать как постнациональную, не допускающую этнокультурных или коллективистских аргументов и всецело основанную на юридическом, моральном и политическом фундаменте. «Ее можно назвать преодолением нации, поскольку благодаря ей совершается преодоление националистической политики, полностью подчиненной задаче постоянного утверждения национальной идентичности и ее институциональных рамок — национального госу-

дарства», причем исторический опыт показывает, что «возможность этого преодоления уже заложена в республиканском государственном строе» (Tassin 1994: 105).

Эта концепция ориентирует сообщество на универсальные человеческие ценности; в противном случае ему грозит опасность исчерпать себя в бесплодном, тавтологичном и (иногда) смертоносном самоутверждении.

Конституционный патриотизм ведет к определенному расподоблению феноменов нации и государства (во всяком случае, к отказу от их полного отождествления). Это приводит к возможности, по словам Хабермаса, возникновения «напряженности между универсальными ценностями правового государства и теми партикулярными особенностями, при помощи которых нация отграничивает себя от внешнего мира» (Tassin 1994: 106). Однако гораздо более опасным представляется существующее в национальных государствах противоречие между конституционной формой их организации и использованием коммуналистского понимания нации, в силу которого получают автоматическое обоснование автономистские притязания национальных меньшинств, также желающих политического признания своей групповой идентичности. Единственным способом разрешения этого противоречия при сохранении прежней парадигмы становится принятие безусловной националистической политики, отрицающей универсальные демократические принципы во имя партикуляристских приоритетов.

Таким образом, можно утверждать, что в современной науке отсутствует единая, или пользующаяся всеобщей поддержкой теория нации: существует множество разнообразных дисциплинарных концепций (нация в социологии, политологии, антропологии, международном праве и т.п.), воплощающих помимо традиций школ и научных направлений еще и различные эпистемологические предпочтения и парадигмы. В современной литературе о нации и национализме исследуется роль государства (Л.Гринфилд, Э.Кедури, А.Смит, Э.Хобсбаум), средств массовой коммуникации, распространения письменности и всеобщего образования (Б.Андерсен, Э.Геллнер), аристократии и так называемой символической элиты (Э.Хобсбаум, Т. ван Дейк, У.Коннор) в становлении нации и национальных движений. В зависимости от используемых источников и эпистемологической позиции автора, а также, не в последнюю очередь, от его политических симпатий (в политологии, например, можно различать демократические, либералистские и консервативные трактовки нации) нации рассматриваются как реально существующие общности людей, воображаемые сообщества, теоретические абстракции и конструкты коллективного творчества. В зависимости от занятой позиции, содержание понятие определяется следующими формулами: нация = народ + государственность (варианты: культура + политическое самосознание; язык +

армия; этнос + экономика и др.). Многие исследователи национализма и наций склонны видеть в нации этнополитическую общность, этнический компонент которой, однако, не сводится к единственному этносу: в национальном государстве может доминировать одна этническая группа, но это не является нормой, или правилом — для современной этнополитической карты мира более характерны полиэтнические государства; отсюда — понятия типа «бразильская нация», или «швейцарская нация», разумеется, выражают, главным образом, не этнический, а гражданственный компонент понятия. При этом сам национализм, с нашей точки зрения, следует рассматривать в качестве одной из возможных (но отнюдь не единственной в истории) идеологий власти, оформившихся одновременно с современным государством в Европе Нового времени.

***

Теперь, когда мы располагаем, пусть самыми общими представлениями об эволюции понятий «этничность» («этнос») и «нация», можно перейти к более детальному рассмотрению эволюции представлений об этническом и национальном в отечественной науке и политической практике.

Национальная политика, национализм и этнографическая наука в России (исторический аспект)

Эволюция представлений о сути национального в российской науке и сознании политической элиты России лишь довольно условно может быть описана как самостоятельный и самодостаточный процесс, независимый от концептуальных сдвигов в мировой науке и глобальной эволюции политических систем.

В европейской политической традиции понятия «гражданства» и «национальности» стали восприниматься как взаимно связанные уже в XIV веке. Эта связь стала более прочной в эпоху Великой Французской революции. Национальность стали понимать как юридическую связь, соединяющую личность и политическое сообщество, конституирующееся как нация. Гражданство в таком случае рассматривалось в качестве подсистемы национальности, обозначающей определенное юридическое состояние принадлежности к суверенному народу и фиксирующей право участия в формировании и выражении коллективной воли. Эти определения подразумевают наличие национального государства как референтной формы политической организации (Tassin 1994: 98).

Хотя идея нации восходит еще к XII в., понятие «национальность» появляется (во Франции) лишь в начале XIX в. и используется в двух смыслах: «оно обозначает *группу* индивидов, имеющих общее проис-

хождение, историю и традиции; оно также обозначает *связь* между индивидом и государством» (Tassin 1994: 98). «В первом случае национальность осмысляется как органическая, природная общность, идентификация которой основана на комплексе преданий, так как определяется прошлым — происхождением и историей. Во втором случае, напротив, национальность есть признак не существующего сообщества, но сообщества принципиально возможного, не органически возникшей группы, а группы, складывающейся избирательно и конвенционально» (Tassin 1994: 98) — здесь уместна аналогия с греческими понятиями «полис» и «политейя».

Таким образом, национальный феномен может быть представлен как колебание между двумя полюсами — фактически существующего и юридического, органического и конвенционального, данного и избранного, и даже между двумя типами временной ориентации — одной, обращенной в прошлое и присваивающей его, другой, обращенной в будущее и формирующей его путем выборочной селекции настоящего.

Национальность в своем современном смысле синтезирует эти аспекты — идентичность национального сообщества и политическую связь с государством¹. Происходит процесс юридического оформления органически сложившегося сообщества, который может быть описан и как этатизация национальной общности, и как «национализация» государства.

Классическим примером такого процесса является Франция; где в эпоху Великой Французской революции «быть французом стало означать — быть гражданином Республики Франция» (Tassin 1994: 99). В то время этот процесс зашел так далеко, что в конце концов сложилось понимание нации как чисто политической формы организации, а не как общности происхождения, языка и культуры. Однако позже, с изданием наполеоновского Гражданского Кодекса, положение изменилось. Граждане стали рассматриваться как подмножество населения, идентифицирующего себя при помощи различных национальных кодов. Произошел переход от понимания национальности как способа реализации политического и гражданского бытия к идее, согласно которой политические и гражданские права принадлежат в полном объеме лишь членам национального сообщества. Национальная идентичность, становясь основой гражданства, уже не зависит от участия в политической жизни и определяется не политическими критериями, а теми же происхождением, языком, конфессиональной и культурной принадлежностью и т.д.

¹ Необходимо вспомнить данное Э.Геллнером определение национализма как принципа, согласно которому политические и национальные единицы должны совпадать — вплоть до единства и полного совпадения культурной и политической принадлежности (Геллнер 1991: 23).

Гражданство выполняет двойную разграничительную функцию: оно лежит в основе государства как принципа публичной власти, и оно же связано с признанием права индивида на участие в принятии политических решений. Поэтому вопрос о равенстве — несмотря на все трудности его определения и бесчисленные мистификации — всегда присутствует в контексте гражданства, даже если идея равенства причудливо сочетается с иерархическими и кастовыми принципами (например, различие «активных» и «пассивных» граждан). Идея гражданства, как показывает история, подвержена бесчисленным трансформациям. Каждый политический режим трактует понятие гражданства в соответствии со свойственным ему типом распределения власти, кроме того сама эта трактовка юридически описывает определенный тип человека, представленного как набор его прав и обязанностей, и фиксирует на индивидуальном уровне основные социальные связи, существующие в обществе.

Любые конфликты между социальными группами рано или поздно отражаются на понятии гражданства и приводят к его изменению. Гражданство, понимаемое в узком смысле как набор политических прав, и в широком смысле — как выражение присутствия в общественном пространстве, кодифицируется только для того, чтобы временно закрепить существующее в данный момент соотношение сил и интересов. Из этого может следовать как тенденция к сакрализации однажды данного определения (как это произошло с синонимичностью понятий «гражданство» и «национальность»), так и обратное стремление рассматривать гражданство как чистую «юридическую фикцию», лишь маскирующую отношения господства. В обоих случаях не учитывается текучесть и изменчивость этого понятия.

Таким образом, понятия «гражданство» и «национальность» оказываются очевидно неразделимыми. В современном мире гражданство неотделимо от национальной принадлежности (избранной или унаследованной). Национализм в его современных формах конституируется в контексте классовой борьбы и «социального вопроса», стремясь поставить под контроль и по возможности вообще заместить эти явления. Отрицание классовой и утверждение национальной идентичности при этом выступает как основа политической легитимности. В богатых европейских странах (Франции, Германии, Англии) признание всеобщего избирательного права было прямо связано с колониальным или континентальным империализмом. «Опасные классы» допускались к гражданству только при условии своего преобразования в составляющие части национального «тела» и превращения, таким образом, в опору империалистического господства. Возникновение «граждан второго сорта» — подданных в колониях, позволило предоставить права гражданства представителям «опасных классов». Тем самым, однако, гражданство подрывалось в своей сущности конфликтогенным различием «гражданина» и «подданного».

Колониальная экспансия совпала по времени (если отвлечься от причинно-следственных построений) не только с распространением всеобщего избирательного права, но и с развитием расизма и становлением «науки о чужих» — этнографии. Многие авторы связывают эти процессы с буржуазными революциями в Европе, становлением идеологии Просвещения и развитием индустриализма. Следует также отметить, что расистская идеология и практика связана с использованием телесности в качестве основы для выстраиваемой системы социальных различий. Этим объясняется действительно испытываемое расистами ощущение физического отращения к представителям другой расы. Утвердившиеся затем биологические трактовки расы и оформление особого ответвления физической антропологии — расовой антропологии — являются производными от этих фантазий на тему телесности.

В связи с этим некоторые исследователи (*Balibar* 1992: 86) выдвигают следующую гипотезу относительно природы «классового расизма». Исторически он предшествует типичным формам колониализма и антисемитизма, занимая место между теологическим антииудаизмом и аристократическими представлениями о «крови» и «породе», с одной стороны, и развитием научно-биологического расизма (точнее, соматического натурал-детерминизма, маскирующегося при помощи псевдобиологических концепций) — с другой. В начале XIX века идея расы все время связывается с тем, что будет названо пролетариатом (этот термин все время менял значение). То трудящихся описывают как особую расу, то указывают, что условия их жизни несут угрозу расового вырождения. Полицейская, медицинская, филантропическая литература (и просто литература реалистического направления) не устает перечислять такие особенности рабочего класса, как нищета, преступность, физическое и моральное уродство, телесная нечистота, сексуальная невоздержанность и т. д. В конечном счете рабочий класс идентифицируется как социальная «группа риска» — причем речь идет о моральных и антропологических, а не о социально-экономических категориях. Эти особенности проторасизма прослеживаются и в современных его формах, и можно предположить, что само пролетарское классовое сознание в какой-то мере впитало этот антирабочий расизм — в виде «пролетарской гордыни», придающей высший смысл «мужскому труду». Особенно показательно использование рабочими организациями в странах Запада и в государственной идеологии в СССР критерия «классового происхождения». Здесь стоит еще раз вспомнить о телесных аспектах индустриальной революции. Ряд авторов, вдохновляемых работами М.Фуко, уже предложил свой анализ политики многих государств XIX века, направленной на стандартизацию и подчинение единой дисциплине, идеалом которой стала мечта о «производстве» рабочих как расы тружеников (напрашиваются аналогии с нацизмом). Эти исследования проливают свет на стратегические функции

присутствующей в расистской картине мира «проблемы населения» (связанной с такими темами как рождаемость, недо- или перенаселение, метисация и т. п.). Не случайно любые расистские теоретические построения — биологические, исторические или культурологические — провозглашают своей целью сохранение и улучшение «популяции».

Индустриальная революция меняет статус человеческого тела, превращая его в придаток машины и подвергая тем самым беспрецедентному физическому и символическому насилию. Относительная нормализация ситуации приходит потом и в результате борьбы; поначалу же правилом является сверхэксплуатация, выражающаяся в дроблении процесса труда на отдельные операции, то есть в «расчленении» самого тела трудящегося. Используемое только для определенной операции, тело уничтожается, в то время как его отдельные «полезные» органы, наоборот, фетишизируются. Человеческое тело, мутируя и видоизменяясь, ставит под угрозу самое человеческую природу — то есть расу.

Но эта трансформация происходит тогда, когда идея о существовании природных различий между людьми уже не может найти исторического и юридического обоснования. Радикальный эгалитаризм Французской революции сделал всеобщее равенство политических прав главной ставкой в общественной борьбе на полтора века вперед. Противники «опасных классов» пытались доказать, что лишение этих классов политической дееспособности необходимо ввиду отсутствия у них определенных элементов человеческой природы. Когда же это оказалось невозможно, внутренняя политическая граница между гражданами и подданными стала выделять не рабочий класс, а этнических чужаков, в особенности иммигрантов, и все ярлыки врожденного уродства, в том числе телесного, были переклеены на них.

Утверждение всеобщего избирательного права и новая вспышка колониальной экспансии совпадают по времени не случайно. Это перемещение внутренней политической границы — одна из важнейших характеристик современного национализма. Оно позволяет понять, что последний включает в себя как отношение к государству, так и отношение к труду. Но недостаточно было бы представить национализм только как средство раскола трудящихся и размывания классового сознания. Его следует рассматривать как результат исторического процесса, в ходе которого господствующие слои столкнулись с альтернативой, не разрешимой политическими средствами: или открытое признание классовой борьбы, или признание наличия в обществе несоместимых этнических групп, то есть определение национальной идентичности путем дегуманизации инородцев.

Правовое (то есть либеральное) государство, устанавливающее свою гегемонию в массах, должно противопоставить классовым идентификационным детерминантам (связанным с идеологией клас-

совой борьбы и революции) нечто другое, также способное пробуждать любовь и ненависть. В этой роли может выступить идея «избранного народа» и все остальные атрибуты национализма (традиционные народные добродетели, раса и цивилизация, унаследованные от предков). В этом случае и пролетариат, ведущий классовую борьбу, тоже меняет свои детерминанты групповой принадлежности (выше уже говорилось о смысле понятия «классовое происхождение»). Таким образом, либеральное государство приходит к необходимости замещения изначально единой природы сограждан искусственно сконструированной «этничностью», которая уже сама создаст народ — а не наоборот. Для этого оказываются принципиально пригодными два признака, между которыми колеблется реальная практика: раса и национальный язык. При этом их отношения выглядят как взаимное отталкивание. Чем более национальный язык идеализируется как исключительная собственность уроженцев страны, чем больше он связан с государством какой-либо юридической нормой, тем менее вероятно возобладание расово-биологических представлений. Именно этим объясняется последовавший в XX веке во Франции крах биологизаторских расистских теорий. Они не превратились в массовую идеологию, однако продолжают бытовать среди определенных групп населения.

Некоторые аналоги этим процессам наблюдались и в России. В особенности это касается самосознания русских. Складывание «русскости» проходило на фоне интенсификации контактов с Западом, то есть началось не раньше периода петровских реформ.

Европа этого периода уже была Европой с национальной идеей, главными носителями которой были Англия, Франция и, позднее, Германия. В России легитимность власти по-прежнему основывалась на идее божественной власти монарха и связи между монархом и его подданными; государство мыслилось как владение государя. Однако уже к 1700 году в монарших указах появляется новое толкование государства, синонимом которого становится «народ». Вплоть до 1720-х годов это толкование используется почти исключительно в сфере внешней политики, а затем практически вытесняет прежнее, и выражения типа «служение отечеству», «интересы государства», «государственное благо» входят в общий оборот и становятся обыденными. Военные успехи империи становятся источником национальной гордости и в самосознании российских подданных ставят Россию вровень с европейскими державами. Позднее именно это чувство сыграет роль в становлении и оформлении идеи русского национализма. Практически все последовавшие за Петром монархи в своих манифестах о восхождении на престол уже подчеркивали «согласие народа», использовали понятия «благо отечества» и «единство государства».

Это переосмысление идеи государственности и монаршей власти еще более укрепилось в правление Екатерины II, которая полагала,

что управляет не столько территорией, сколько «российским народом» и не отделяла собственных интересов от интересов государства. Ей же принадлежат первые апелляции к православной вере как национальной черте, к славе русского оружия, славянской речи. Идеология служения Отчизне укоренялась в «служилом сословии» — среди дворян; для Сумарокова, например, дворянство и патриотизм были нераздельными понятиями, «дворяне» и «сыновья отчизны» в его текстах оказываются взаимозаменяемыми. Но точно так же, как отечество мыслилось лишь в противоположении чужбине, нарождающийся русский национализм выковывался в противопоставлениях Западу, который со времени петровских реформ уже не исчезал с мысленного горизонта российской элиты. Однако если дворяне петровской эпохи гордились величием России, вставшей вровень с другими европейскими государствами, то дворяне эпохи екатерининской уже имели меньше оснований для утверждений о равенстве с Западом и были принуждены искать и изобретать эти основания. Одним из таких оснований стал русский язык, разрабатываемый и возвеличиваемый Тредиаковским и Ломоносовым. Ломоносовская «Русская грамматика» 1755 года может читаться как манифест языкового национализма. Идентификация «российской нации» с национальным языком послужила барьером на пути распространения расовых теорий, питаемых национальными идентификациями с расой.

Реалии российской действительности, отсутствие в ней воплощения таких ценностей как равенство, свобода и достоинство личности, заставляли нарождающуюся российскую интеллигенцию и дворянство рассматривать Россию как страну, проигрывающую в сравнении с Западом. Осознание этого обстоятельства породило сложную реакцию в сфере национальной идеологии, где отрицание западных ценностей и утверждение российской самобытности переплелось с прозападными прогрессистскими устремлениями. Поскольку неразумность российской действительности наиболее очевидным образом не соответствовала возобладавшему в Европе эпохи Просвещения культу разума, главным объектом патриотической критики стал именно разум: «русская душа» выковывалась как антитеза «духу Просвещения»; такие ее черты как загадочность, непредсказуемость, безграничная широта возникли в оппозиции к европейским точности, расчету, определенности, закономерности. Эта сконструированная душа была затем объявлена «русским характером», а ее истоком стал считаться русский народ, поскольку именно он оказался ближе всего к почве и корням, не затронутым пороком рационалистической цивилизации. К началу XIX века русский национализм обрел свой завершенный облик: анти-рационалистическая славянская душа «вплотилась» в романтической трактовке народа, объединяемого «почвой» и «кровью». Русский патриархальный крестьянин, его характер стали восприниматься как чистые, архетипические черты русского характера, «русскости» вообще. Трансформации, которым затем подвергал

ся этот архетип, не отменили его универсальности. Это не означает, впрочем, что у маргинальных групп — русских сектантов, русских анклавов за пределами России — не возникало иных образов русскости, в которых исходный архетип подвергался значительным деформациям, однако и там его существование трудно отрицать.

Эта романтическая трактовка нации питала и в свою очередь подпитывалась становящейся и развивающейся российской этнографией. Как и в Европе, российская этнография получила свой импульс развития от колониальной экспансии, наиболее интенсивно происходившей в XVII-XVIII столетиях, и необходимостей государственного управления в чужеродных культурных средах. Наиболее отчетливо взаимозависимость колониализма и этнографии демонстрирует история завоевания и освоения Сибири и Дальнего Востока. Уже в ранних военных экспедициях составлялись карты с размещением племен. В первой половине XVIII века картографирование и типология стали занятием академическим: Г.Миллер по результатам Северной Экспедиции разработал языковую классификацию сибирских народов, а позднее И.Георги опубликовал четырехтомное описание всех народов Российского государства. Обращение к крестьянским патриархальным традициям породило отечественную фольклористику (Афанасьев, Даль и др.). У же примерно к этому времени в политической практике наметилась дифференциация между обычными подданными государства (мещанством) и инородным населением национальных окраин.

В последующее время акцент неоднократно переносился с политического на национальный аспект гражданства и обратно, понятия национальной и гражданской общности то разводились, то сближались. Можно привести параллели опять-таки из истории Франции: появления групп соотечественников без гражданства (деление граждан на активных и пассивных по конституции 1791 г., лишение в 1848 г. выходцев из колоний избирательных прав).

В отличие от западной правовой традиции, где основой политической легитимности являлась собственность (частная собственность вела к титулам и политическим привилегиям), в России и некоторых других государствах Восточной Европы институт частной собственности оказался развит слабее, и основу политического порядка чаще составляли наследственные права, божественный авторитет, или личная харизма. Политические права представительства и участия в решениях были, следовательно, также относительно слабо развиты.

Большевики наследовали огромную страну с чрезвычайно пестрым этническим составом (перепись 1897 г. зафиксировала 146 наименований этнических групп), этническая мозаика которой особенно усложнилась после присоединения к России в XVI веке Поволжья и затем освоения Сибири. В XVII веке в состав империи вошли Украина, Западная Сибирь и часть Кавказа, а в XVIII-XIX веках были завое-

ваны или присоединены мирным путем Восточная Сибирь и Дальний Восток, Кавказ, Средняя Азия.

Российская монархия проводила в отношении «инородцев» политику ассимиляции и колониальной эксплуатации (изъятия местных ресурсов для нужд центральной власти). Аборигенное население нередко изгонялось с занимаемых им земель. Для этой категории населения была учреждена особая система налогообложения. Спецификой России по сравнению с другими колониальными державами была неразделенность метрополии и колонизируемой периферии морскими пространствами. Кроме этого российская периферия отличалась крайним разнообразием по уровню модернизации населения и его политической консолидации. В Сибири и на Дальнем Востоке проживали главным образом малочисленные группы охотников и собирателей, но эта же территория стала местом образования ранних государств ряда тюркских и монгольских народов (сибирских татар, якутов, бурят). В Средней Азии и в Закавказье к моменту их присоединения к России существовала длительная традиция государственности и развитые цивилизации, культурная и политическая общность которых формировались на династических, религиозных или региональных основах (Тишков 1994).

В Российской империи широко применялся принцип косвенного управления: некоторые регионы и проживавшие в них культурные общности обладали разной степенью автономии и самоуправления (хорошие примеры дифференцированного подхода к национальной периферии в России — особый статус Финляндии и польских земель). Крепостное право и воинская повинность распространялись главным образом на русское население. Многие выходцы с этнической периферии инкорпорировались в общероссийскую социально-словную элиту. Местная знать, политические и религиозные лидеры сохраняли социальный контроль над своими соплеменниками и находились в особом альянсе с общероссийской властвующей элитой. Во второй половине XIX растут национальные движения в русле восточно-европейских социал-демократических движений, которые охватили народы в орбите трех крупных имперских образований: Австро-Венгерского, Османского и Российского (Gellner 1983; Hobsbawm 1990; Тишков 1994).

В отличие от своих политических противников, которые выступали под лозунгом «единой и неделимой России», большевики поддержали национальные движения среди нерусских народов. Уже в самом первом документе, принятом на 2-ом Всероссийском съезде советов 25 октября 1917 г., провозглашалось, что Советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение» (Ленин, т. 35: 11). 2 ноября 1917 г. была обнародована «Декларация прав народов России», которая включала следующие положения: а) равенство и суверенность народов России; б) право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения

и образования самостоятельных государств; в) отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; г) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России. Сразу же после нее было опубликовано обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», обещавшее мусульманским народам уважение их религии и прав и призывавшее поддержать социалистическую революцию (Декреты... 1957: 40). Иными словами, большевики попытались совместить принципы национального и территориального федерализма, что и явилось впоследствии коренным противоречием советского федерализма, неразрешенным и поныне.

Органическое, натуралистическое понимание этнической реальности, овеществление этнических групп и наций, вообще характерное для романтических и неоромантических построений, сыграло свою роль в национальной политике и этнографии. Весьма вероятно, что свою роль в реификации этнической реальности сыграла позитивистская и структуралистская в своей основе марксистская идеология, навязывавшая «телесность» всем своим конструктам — классу, обществу, и, по аналогии с ними — этносу. Доминировавший в отечественной этнографии марксистский подход приводил к преобладанию эволюционных трактовок социальной реальности, с их фокусированностью на изучении происхождения и формы (вечного и меняющегося в изучаемых «вещах» и «организмах»), то есть, применительно к этнографии — сосредоточению на этногенезе, этнической истории, этнической демографии и картографии, истории материальной культуры и т.п. Во всех этих направлениях господствовала примордиалистская трактовка этничности. Цитированные выше определения из работ Ю.В.Бромлея и Л.Н.Гумилева подтверждают этот вывод.

Этот реифицирующий социальную реальность марксистский по своему происхождению дискурс до сих пор преобладает в мышлении большинства национальных политических элит постсоветского пространства и определяет национальную политику новых государств. Каждая нация самоопределяется как «священное наследие предков», как ассимилирующая и цивилизующая господствующая структура, принадлежность к которой приносит законное право распоряжения этим наследием (землей, национальной культурой и т.д.). Но каждая нация вынуждена считаться с наличием на «своей» территории массы «иноязычных», которые одновременно должны быть защищены, но реально подвергаются дискриминации; культура которых часто находится под опекой государства, но при этом преследуются цели воспитания в духе национально-государственных традиций метрополии.

Противоречия между двумя группами населения («природными» гражданами и гражданами-иммигрантами (или гражданами «нетитульной национальности»), сохраняются и даже углубляются после обретения независимости). Нерешенность этой проблемы мешает установлению нормальных социальных связей между людьми физического и

умственного труда, между городскими центрами и геттообразными пригородами, между трудящимися, относительно социально защищенными, и теми, кто становится первой жертвой кризиса, и т.д.

Все эти схематично намеченные элементы общей картины позволяют сделать вывод, что юридическое понимание гражданства неотделимо не только от относительно замкнутого конституционного пространства (территории, суверенитета), но и от его все время меняющихся внутренних концептуальных границ. Дихотомии публичного и частного, мужских и женских социальных ролей, борющихся класов, «национального» и «чужого» как критерии гражданственности теоретически не имеют между собой ничего общего и, с точки зрения абстрактного мышления, их влияния на общественную жизнь не зависят друг от друга. Но в реальной жизни, проявляясь в одной и той же человеческой среде, они вынужденным образом взаимодействуют (Balibar 1992: 105).

Характер взаимодействия национальности и гражданства всегда зависел от того смысла, который вкладывается в понятие «нация». Суть отношений между этими понятиями состоит в том, что, с одной стороны, ставится вопрос об индивидуальной и коллективной самоидентификации, реализующейся через посредство нации как формы взаимного этнического, культурного и профессионального признания, а с другой стороны, тот же вопрос, рассматриваемый в политической плоскости, тематизирует гражданскую, а не национальную принадлежность. Вместо вопроса «Кто мы?» звучит вопрос «Что мы делаем?». «Политическая проблема в чистом виде состоит не в идентификации сообщества, а в его социальной активности» (Tassin 1994: 107). Редукция политических проблем к проблемам идентичности, выражающаяся в увязке возможностей проявления гражданской активности с национальной принадлежностью, есть верный признак подчинения гражданского духа национальному. Но возможно ли в таком случае основать конституционный патриотизм на постнациональной гражданской идентичности, базирующейся, в свою очередь, на универсалистской аксиологии?

Представляется, что в таком случае само слово «идентичность» теряет смысл, поскольку речь идет о ситуации свободного выбора, определяемого индивидуальными эмоциями и — в еще большей степени — интересами. Следует напомнить проведенное еще Монтескье различие между природой политического строя и его принципом (природа — это то, что определяет характер строя, принцип — его движущая сила), и на этой основе жестко разграничить проблемы принадлежности и политического действия. Национальная принадлежность является фактом, но это не означает, что она должна определять характер гражданской активности, поскольку эти факторы суть два разных модуса общественного существования. «Гражданство есть образ действия, но не бытия» (Tassin 1994: 109). Причем гражданство в постнациональном мире обладает безусловным

приматом над национальностью и определяет ее: «кто мы такие, зависит лишь от наших действий, от того, что мы делаем, и от условий, в которых мы можем это делать» (Tassin 1994: 109). Но при этом следует четко осознавать, что никогда гражданская активность в пространстве политики не сформирует некоей суперидентичности нового типа, которая пришла бы на смену национальной принадлежности, а на деле — воспроизвела бы ее на другом уровне, опять подчинив себе гражданские ценности.

Литература

- Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
- Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.
- Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
- Декреты Советской власти. Т.1. М., 1957.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.35.
- Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект)//Этничность и власть. М., 1994.
- Широкогоров С. Этнос. Исследование основных принципов этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923
- Balibar E. Les Frontieres de la Democratie. Paris, 1992.
- Barth F. Introduction//Ethnic Groups and Boundaries. Boston, 1969.
- Brown D. Ethnic Revival: Perspectives on State and Society//Third World Quarterly. V.11. 1989.
- Cohen R. Ethnicity: Problem and Focus in Anthropology//Annual Review of Anthropology. V.7. 1978.
- Despres L.A. Toward a Theory of Ethnic Phenomena//Ethnicity and Resource Competition in Plural Societies. Hague, 1975.
- Geertz C. The Interpretation of Cultures. NY., 1973.
- Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca, 1983.
- Glazer N., Moynihan D. (Eds.) Ethnicity, Theory and Experience. Cambridge, 1975.
- Hobsbawm E. Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1990.
- Hayes C.B. The historical evolution of modern nationalism. NY., 1931.
- Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkley, 1985.
- Kohn H. The idea of nationalism. A study of its origin and background. NY., 1944.
- Luhman N. Tautologie und Paradoxie in der Selbstbeschreibungen der modernen Gesellschaft//Zeitschrift fuer Soziologie. Hft.1. 1981.
- Marcus G., Fisher M. Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences. Chicago, 1986.

- Narroll R. Ethnic unit classification//Current Anthropology. V.4. N5. 1964.
- Okamura J.Y. Situational Ethnicity//Ethnic and Racial Studies. V.4. N4. 1981
- Shils E. Primordial, Personal, Sacred, and Civil Ties//British Journal of Sociology. V.8. 1957.
- Shils E. Color, the Universal Intellectual Community, and the Afro-Asian intellectual//Color and Race. Boston, 1968.
- Smith M.G. Pluralism in Precolonial African Society//Pluralism in Africa. Berkeley and Los Angeles, 1969.
- Smith A.D. The ethnic origins of nations. Oxford, 1987.
- Tassin E. Identites nationales et citoyennete politique//Esprit. N1. 1994.
- Tishkov V. The Crisis in the Soviet Ethnography//Current Anthropology. V.33. N4. 1992.
- Thompson R.H. Theories of Ethnicity. NY., 1989.
- Van den Berghe P.L. The Ethnic Phenomenon. NY., 1981.

С.В. Соколовский

Самоопределение и проблема меньшинства

(международно-правовые аспекты)¹

В современных дискуссиях о правах меньшинств сравнительно редко различаются понятийно-терминологические и онтологические измерения этой проблемы, структуры и способы мышления и говорения о меньшинствах отождествляются со структурами социальной реальности. Сплошь и рядом дискурсивные практики символических элит, оформившиеся в идеологии, «овеществляются», и тогда нации как «воображаемые сообщества» (Б.Андерсон) воспринимаются как реальные группы и получают институциональное отражение в виде «национальной политики», «национального суверенитета» и «национального самоопределения». Впрочем, в рамках различных профессиональных языков проблема соотношения понятийного и бытийственного аспектов решается весьма по-разному, а смешение различных дисциплинарных подходов при выстраивании проблемно-ориентированного знания часто лишь умножает трудности анализа. Так происходит при попытках синтеза социологического, политологического, этнологического и теоретико-правового знания в контексте проблемы прав меньшинств. Можно было бы указать еще и на неоднородность внутридисциплинарного знания, его размежевание на ряды противоборствующих концепций, теорий, парадигм, однако сказанного уже достаточно для осознания чрезвычайной сложности обсуждаемой проблемы, заставившей некоторых специалистов вообще усомниться в пригодности понятия «меньшинство» для научного анализа (*Smith 1987*).

Все эти обстоятельства принуждают меня сузить спектр рассматриваемых вопросов и по возможности ограничиться языком одной дисциплины международного права. То обстоятельство, что международные нормы, регулирующие положение меньшинств, должны содержать терминологическую преамбулу с определением бенефициантов (в противном случае их практическое применение сталкивается с серьезными проблемами), заставляет уделить особое внимание определению понятия «меньшинство». Второй темой предлагаемого ана-

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта, поддерживаемого Центральным Европейским Университетом (грант CEU N 595/94).

лиза является весьма острый и спорный вопрос о том, может ли самоопределение относиться к числу коллективных прав меньшинств. Несмотря на то, что в большинстве международных документов это право не включается в корпус прав меньшинств, либо в явной форме отрицается, целый ряд обстоятельств, характеристика которых содержится в соответствующем разделе статьи, делает сопряжение понятий «самоопределение» и «меньшинство» не только возможным, но и насущным. Поскольку при обсуждении этой темы невозможно обойти еще одно, не менее важное и противоречивое, чем два уже упомянутых понятия, — «суверенитет», оно также вошло в предмет рассмотрения.

Меньшинство: проблема определения

Выработке единого общепринятого (даже если иметь в виду только язык международного права) определения понятия препятствует несколько обстоятельств. В числе главных из них специалистами называются разнообразие реальных групп, к которым прилагается данный термин, разнообразие контекстов, в которые оказываются включенными эти группы, наконец, разнообразие позиций заинтересованных сторон (правительств, политиков, ученых, представителей групп, определяемых как «меньшинства» и т.д.).

Первая пара «разнообразий» традиционно преодолевается с помощью типологизации соответствующих групп и социальных контекстов. Разумеется, что типологизации предшествует своего рода предпонимание, позволяющее вычленять типологизируемые объекты. В случае типологизации социальных контекстов требуются достаточно развернутые теоретические представления относительно социальной структуры, закономерностей социальных изменений, сущности социальных групп и т.п., то есть общая социологическая теория. При рассмотрении позиций заинтересованных сторон так же прибегают к типологизации, однако более значимым здесь остается практический аспект: достижение консенсуса между этими сторонами и построение на его основе эффективного закона, обеспечивающего соблюдение прав меньшинств.

Типология меньшинств

Существует несколько попыток типологизации меньшинств исходя из ситуаций, в которых они находятся, однако разные исследователи используют различные принципы для таких типологизаций: за основу берутся исторические особенности образования групп меньшинств (Sohn 1980; Heckmann 1983; Eide 1992), концептуальные различия между «корпоративными» и «коммунальными» объектами и субъек-

тами международного права, то есть обсуждение соотношений понятий «государство», «международная организация», «народ», «нация», «коренной народ», «меньшинство» и др. (Alfredsson 1990; Hatfield-Lyon 1991; Barsh 1987), либо географические особенности существования меньшинств на разных континентах, вместе с историческими закономерностями их возникновения (Eide 1991). Существуют и типологии ситуаций, выстроенные на основе способа включения меньшинства в население страны (Smith 1987), либо на основе политических ориентаций большинства и меньшинства (Schermehorn 1970; Heckmann 1983; Van Amersfoort 1978).

Так специалист по правам человека Л.Б.Зон (Гарвардский университет), описывая трудности определения понятия «меньшинство», в качестве одной из них называет разнообразие обстоятельств, приведших к появлению меньшинств в различных государствах, выделяя в особые типы группы, состоящие из:

«- коренных жителей территории, захваченной другой нацией (race);

- членов какой-либо нации (nation), полностью поглощенной другим государством;

- жителей территории, перешедшей от одной страны к другой;

- группы, сохранившей свою идентичность, хотя и рассеянной событиями истории по многим странам;

- компактной группы обосновавшихся на постоянное жительство иммигрантов, которые стремятся сохранить традиции той страны, из которой они прибыли;

- различных компонентов многонационального, многорасового и поликонфессионального, или плюралистического (в отношении культуры - С.В.) государства» (Sohn 1981: 271).

А.Эйде, директор Норвежского Института по правам человека, назначенный Подкомиссией по защите меньшинств Специальным Докладчиком по вопросу о правах меньшинств в своем докладе особый раздел посвятил проблеме классификации меньшинств (Eide 1992: para. 55-72). В нем он отметил, что многие проблемы определения меньшинств связаны с политикой, избираемой группами меньшинств и большинства, а также с политикой правительств. Поскольку главной трудностью, с которой столкнулась Подкомиссия в своих попытках выработать определение меньшинства, оказалась позиция правительств, не желающих, чтобы в объем понятия были включены определенные категории меньшинств, Специальный Докладчик сосредоточился на проблеме рассмотрения этих категорий. С его точки зрения, уже такой элемент определения меньшинства, как меньшая по сравнению с населением государства численность, требует оговорки. Во-первых, существуют ситуации, когда большинство оказывается столь рассеянным и маргинализированным, что оно не в состоянии защитить свои права посредством нормальных демократических процедур даже там, где они реально существуют. Такие группы нужда-

ются в защите до тех пор, пока они благодаря своей численности не получают возможность существенно влиять на демократический процесс принятия решений в обществе. Во-вторых, некоторые группы могут являться меньшинством в населении страны, но составлять большинство в определенных ее частях, где они иногда проводят дискриминационную и репрессивную политику. Эта проблема становится особенно серьезной в регионах, имеющих определенную степень автономии внутри данного государства (Eide 1992: para. 58).

В своем дальнейшем анализе Специальный Докладчик различает группы обосновавшихся на постоянное жительство (*settled groups*) и недавних иммигрантов (*recent immigrants*); компактно и дисперсно проживающие группы меньшинств, наконец, группы, отличающиеся в определенном отношении от остального населения, а именно в отношениях религии, языка, этнической или культурной идентичности (Eide 1992: para. 58, 70-72). Его комментарии, связанные с этой типологией, будут рассмотрены ниже.

Ф.Хекманн, исследователь из Гамбургского Института экономики и политики предложил следующую типологию: национальные меньшинства, региональные меньшинства, иммигрантские меньшинства (фермерские и рабочие), малочисленные народы (*minority peoples*), новые национальные меньшинства, возникшие в «молодых» нациях-государствах (Heckmann 1983: 21).

По мнению Хекманна, к возникновению меньшинств различных типов привели особые исторические процессы и ситуации. С его точки зрения, типология меньшинств должна выстраиваться в контексте трех широкомасштабных исторических процессов:

а) основания современных наций-государств (национальные и региональные меньшинства);

б) больших потоков внутренней и международной миграции, порожденных разрушением феодально-аграрного способа производства и присущей ему социальной структуры (иммигрантские меньшинства);

с) окончания колониальной эпохи и последующего основания молодых наций-государств (малочисленные народы, новые национальные меньшинства) (Heckmann 1983: 11).

Под национальными меньшинствами этот автор (как и большинство юристов-международников) понимает «гетерогенные (в отношении социальной структуры - С.В.) группы, проживающие на территории иного по отношению к их национальной идентичности, культуре и истории государства в результате возникновения буржуазной нации-государства, <...> изменений государственных границ, либо конфликтов между нациями-государствами. В качестве граждан они лишены определенных гражданских прав, <...> и часто подвергаются сильному ассимиляционному давлению. Их политической целью является присоединение к тому государству, которому они принадлежат в терминах их культурной идентичности и которое поддерживает их экономические интересы» (Heckmann 1983: 12).

Для международно-правовой практики существенной характеристикой меньшинств этого типа является наличие государства, с доминирующей группой которого они себя идентифицируют и которое может защищать их интересы на международной арене. Большинство групп меньшинств, защищаемых договорами Лиги Наций, относились именно к данному типу. Особенностью определения Хекманна является сформулированная и включенная в определение цель национальных меньшинств. Похоже, что автор ограничивает данное понятие ситуацией так называемых ирредентистских групп, т.е. групп, разделенных государственной границей. Многие специалисты по международному праву склонны использовать данное понятие в более широком смысле, включая в него не только трансграничные сообщества, но и группы населения наций-государств, оказавшиеся в силу исторических условий гражданами иных, не обязательно граничащих со страной происхождения государств. В качестве примеров можно назвать немцев в России, корейцев в Казахстане и т.д. При этом немаловажную роль начинает играть исторически доминирующий тип восприятия географического пространства: в странах, воспринимающихся как «близкие», включаемые в один политический регион, за такими группами закрепляется термин «национальные меньшинства»; в «далеких» странах других регионов (при всех логических странностях и несообразностях восприятия межрегиональных границ, отмеченных, например У.Коннором) они чаще именуются «иммигрантскими меньшинствами». Эйде приводит в качестве иллюстрации этого положения венгров в Румынии и США (Eide 1992: para. 15).

Региональные меньшинства также возникают в результате образования наций-государств, инкорпорирующих в новую социальную и политическую структуру относительно независимые политические, культурные и территориальные сообщества, сохраняющие свои отличия от большинства населения сложившегося государства. Хекманн определяет эти сообщества как «экономически ущемляемые и культурно депривированные (группы - С.В.) населения определенных регионов с гетерогенным социальным составом, ориентирующиеся на политические и культурные традиции, предшествовавшие (возникновению - С.В.) нации-государства (и стремящиеся - С.В.) к восстановлению политической и культурной идентичности и экономическим улучшениям. Эти цели приводят к требованию политической и культурной автономии в рамках нации-государства (Heckmann 1983: 14).

Многие юристы-международники, представляющие интересы правительств собственных государств в международных организациях, предлагают исключить из объема понятия «меньшинство» иммигрантские меньшинства. Высказываются различные мнения относительно групп меньшинств, имеющих и не имеющих гражданство страны проживания (Eide 1992: para. 52). Кроме того, релевантным оказывается различие между группами «недавних иммигрантов» и «прочно обос-

новавшихся переселенцев». Распространенной точкой зрения является исключение из круга возможных бенефициантов новой Декларации о меньшинствах недавних иммигрантов и групп без гражданства, поскольку на них может распространяться действие других защитных инструментов, регулирующих положение лиц без гражданства, апатридов, беженцев, рабочих-мигрантов и т.п.² Тем не менее, назначенный Подкомиссией Специальный Докладчик считал возможным включить эти группы в свое исследование на том основании, что они как и прочие группы меньшинств нуждаются в охране их прав и свобод в отношениях религии, языка и культурной идентичности (Eide 1992: para. 65). Независимо от решения о включении, либо исключении данных групп из числа бенефициантов, необходимо достаточно строгое определение таких сообществ, без которого становится невозможной квалификация множества «пограничных случаев».

Вероятно, что здесь может оказаться полезным разграничение юридических норм, регулирующих права категорий населения (права детей, женщин, апатридов, жертв пыток и геноцида и т.д.) и права групп как реальных сообществ. В такой сфере международного права, как права человека, отмечается значительное преобладание законов, охраняющих права категорий (что является отражением господствующего здесь методологического индивидуализма либерально-демократической доктрины); законов, обеспечивающих права групп, крайне мало. Существенно, что иммигранты, характеризующиеся общностью религии, языка и культуры, страны выхода и т.п. могут оказаться как реальными группами, так и классификационными категориями, не объединенными ничем, кроме сходства характеристик. Это привносит в оценку их ситуации еще один момент — различие компактно и дисперсно проживающих меньшинств (в то время как первые фактически всегда представляют собой группы, проблемы которых могут решаться, например, с помощью местного самоуправления, вторые могут не иметь общих интересов и удовлетворяться универсальными правами человека, но могут и иметь потребности в сферах защиты языка и культуры, что ведет к образованию групп, добывающихся государственной поддержки их культурных программ).

Исследователи отмечают различие ситуаций у индустриальных (рабочие) и аграрных (фермеры) меньшинств, разделяя последних на «интегрированных в культуру принимающего сообщества» и «изолирующихся», стремящихся к сохранению исходных социокультурных систем (многочисленные этноконфессиональные общности в США и Канаде — меннониты, духоборы, амиши и т.п.) (Heckmann 1983). В отличие от предыдущих типов меньшинств этот тип характеризуется

² В частности, статья 31 Международной Конвенции о защите прав всех рабочих-мигрантов и членов их семей, требует от государств обеспечения уважительного отношения к культурной идентичности этих рабочих.

социальной однородностью. Поскольку в ряде случаев индустриальные иммигрантские меньшинства ориентированы на полную интеграцию в общество страны проживания, они редко выдвигают требования относительно специфических прав. В целом ряде случаев аграрные иммигрантские меньшинства также не нуждаются в особых защитных мерах со стороны государства, поскольку представляют собой преуспевающие колонии, то есть их положение не может быть квалифицировано как положение уязвимых групп, а их собственные ресурсы оказываются достаточными для поддержки социальных программ в сферах образования и религии.

Список типов меньшинств в рамках регионально-исторического подхода завершается выделением двух пограничных типов, характерных для стран третьего мира и контекста деколонизации — так называемых «новых национальных меньшинств» и малочисленных, или коренных народов (*minority peoples*). Эти типы меньшинств являются пограничными в том смысле, что они занимают место между понятиями «меньшинство» и «народ». В современном международном праве ситуации с правами меньшинств и коренных народов рассматриваются раздельно; в Подкомиссии по защите меньшинств существуют отдельные рабочие группы, подготавливающие проекты Деклараций для каждого из этих типов раздельно.

В реальности грань между малочисленными народами и меньшинствами оказывается размытой. Ситуация осложняется и тем, что в действующих международных нормах нет определений терминов «народ» и «меньшинство», несмотря на их широкое использование. Обязанность определения «народов» — субъектов самоопределения и деколонизации была возложена с 1960 г. на специальный Комитет по Деколонизации, однако, по мнению специалистов, вычленение из его практики устойчивых критериев оказывается невозможным (*Barsh 1987: 7*). Большинство используемых определений констатируют наличие объективных (культурно-исторических, языковых) и субъективных (желание быть вместе, прокламируемая принадлежность) связей, что не позволяет разграничить это понятие с понятием «этническая группа». Между тем, право на самоопределение признается лишь за «народами»; «этнические группы» в соответствии с международно-правовыми нормами могут претендовать лишь на права меньшинств. Не удивительно, что при исходной нечеткости понятия, соответствующего субъекту права на самоопределение, практика применения этого права остается противоречивой.

Существуют, однако, общепринятые подходы к определению понятия, оказывающегося тесно связанным с понятием «народ». Речь идет о понятии «несамоуправляемая территория». Логика их связи выглядит следующим образом: «несамоуправляемость» определяется как экономическое и политическое подчинение, административно-государственное управление «извне» территорией, отличающейся в культурном и географическом отношениях от государства, ею управ-

ляющего (UNGA Res... 1960) Поскольку здесь имеется в виду контекст деколонизации и самоопределения, население такой территории совпадает с объемом понятия «народ». Однако такая реконструкция объема понятия ограничивает его употребимость ситуацией деколонизации, причем подразумеваемая «географическая отдельность» (так называемый «принцип соленой воды») еще более сужает его, так как исключает все случаи внутреннего, или «домашнего» колониализма. С другой стороны, в известной Конвенции МОТ, использующей понятия «коренной народ», «народ, ведущий племенной образ жизни», специально оговаривается (Конвенция МОТ 1989: ст. 1, п.3), что используемый здесь термин «народ» не подразумевает права на самоопределение. Организации коренных народов и их международные форумы отрицают такое ограничительное использование и вводят в свои документы статьи, оговаривающие право на самоопределение. Так, например, представители коренных народов из 14 стран, подписавших Дарвиновскую Декларацию (Австралия, Дарвин, май 1989), заявили: «Как коренные народы мы считаем, что имеем естественное и неотъемлемое право на самоопределение в том, что касается контроля над нашими территориями, создания наших правительств и сохранения нашей традиционной культуры и религии» (UN Document... 1989: 38).

Попытки определения понятия «народ» через понятие «субъект самоопределения» вообще не могут рассматриваться как продуктивные, поскольку, как мы увидим ниже, на самоопределение вполне законным образом могут претендовать и многие типы меньшинств. Что касается малочисленных народов и «новых национальных меньшинств», то в рамках традиционного подхода оба типа могут претендовать лишь на права меньшинств, но не на права народов, главным различием между которыми остается право на самоопределение, отделение и образование собственного государства. Эксперты признают, что различия между коренными (малочисленными) народами и «колонизованными народами» сводятся к демографическим, а сама терминология скрывает политическое стремление доминирующих групп сохранить территориальную целостность государств. Столкновение идеологий либерализма (главная ценность — свобода), демократизма (политическое равенство), социализма (социальная справедливость) и консерватизма (мир и стабильность) здесь становится особенно острым.

Региональную специфику в подходах к определению меньшинств вносит позиция многих африканских и азиатских государств, правительства которых испытывают обоснованные трудности при классификации групп населения на «коренные» и «некоренные». Многие государства-члены ОАЕ вообще считают проблему меньшинств европейской, не имеющей отношения к Африке. С другой стороны, они же склонны признавать наличие маргинализированных в экономическом отношении групп, которые оказываются либо совсем исключен-

ными из национальной экономики, либо включенными на дискриминирующей основе (Barsh 1987: 8). Весьма часто такими группами оказываются племенные народы (в русском тексте Конвенции № 169 МОТ — «народы, ведущие племенной образ жизни»).

Типология ситуаций

Ассимиляция, аккультурация и виктимизация.

В последнем случае, иллюстрирующим позицию правительств по отношению к различным типам меньшинств, очевидной становится власть государства в такой особой сфере как классификация граждан и наделение различных их категорий разными правами. Ей противостоит борьба за власть номинации групп меньшинств, стремящихся отстоять свое право не только на физическое, но и на официально признанное (отражаемое в отдельном и определенном наименовании) существование и классификационное самоопределение. Эти две позиции не исчерпывают спектра взаимоотношений между доминирующими и подчиненными сообществами.

Исследования контактов и взаимодействия культур породили целую серию концепций и теорий, часть которых стала достоянием истории, поскольку основывалась на посылах, квалифицируемых сегодня как расистские, патерналистские, европоцентристские, либо «прогрессистские». Несмотря на исключение этих концепций из современного спектра возможных интерпретаций, часть их понятийного аппарата и логических конструкций были включены в современные теории, и, таким образом, их рассмотрение оказывается полезным при оценке современных и ныне широко используемых объяснений культурных процессов и взаимодействий.

Одной из первых концепций, в рамках которой было разработано значительное число понятий, использовавшихся для описания и анализа процессов межкультурного взаимодействия, была концепция ассимиляции. Сам термин в начале века был заимствован из биологии и означал буквально поглощение одной группой другой группы. Причины такого «поглощения» нередко объяснялись изначальным неравенством культур, разной степенью их жизнеспособности, и лишь позднее, в связи с изучением следствий культурного контакта в иммигрантских сообществах направление ассимиляционного процесса стало рассматриваться как результат различий в объемах ресурсов у взаимодействующих групп, неравного социального положения этих групп и т.п.

В современных социологических исследованиях разрабатываются представления, в соответствии с которыми неравное социальное положение группы зависит от способа включения этой группы в социальную среду. При этом различают следующие модусы:

- универсалистская инкорпорация — непосредственное, прямое и равноправное включение индивидов в общество, соответствующее формальному равенству в публичной сфере, т.е. в юридических, политических, экономических, образовательных и др. общественных институтах, независимо от расовых, культурных, языковых и конфессиональных различий;

- дифференциальная инкорпорация — непосредственное включение индивидов в общество, однако на неравноправной основе, в качестве высших и низших, что могло быть обусловлено традицией либо законом и отражалось во всех сферах интереса (политике, экономике и т.п.) доминирующей группы. Следствием дифференциальной инкорпорации является возникновение подчиненной, недоминирующей общности, которая, хотя и может превосходить по численности доминирующие группы, но формально является меньшинством из-за специфических условий неравноправного включения; эта общность, в свою очередь, может разделяться по критериям языка, религии или происхождения;

- эквивалентная, или сегментированная инкорпорация — в общество на равных условиях включаются группы (коллективности), обладающие равным статусом независимо от их относительного размера, ресурсов и др. существенных различий. При таком модусе инкорпорации индивиды становятся членами общества посредством их первичного членства в группах, то есть включаются в него опосредованно. При этом первичные группы могут включать индивидов как на основе универсалистской инкорпорации, так и дифференциально, иметь или не иметь различий в языке, культуре, религии и т.п. (Smith 1987: 352).

В политологической традиции и у социальных антропологов, исследующих постаршие системы в традиционных обществах, можно встретить понимание ассимиляции как определенной социальной политики. Так, в «Антропологической энциклопедии» в статье «Ассимиляция» сообщается: «Прежде всего ассимиляция представляет собой особый вид социальной политики. Он включает те способы, с помощью которых принимающее общество (host community) может решить обращаться с индивидами или группами, которые отличаются в культурном, языковом или социальном отношении. Ассимиляционистская политика может быть избрана в тех случаях, когда иностранные индивиды или группы иммигрируют в страну или иным образом оказываются включенными в социально-территориальные границы принимающего общества. Но существуют и иные способы политического действия в отношении чужестранцев: они могут быть изгнаны, поселены в отдельных культурных анклавах, подвергнуты насильственной аккультурации...» (Encyclopedia... 1976: 46).

Исследователи различают три типа политических установок доминирующего общества: ориентацию на 1) эмансипацию, 2) поддержку и 3) элиминацию, или уничтожение. Подчиненные группы и сообще-

ства по-разному реагируют на эти установки в зависимости от модуля расселения. При дисперсном расселении и универсалистских ориентациях группы меньшинства представители этой группы включаются в эмансипационный процесс (при ориентации большинства на эмансипацию), в борьбу за эмансипацию (при ориентации большинства на поддержку и сохранение), либо подвергаются насильственной ассимиляции. В тех же условиях расселения, но при установке меньшинства на сохранение своих особенностей (партикуляризм) при соответствующих ориентациях доминирующего общества возникают либо сектантские формы (эмансипация), либо резервации (поддержка, и сохранение, и элиминация). В случае компактного расселения и при универсалистской ориентации меньшинства возникает формы федерального устройства (эмансипация), борьба за региональную автономию (при поддержке и сохранении или установке на элиминацию). А при партикуляризме у представителей меньшинства в первом случае возникает движение за отделение, во втором — гражданская война, имеющая целью отделение, а в третьем — война с той же целью, но имеющая в числе возможных исходов не только отделение, но полное уничтожение этой группы либо ее ассимиляцию (*Van Amersfoort* 1978: 231).

Существует также ряд подходов, объясняющих динамику и результаты межкультурных и межэтнических контактов с позиции анализа властных отношений и экономического анализа. Одной из популярных объяснительных моделей является выдвинутая в середине 1970-х годов М.Хечтером теория внутреннего, или «домашнего» колониализма. Анализ внутригосударственного распределения ресурсов между отдельными регионами позволил этому исследователю сравнить положение некоторых периферийных регионов с положением колоний по отношению к метрополии. Примером использования этой модели может служить анализ распределения ресурсов в Арктике, проведенный канадским политологом Ф.Гриффином, который пришел к заключению, что политические структуры и тип местной экономики тяготеют к известному типу стран третьего мира и разделяют такие его черты, как экстенсивные формы хозяйствования, экспорт сырья в метрополию, сверхэксплуатация местного населения (*Griffith* 1983). Можно отметить сходство этой модели с идеями Э.Шилза, анализировавшего систему социальных неравенств в терминах «центр-периферия», а при введении в модель этнических характеристик (в тех случаях, когда периферия оказывается иноэтнической) возникают «частные» модели разделенного, или сегментированного, рынка труда. Во всех перечисленных моделях уязвимое положение группы, приводящее в критических случаях к ее распаду (люмпенизации, смене ценностей на ценности доминирующей группы, утрате родного языка и традиционной культуры и др.), объясняется отвлечением ресурсов группы в пользу другой общности, т.е. эксплуатацией группы.

Сходным образом деструктивные последствия межкультурных и межэтнических контактов объясняются и в модели виктимизации. Модель эта возникла в рамках такой пограничной дисциплины, как виктимология, базирующейся на методах криминологии, социологии и социальной психологии в исследованиях жертв преступлений, несчастных случаев и т.п. В 1980-е годы в виктимологии были предприняты попытки ответить на вопрос, почему представители меньшинств и других недоминирующих групп населения чаще становятся жертвами насилия. Исследования этой проблемы позволили уточнить понятие «уязвимая группа» и разработать модель виктимизационного процесса, порождаемого социоструктурной депривацией группы. Понятие социоструктурной депривации, с нашей точки зрения, представляет особую ценность для исследований стабильности локальных субкультур, поскольку его авторы предложили операциональное определение этого понятия, позволяющее измерять степень и интенсивность виктимизационного процесса. Для диагностики этого процесса в ходе исследований групп коренного населения США и Канады был установлен перечень параметров, позволяющий с высокой степенью надежности определять наличие социоструктурной депривации. Этот комплекс индикаторов (виктимизационный комплекс) содержит ряд измеримых показателей, практически каждый из которых должен трактоваться относительно (т.е. с учетом уровней тех же показателей у доминирующих групп, соседних групп в регионе и т.п.). В комплекс вошли следующие индикаторы:

- 1) высокий уровень детской смертности;
- 2) высокая смертность взрослых от несчастных случаев и отравлений (включая суицид и насильственные смерти);
- 3) распространенность респираторных инфекционных заболеваний;
- 4) алкоголизм;
- 5) большое число неполных семей, разводов, внебрачных рождений, аборт, случаев отказа родителей от воспитания детей;
- 6) низкое качество жилья, скученность;
- 7) чувство зависимости, социальная пассивность;
- 8) высокий уровень преступности, включая подростковую;
- 9) безработица (*Griffith, Yerbury, Weafer 1978*)³.

Виктимизационный комплекс относится к числу весьма немногочисленных инструментов, предоставляющих исследователям операционные критерии уязвимости группы. Макроэкономические показатели, опирающиеся на сходные идеи (например, многочисленные индикаторы уровня развитости стран), неприменимы к небольшим груп-

³ Выражаю признательность А.Н. Ямскову, обратившему мое внимание на эту публикацию, и проф. J. Yerbury за любезное предоставление новейших работ в этой области.

пам населения, тем более к группам, практикующим различные формы традиционного хозяйства.

В этой связи использование в виктимизационном комплексе демографических и социологических показателей и отказ от использования показателей экономических выглядит, скорее, как преимущество, чем как недостаток, обеспечивая возможность кросс-культурных сравнений положения групп, практикующих различные формы хозяйственной деятельности.

Изложенные здесь типологии содержат, по существу, все необходимые элементы для получения операционального определения понятия меньшинство. С моей точки зрения, проблема может быть решена в результате синтеза трех подходов — остенсивного, регионального и типологического.

1. Остенсивные (списочные) определения меньшинств использовались в практике Лиги Наций, но остались недооцененными. Трудности разработки универсального определения здесь снимаются, поскольку вместо попыток вычленения общих характеристик используется перечень меньшинств в каждой из стран. Этот подход совпадает с используемым в концепции персональной автономии кадастром, но в данном случае кадастр должен иметь международный статус и содержать согласованный перечень не личностей, но групп меньшинств, претендующих на специальные права. Современные энциклопедические справочники и региональные издания, содержащие весьма полные перечни меньшинств (*World Directory...1989; Stavenhagen 1989* и др.), могут рассматриваться в качестве отправного пункта для достижения региональных консенсусов (согласованных списков меньшинств).

2. Позиция правительств многих государств, выступающих против распространения прав меньшинств на те или иные конкретные группы, может быть смягчена в результате достижения регионального консенсуса, учитывающего специфику стран Азии, Африки, Латинской Америки. Получаемые таким образом региональные кадастры могут затем включаться в единый международный кадастр. Прямое решение на уровне мирового сообщества здесь опосредуется серией региональных консенсусов различного иерархического уровня (внутригосударственный, региональный и т.п.).

3. Разработка особых законодательных норм для меньшинств различных типов (языковые, религиозные и этнические меньшинства борются за достижение весьма различных прав и свобод) позволяет защитить права большего количества групп, поскольку некоторые правительства, не желающие признавать у себя наличие, например, национальных меньшинств, охотнее станут участниками специализированных конвенций по защите прав языковых и религиозных меньшинств, чем ратифицируют универсальную конвенцию по правам меньшинств.

Самоопределение и суверенитет

Вопрос о применимости понятий «суверенитет» и «самоопределение» к меньшинствам в контексте международного права относится к наименее ясным. Оба понятия не имеют однозначной трактовки и в современной политологии, кроме того, в последнее время они претерпевают существенную переоценку и переосмысление. Традиционно «суверенность», «суверенитет» связывали с государственностью. Концепция абсолютности и неделимости суверенитета восходит к Гоббсу, который в своем «Левиафане» не усматривал никакой власти выше государственной. Гегелевская трактовка неограниченности государственного суверенитета имела своими следствиями тоталитаризм и экспансионизм: если государство располагает абсолютной и неограниченной властью, у него нет обязательств уважать права собственных граждан и других государств. Эта связь понятия «суверенитет» с концепцией неограниченного суверенитета тоталитарного государства привела некоторых ученых к отказу от использования самого понятия; так Х.Кельзен предложил заменить его понятием «международного правового порядка» (Kelsen 1960: 320).

Деколонизация, рождение национализма и «взрыв этничности» способствовали размыванию исходного смысла понятия «суверенитет» и формированию более гибкой системы понятий, позволяющих описывать реальные формы «ограниченного суверенитета» — разделенный, двойственный, частичный, функциональный суверенитет и т.п.

В современном словоупотреблении у политологов и юристов обычно проводится различие между внутренним и внешним аспектами суверенитета. Под внутренним аспектом подразумевается верховная власть в рамках определенной территории, на которую не распространяется законодательная, исполнительная и судебная юрисдикция другого суверена (в стандартном словоупотреблении — государства) за исключением международного права. Внешний аспект предполагает независимость и равенство государств, их субъектность в международном законодательстве (Dreier 1988: 1203).

С точки зрения одного из членов международного арбитражного суда в Гааге для большинства современных определений суверенитета характерно наличие трех общих моментов:

- 1) суверенное государство является полноправным субъектом международного права;
- 2) оно не контролируется никаким другим государством;
- 3) оно фактически располагает возможностью свободного отправления функций государственной власти (Lapidoth 1992).

Принцип суверенного равенства государств закреплен Декларацией о принципах международного права, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1970 г. (Резолюция... 1970). Однако впоследствии понятие суверенитета подверглось значительному переосмыслению,

не в последнюю очередь связанному с современной дискуссией о правах меньшинств.

Обсуждение прав меньшинств в контексте развития современных концепций федерализма и демократии в очередной раз ставит вопрос о том, кто является сувереном. Очевидно, что этот вопрос лежит в русле дискуссий о легитимности власти и ответы на него — народ (в американской Декларации независимости), нация (во французской Конституции 1791 г.), национальный парламент (взгляд некоторых британских юристов), федеральное правительство вместе с правительствами штатов (американская версия дуального суверенитета) — порождают серию новых вопросов.

Учет реально существующих ограничений суверенитета современных государств привел к появлению таких понятий как разделенный суверенитет, остаточный, или «*de jure* суверенитет», «*de facto* суверенитет», и «суверенная ассоциация» (последний термин — *Souverainite-Association* использовался в Квебекском референдуме 1980 г. для обозначения политического суверенитета и ассоциации в сферах общего интереса, особенно в экономике) (Report of ... 1991: 28). Следует также упомянуть «плюралистический суверенитет» Г.Ласки, отвергавшего концепцию суверенитета государства (с его точки зрения, государственная власть должна основываться на согласии между сообществами граждан). Ограниченность суверенитета отражается и в понятии «функциональный суверенитет» современного международного морского права, в котором права на эксплуатацию шельфа и ресурсов 200-мильной зоны определены как «суверенные права на разведку и эксплуатацию, сохранение и использование природных ресурсов...» (Конвенция... 1982).

Изложенное позволяет связать понятие «суверенитет» с понятием «самоопределение» и рассмотреть их соотношение. Уже перечисление «типов» суверенитета дает возможность заметить тенденцию размывания, «деабсолютизации» суверенитета государства. Однако именно эта тенденция, безусловно прогрессивная, порождает новые проблемы. Дело в том, что при традиционной трактовке понятия «суверенитет», в которой единственным «субъектом» суверенитета являлось государство, право на самоопределение признавалось естественным и не входило в противоречие с другими принципами международного права (например, с принципами территориальной целостности государств и неприкосновенности границ). В новых трактовках вместе с признанием ограниченных форм суверенитета в полный рост встает проблема субъекта права на самоопределение. Для того, чтобы обозначить контуры этой проблемы, рассмотрим содержание понятия «самоопределение».

Содержание этого понятия подвергалось оценке с позиций международного права еще во времена деятельности Лиги Наций, когда две комиссии экспертов решали вопрос об Аландских островах. Обе комиссии пришли к выводу, что самоопределение не может быть

признано *jus cogens* в международном праве; особые возражения со стороны экспертов вызвало признание права на отделение. Лишь в 1960-х годах в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН о бывших колониях, обретающих независимость (Резолюция... 1960; 1962), принципу самоопределения вновь было уделено внимание. В декларации о принципах международного права (Резолюция... 1970) был сформулирован принцип «равноправия и самоопределения народов». Этот принцип нашел отражение и в Заключительном акте Хельсинкского совещания СБСЕ. «Право всех народов на самоопределение» фиксируется в первых статьях двух международных Пактов, вступивших в силу в 1976 г. — Пакте о гражданских и политических правах и Пакте об экономических, социальных и культурных правах. Разумеется провозглашение этого принципа делает особенно важным вопрос, какое конкретное содержание отражается в понятии «народ», используемом в цитированных документах. Даже в том случае, когда отсутствуют сомнения, что претендующая на самоопределение общность является «народом», юристы спорят о применимости этого права: многие из них считают, что оно является законным лишь в контексте деколонизации; во всех иных ситуациях его применение приходит в противоречие с принципом неприкосновенности границ (*Pomerance* 1984: 320; *Hannum* 1990: 46). Другие, как например эксперт по франко-канадской проблеме Д.Терп, утверждают, что тексты соглашений о правах человека 1976 г. могут истолковываться как содержащие право на отделение (*Turp* 1982: 77).

Проблема законности права на отделение получила большое внимание в последнее время, однако и в этом случае можно говорить лишь о самом начале процесса выработки принципов, которые были бы признаны международным сообществом как легитимные основания отделения. В силу этого практика признания новых государств остается непоследовательной; здесь достаточно сравнить реакцию на отделение в случаях Биафры и Бангладеш, а также республик бывших СССР и СФРЮ.

Одним из средств, смягчающих противоречия между принципами самоопределения и территориальной целостности государств, становится автономизация и другие формы «парциального суверенитета». В тексте резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (Резолюция... 1970) самоопределение не рассматривается как обязательное становление независимого государства. Предполагается, что другими формами самоопределения могут явиться «ассоциация или интеграция с независимым государством», или любой другой политический статус, свободно определяемый народом...» Позднее стала преобладать иная позиция, в которой самоопределение и независимость стали практически приравняться друг другу. Эта тенденция идет в противоположном направлении уже описанной здесь эволюции понятия «суверенитет», поскольку синонимизация самоопределения с государственной независимостью плохо совмещается с появившимися

гибкими формами «ограниченного», «разделенного» и «функционального» суверенитета. Кроме того, если понятие «самоопределение» начинает трактоваться исключительно как становление независимого государства, правительства всех полиэтнических государств будут рассматривать его как опасное.

По-видимому, разработка и использование на практике компромиссных форм самоуправления является одним из наиболее продуктивных путей для решения проблемы прав меньшинств. Глобализация коммуникативных, транспортных и экономических систем приводит ко все большей зависимости государств друг от друга, размывает их реальную суверенность. Сосуществование на одной территории различных форм суверенитета (ограниченный, дуальный, функциональный суверенитет и т.д.) представляет собой новую гибкую форму взаимодействия между правительствами центра, регионов и автономий, каждое из которых обладает определенной долей суверенитета.

Принципы равенства и соблюдения прав как индивидуальных, так и коллективных, должны осуществляться в реализации адекватных форм самоуправления, важное место среди которых занимает автономия. Поскольку многие меньшинства сегодня выступают на международной арене как «квази-юридические субъекты» (*Hatfield-Lyon 1991*) и в качестве международных организаций обретают статус субъектов международного права, правительствам необходимо считаться с этой новой реальностью и не отвергать с порога претензии многих групп меньшинств на самоопределение. Форма самоопределения должна находиться на основе норм международного права и в результате консенсуса между всеми заинтересованными сторонами. Таким образом, успех решения проблем меньшинств зависит сегодня от выработки эффективных правовых инструментов, гарантирующих на международном уровне охрану прав меньшинств различных типов. Обсуждение объемов прав, гарантируемых меньшинствам различных типов, должно явиться следующим шагом в решении проблемы меньшинств.

Литература

- Конвенция Международной организации труда №169. 1989.
 Конвенции по морскому праву относительно континентального шельфа. Статьи 56(1) и 77. 1982.
 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1514 (XV) от 14.12.1960.
 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1803 (XVII) от 14.12.1962.
 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2625 (XXV) от 24.10.1970.
Alfredsson G. Equality and non-discrimination: minority rights. Strasbourg, 1990.
Barsh R. Evolving conceptions of group rights in international law // Transnational Perspectives. V.13. 1987.

- Dreier H.* Souveraenitaet//Staatslexicon. Bd.4. 1988.
- Eide A.* Minority situations: In search of peaceful and constructive solutions//Notre Dame Law Review. V.66. 1991.
- Eide A.* Protection of Minorities: second progress report//UN Doc. E/CN.4/Sub.2/1992/37.
- Encyclopedia of Anthropology. NY. etc., 1976.
- Griffith F.* Arctic Third World: Indigenous People and Resource Development // Arctic Energy Resources. Amsterdam etc., 1983.
- Griffith C.T., Yerbury J.C., Weafer L.F.* Canadian Natives: Victims of Socio-Structural Deprivation?//Human Organization. V.46. N3. 1978.
- Hatfield-Lyon J.* Individual human rights versus minority group rights. Toronto, Leningrad, 1991.
- Hannum H.* Autonomy, Sovereignty and Self-Determination — The Accomodation of Conflicting Rights. Philadelphia, 1990.
- Heckmann F.* Towards the development of a typology of minorities// Minorities: Community and Identity. Berlin etc., 1983.
- Kelsen H.* Das Problem der Souveraenitaet und die Theorie des Voelkerrechts. Tuebingen, 1960.
- Lapidoth R.* Sovereignty in Transition//Journal of Internatational Affairs. V.45. 1992.
- Pomerance M.* Self-determination: The metamorphosis of an ideal// Israel Law Review. V.19. 1984.
- Report of the Commission on the Political and Constitutional Future of Quebec. Belanger-Campeau Comission. March, 1991.
- Schermerhorn R.A.* Comparative Ethnic Relations: A Framework for Theory and Research. NY., 1970.
- Smith M.G.* Some problems with a minority concepts and a solution // Ethnic and Racial Studies. V.10. N4. 1987.
- Sohn L.B.* The concept of autonomy in international law and the practice of the UN//Israel Law Review. V.15. 1980.
- Sohn L.B.* The rights of minorities//The International Bill of Rights. The Covenant on Civil and Political Rights. NY., 1981.
- Stavenhagen R.* (Ed.) World Guide of Ethnic Minorities and Indigenous peoples. UN University and El Colegio de Mexico, 1989.
- Turp D.* Le droit de secession en droit international public//Canadian Yearbook on International Law. V.20. 1982.
- UN Document E/CN.4/Sub.2/1989/36.
- UN General Assembly Resolution 1541 (XV). 1960.
- Van Amersfoort H.* Minority as a Sociological Concept//Ethnic and Racial Studies. V.1. 1978.
- World Directory of Minorities. Chicago and London, 1989.

Соколовский С.В.

Этнография как жанр и как власть (впечатления о современном состоянии дисциплины)

Несущиеся с запада сырые и серые тучи роняли снег, не слишком густой, но падающий из-за ветра под косым углом. Собственно, именно ветер превращал снегопад в стихию, событие; не будь его, снегопад, вероятно, не ощущался бы вовсе, воспринимался бы чисто эстетически, из отстраненного далека безучастного наблюдения. Ветер швырял пригоршни снега в лицо, нес его вдоль просеки, и мальчишка, вылетевший из лесу по лыжне откуда-то слева, крикнул, обращаясь к догонявшим его приятелям: «Всемирный снегопад!», — и, очевидно желая чтобы найденное им имя события ни для кого из друзей не пропало, повернулся в их сторону и еще раз счастливо заорал: «Всемирный снегопад!»

Преувеличение, слишком явное и, однако, видимо весьма точно выражающее то, что он в этот момент испытывал. «Всемирный» означало лишь замену пресных «большой», «значительный», или затерто-нейтрального «какой!..» «Всемирный» соответствовал переживанию, отражая восторг и упоение выразительностью найденного слова. Точность в выражении чувства и одновременно — очевидное преувеличение, если принять во внимание, что снегопад-то был, скажем прямо, средненький и временами вовсе прекращался, и в разрывах туч появлялось солнце. Через четверть часа остатки туч унесло на восток, небо очистилось и посинело до ультрамаринового, что в условиях Подмосковья означало, что на дворе конец февраля, весна... Снегопад отнюдь не был всемирным, очевидно, что он не был даже «районным», и я опять подумал о «суперлативном возрасте», о возрасте в 10-12 лет, в котором европейские дети (здесь важно само наличие феномена детства в культуре, как и такой его характеристики, видимо, не универсальной, как «свежесть восприятия», «heightened awareness», якобы присущей детям) склонны использовать превосходные степени и гиперболы.

Собственно, продолжая идти по просеке (снегопад, вступив в общничество с моим невысказанным несогласием относительно его «всемирности», явно утихал), я поймал себя на ставшем привычным, почти ритуализированном повороте мысли, тему которого можно было бы обозначить как основания социального знания. Разумеется, что мя себя антропологом, я более всего заботился о знании антро-

пологическом, хотя и отдавал себе отчет, что попытки интерпретации мира с позиций одной дисциплины справедливо было бы описать как империалистические (вторжение в иные «державы мысли» и структуры знания), с одной стороны, а само представление о дисциплинарном характере знания — как слегка обветшавшее, с другой.

Ситуация с высказыванием о снегопаде, несмотря на очевидную простоту, отражала в себе всю сложность социального мироустройства: она содержала сведения о мирах взаимоотношений человека и природы (проблематика тотема у антропологов начала века); восприятия, действия и речи, мысли и эмоции; индивида и группы; воображения и ценностей. Как палеонтолог, обнаруживший внезапно кость животного неизвестного вида, и пытающийся реконструировать не только животное, но и параметры мира, который оно некогда населяло, я пытался извлечь из мальчишеского выкрика всю структуру вместившего этот окрик мира во всей его тотальности. Эта «палеонтологическая работа» (застывший мир ушедшего и остановленного времени, трансцендентное положение наблюдателя), воспроизводящая классическую дихотомию «субъект-объект», столь типичную для нашей технократической современности, конечно же, сама была слепком отражаемого мира социальных технологий. Может ли в обществе модерна существовать постмодернистская методология? Как улитка, неразлучная со своим домом, я бессознательно и контрабандой (уловки клишированного сознания) протаскивал в рассмотрение ситуации всю власть и волю дисциплинарной традиции отечественной науки. Пусть брызжет кровь из тканей препарированной реальности, скальпель анатомирующего не дрогнет, ибо кромсает он во благо, осуществляя очередной утопический проект потребного будущего!

Нет, так не пойдет, думал я, рассеянно преодолевая траченные ржой дачного строительства ландшафты, чтобы изжить автоматизмы и схематизмы дисциплинарного технологического мышления, следует замкнуть их на самих себя. Скальпель против хирурга... Е-рач, излечи себя сам...

Займемся суждением о суперлативном возрасте. Что в нем, собственно говоря, утверждается? Примерно следующее: у человека (впору извиняться за универсализм формы, поскольку имеется в виду отнюдь не родовое понятие), принадлежащего к определенной группе культур (назову ее для удобства, не претендуя на повторение Гребнера, группой культур европейского круга), в определенном возрасте (кто знает, каковы его границы, да и есть ли они? — здесь необходимо восхититься неопределенностью выражения, толкующего об определенности) отмечается (спасительная безличность, столь свойственная научному стилю — риторический прием, создающий иллюзию объективности и одновременно избавляющий говорящего от ответственности) более частое употребление экспрессивных речевых форм (жаргона, гипербол, превосходных степеней и т.п.). Что

это? — Суждение антрополога («для представителей некоторых культур...»), возрастного психолога («для людей определенного возраста...»), или лингвиста (особенности речевого поведения)? Может быть (желчный критик поспешит согласиться) — это просто высказывание дилетанта, частное мнение, не имеющее отношения ни к одной из названных наук, вообще не «дотягивающее» до статуса научного наблюдения, или суждения. Спешу согласиться с критиком. Именно так, вполне справедливо — ненаучное и дилетантское. Но здесь и начинается наше путешествие в мир притязаний социальных наук, поскольку мы можем вообразить, какие процедуры должно использовать, чтобы превратить приведенное высказывание в научное. В антропологии и этнологии, которые преимущественно будут занимать наше внимание в дальнейшем, способы эти сложны и громоздки, овеществлены в социальных структурах (институализированы) и бдительно охраняются целым войском блюстителей традиции, что, собственно, и делает верным утверждение о дисциплинарном характере антропологического знания. Уже русское «с-видетельство» (как и его французский и английский эквиваленты: «e-vid-ence», восходящие к латыни) указывают на примат визуального и коллективного, свойственного, очевидно (читатель, внимательный к форме, может насладиться этой «видимостью для очей», столь «оче-видно» сопровождающей многие утверждения в этом тексте и с успехом заменяющей любую аргументацию простой отсылкой к достоверности зрения), многим научным дисциплинам, опирающимся на метафорику визуального. «Со-видение» (с оче-видностью прочитываемое в «свидетельстве») всегда отсылает нас к «многим», видевшим (или способным увидеть) «одно». Таким образом, этнографические (как и большинство прочих) свидетельства строятся на апелляциях к зрению, но не индивидуальному, а скорее коллективному, общезначимому, увиденному многими и в этом смысле — реальному. Помимо этого, в «свидетельстве» скрывается мифология тождества, столь блестяще критикувавшаяся Витгенштейном (вспомним его знаменитое «здесь только что стояла гора, та же самая, но другая), или, быть может, уже Гераклитом («нельзя войти дважды...»). Этнограф, в подражание «натуралистам» (прежде всего — физикам, до сих пор поставляющим эталоны для позитивствующих гуманитариев) постоянно обнаруживает тождественное и устойчивое, стремясь описывать уникальное в универсальной форме, отождествляя при этом тождественное с реальным и предавая анафеме несуществования все «ни-что-не-похожее». Некоммуницируемость уникального (в основе которой лежит не принципиальная недоступность узнанного, иногда подаваемая любителями мистической школы в антропологии как эзотеричность и сакральность знания, но скорее всего являющаяся обычным страхом перед возможными санкциями сообщества «своих») составляет еще один момент, подталкивающий к использованию визуальной метафорике — увиденное многими (но вот исключение —

мираж) есть достоверное и неоспоримое. Может быть уже в силу этого «неколлективные чувства» (препятствующие одновременному и достоверному контакту органов чувств каждого «с-виде-теля» с воспринимаемым) не имеют обозначений: у нас нет в языке «со-вкусий», «со-обоняний», «со-осязаний» и «со-слышаний», а единственное имя для них — «со-чувствие» имеет иное значение. Лишь «со-прикосновение», отражающее возможность и достоверность коллективной экстастики танца и любви имеет приставку «со-». Видимость как достоверность, однако, требует выделенности, отмеченности в коллективном зрении, иными словами — значимости, заметности, важности для воспринимающего корпоративного тела, то есть установления отношения (релевантности) с миром социальных действий. Для того, чтобы заметить незначимое, требуется усилие по его наделению значением — научным, этическим, эстетическим и т.д.

*Внимательно взглядишь
увидишь у плетня
сученки цвет.*

В этом хокку запечатлено усилие по эстетизации неприметного, вполне, впрочем, социально значимое в контексте японской культуры любования. В отсутствии коллективно санкционированных усилий означивания и наделения социально релевантной значимостью видимого возникает феномен «ненаблюдаемости видимого». Чтобы стать свидетельством видимое должно пройти этап корпоративного признания, институализации в качестве традиции, иными словами, видимое оплотняется властной санкцией, чтобы обрести статус наблюдаемого. «С-виде-тельство» санкционируется властью коллектива, к которому принадлежит свидетель. Отчасти это и есть процедуры тематизации и проблематизации этнографической реальности, о которых пойдет речь ниже. Это же приближает нас к пониманию феномена слепых пятен в этнографии, например, долгого нежелания проблематизировать современность и ввести в предмет дисциплины собственное общество. Лишь послевоенный институциональный кризис (сокращение финансирования полевых исследований в экзотических странах) и деколонизация, разрушившая традиционную мотивацию антропологических исследований в странах третьего мира (требовалось время для выработки новых прагматических обоснований) заставили мировое антропологическое сообщество повернуться лицом к миру повседневности собственного общества, представлявшему тогда антропологическую пустыню, видимый мир ненаблюдаемостей. Станные вопросы стало возможным задавать относительно этого мира: что подлежит в нем этнографическому наблюдению и анализу? Каждый вопрос выглядел (и продолжает выглядеть, поскольку процесс этно-

графического освоения мира городской повседневности отнюдь не завершен) как испрашивание санкции на тему: будет ли описание поездки на работу этнографией? Заслуживает ли внимания этнограф эфемерное сообщество любителей кататься на лыжах в парке Н-ска? Можно ли посягнуть на анализ властных структур родной академии? Эта не всегда очевидная связь между границами предмета и властью, практикуемой корпорацией по отношению к ее членам (в данном случае власти антропологического сообщества), наиболее очевидным (!) образом обнаруживает сращенность дисциплинарного зрения с властью, изобличая «тематику» и проблематику» как следы и слепки властных отношений внутри дисциплинарного сообщества. Возникла и проблема иного рода: общедоступность (и в определенном смысле общеизвестность) описываемого разрушала ореол научной эзотерии. Это обстоятельство, как мне представляется, и послужило основным толчком к поиску нового языка: место экзотической действительности третьих стран заняла экзотизация ракурса на видимую реальность, создаваемая чисто стилистическими средствами.

Каждому жанру присуща собственная система выразительных средств и стилистических приемов (тропов). Иногда различные виды искусства пытаются конкурировать друг с другом, копировать друг у друга приемы, заимствовать чужие средства в попытках достигнуть большего влияния на свои аудитории и большей выразительности. Это заимствование приводит к размыванию жанровых границ и нередко порождает посредственные произведения¹. Тем не менее, сам язык используемых средств, его сущность и его, если так можно выразиться, сердце задают и определяют сущность и границы жанра, давая основания для достаточно уверенного распознавания и разведения элементов различных жанров, из которых в наш век коллажей нередко составляются отдельные произведения.

Жанровый подход к языку науки не нов, хотя мне и не известны работы, в которых бы содержалось систематическое изложение используемых в нем тропов. Предпринимаемую здесь попытку выделить и описать некоторые тропы, используемые во всех этнографических дисциплинах (этнологии, социальной и культурной антропологии), а отчасти и в других социальных науках, таким образом, следует рассматривать как предварительный очерк, а еще точнее — совокупность впечатлений, повествующих о жанровом своеобразии этнографии не более, чем заметки о жизни страны какого-нибудь путешественника, наблюдающего эту жизнь из окна вагона. Неоднократно замечалось (и одним из первых в этнографии, кто обратил на это

¹ Сравните в этой связи мысли, высказанные Х. Ортега и Гассетом в его эссе «Адам в раю», в котором он размышляет о сущности таких жанров как живопись («живопись — категория световая») и роман («роман — категория диалогическая»). На страницах этого эссе он, между прочим, замечает, что всякое самостоятельное искусство «обусловлено необходимостью выразить то, что человечество не смогло и никогда не сможет выразить никаким иным способом» (Х. Ортега и Гассет 1994: 109).

внимание был Бронислав Малиновский), что между полевым наблюдением и отражающим это наблюдение текстом существует значительная дистанция. В самом процессе этнографического письма исследователь ставит и так или иначе разрешает весьма сложные проблемы соотношения макро- и микрокосма (как встроить «элементарный факт» в общую картину изучаемого общества), повседневности и истории, наконец, релевантности или иррелевантности наблюдаемого задачам его науки. Еще до всякого наблюдения, а также в его процессе и фиксации сначала в полевом дневнике, а затем в статьях и монографиях, вступает в действие целый набор фильтров, отсеивающих «заслуживающие внимания» феномены от «незаслуживающих» для самого наблюдения, последующего описания и включения в итоговый текст.

Порождаемая этими механизмами сортировки и отбора точка зрения и производимый ей ракурс являются необходимыми инструментами этнографической практики, изобличая ее как визуальное искусство — искусство наблюдения. Но разве то же самое не присуще писателю и художнику, или скульптору и кинематографисту? Очевидно, специфику искусства создает не столько доминирующий канал восприятия, сколько уникальность средств моделирования (инструмента и материала), а также объектов этого моделирования.

Что именно превращается в текст? Какие события, явления, поведенческие акты «текстуализуются»? Каково содержание процесса текстуализации? Как происходит проблематизация и тематизация наблюдаемой реальности? Какова роль традиции в этих процессах и процедурах и как сказывается разрыв (*riss*) в этой традиции? Играет ли здесь особую роль язык наблюдения? Наконец, чем обусловлены «слепые пятна» (очевидные и неочевидные пробелы) в этнографических наблюдениях, возникающие отчасти и как следствие процессов тематизации и текстуализации «сырой реальности»? Отчасти на эти многочисленные вопросы я уже пытался ответить выше, а также в других статьях (Соколовский 1992 *a, b*; 1993; 1994 *a, b, c, d*). Сейчас меня интересует проблематика власти, точнее ее участие во всех перечисленных процессах. Вместо того, чтобы разбирать процессы объективации (превращения изучаемого в объект и связанную с этим превращением технологию манипуляции объектом, то есть воспроизводство традиционной для науки асимметрии власти в субъект-объектных отношениях), которые обычно рассматриваются под данной рубрикой, я попробую изложить свои представления о власти вообще. Такая стратегия вызвана тем обстоятельством, что, с моей точки зрения, понятие «власть» в отечественной этнологии до сих пор рассматривается чрезвычайно узко, и что, следовательно, необходимо ввести в нее ту совокупность представлений и ассоциаций, которая обычно возникает при обсуждении этого понятия в других антропологических сообществах.

Нельзя утверждать, что этическое измерение исследований в этнографии, социологии, археологии и антропологии когда-либо ускользало от внимания исследователей, однако не будет преувеличением считать, что оно отнюдь не всегда являлось их фокусом, как не будет таким преувеличением наблюдение, что в последнее десятилетие эта проблематика стала занимать ведущее место в дискурсе социальных наук, потеснив такие модные направления как методологическая рефлексия и проблематика письма, появление которых не без основания связывается с проникновением в эти дисциплины философии постмодернизма. Характерной чертой новейшей этической проблематики в перечисленных науках является радикальность поставленных в ней проблем, точнее, радикальность форм, в которых данные проблемы ставятся перед научным сообществом. Все чаще раздаются голоса, не только аутсайдеров, но и «изнутри» дисциплин, утверждающие, что, например, практика раскопок в археологии является по существу уничтожением памятников культуры, что практика физической антропологии связана с осквернением могил, что кросс-культурная социология и этнология представляют собой технологии воспроизводства колониальной власти центра над периферией, «первого мира» — над «третьим». Меня, повторю, станут интересовать не эти проторенные и исхоженные сюжеты, но власть, испытываемая самим этнографом в процессе «производства» этнографии. Что это за власть? Кто является ее субъектом? Может ли она вообще описываться в языке субъект-объектной парадигмы? Оставшееся пространство статьи едва ли позволяет предоставить что-либо кроме тезисных изложений различных теорий и концепций власти. Одним из известнейших «королевских путей» в средоточие любой теории является определение основного понятия. Такое определение всегда представляет собой свертку теории, потому и любимо. Обратимся к концу 1950-х годов, времени торжества бихевиористских трактовок власти, продолжающих использоваться в некоторых периферийных для изучения власти науках, либо в столь же периферийных научных сообществах. В то время всеобщую поддержку находило следующее определение власти: *A* обладает властью над *B* в той степени в которой он может заставить *B* совершить что-либо, что *B* при других обстоятельствах бы не сделал (*Dahl* 1957: 202-203). Уже несколько лет спустя это определение было дополнено еще одним аспектом, в частности, было замечено, что можно не только заставить «сделать», но и принудить воздержаться от действия, то есть *A* может препятствовать *B* осуществить свою свободу действия (*Bachrach, Baratz* 1962: 948; 1963: 632-642). Таким образом, стало очевидно, что для полноты оценки оперирования власти в конкретной деятельности необходимо рассматривать также и непринятые решения. Более того, уже в ходе этой критики было отмечено, что «власть также осуществляется, когда *A* отдает свою энергию созданию или усилению социальных и политических ценностей и институциональных практик, ко-

торые так ограничивают объем политического процесса, что публичному рассмотрению (предаются) только те вопросы, которые являются сравнительно безобидными для А» (*Bachrach, Baratz* 1962: 948).

Здесь мы сталкиваемся уже не с прямой властью принуждения, но с манипуляцией средой принятия решений, информацией, необходимой для этого принятия, с особым обращением со специфическим знанием, то есть достаточно близко подходим к современному пониманию власти.

Этнограф, разумеется, сталкивается с обоими из названных аспектов власти — и с властью принуждения, что особенно часто встречается при столкновении с неумным редактором, рецензентом, членом редколлегии или ученого совета, и с властью манипуляции — со стороны любого начальства, занятого распределением ограниченных ресурсов — командировок, финансов, степеней, грантов и т.д. Однако особенно остро это власть ощущалась (и ощущается в изменившихся обстоятельствах и теперь) при выборе темы (диссертации, статьи, исследования), когда архаические практики принуждения и манипуляции включаются в полную силу и, где только возможно, подавляют свободный дискурс. На первый взгляд эти практики суть лишь следствия тоталитаризма. Действительно, в пост-тоталитарном обществе практика управления наукой меняется медленно, и уже только в силу этого здесь немало феодально-патриархального диктата и произвола. Тем не менее, стоит заметить, что и в так называемых «развитых демократиях» с институализированной конкуренцией за ограниченные ресурсы власть принуждения со стороны фондов, субсидирующих исследования и издательств весьма высока. Одной из причин этого является глубоко укоренившаяся дисциплинарная подразделенность наук. Большинство междисциплинарных барьеров и обслуживающих дисциплины языков поддерживаются и существуют во многом благодаря именно этой власти. Институализация междисциплинарных границ, столь выгодная не в смысле разделения труда, но в смысле борьбы за ресурсы и самообоснования (сравните с законом роста бюрократических организаций) приводит к искусственному преувеличению уникальности и самостоятельности цехового дисциплинарного взгляда. Возникают типично племенные реакции по модели «свой — чужой», начинает цениться не сила и свежесть аргументов, но лояльность и игра по правилам. Важнейшим критерием становятся не самостоятельные работы исследователя, но документ об окончании престижного университета и писания особого жанра — так называемые «аттестуемые тексты» (диссертации, дипломные работы и т.п.). Именно эти черты академического сообщества делают обоснованным его метафорическое сравнение с племенем, бдительно охраняющим собственные границы и одержимого ксенофобией. Преувеличенная реакция на чужое («не наша проблематика», «такого понятия в этнографии нет», «зачем писать об этом в этнографическом журнале» и т.п.) свойственна даже самым уважаемым из его членов.

Вернемся, однако, к ипостасям власти, поскольку описанные здесь аспекты ее далеко не исчерпывают.

Одним из самых тонких видов власти, к которому социологи уже в конце прошлого века стали проявлять повышенное внимание, является власть убеждения. *В* может сознательно, намеренно и свободно исполнять то, что хочет от него *А*, но это еще не означает, что в ходе такого исполнения не приносятся в жертву объективные интересы *В*. Таким образом, в этой концепции власти утверждается, что *А* осуществляет власть даже при добровольном сотрудничестве *В*. В такой трактовке власть заключается в манипулировании желаниями и потребностями *В* со стороны *А*. Это власть идеологии и харизмы, или в терминах Грамши — гегемония. Контроль над средствами информации, но еще в большей степени — над производством социально значимых символов (функция символической элиты, то есть в значительной степени — гуманитариев) является основой этой власти.

Примером может служить власть номинации — особый род властной процедуры наделения объекта именем, эквивалентной его, объекта, социальному рождению. Советское государство, а вслед за ним и новая российская бюрократия, не без помощи этнографов в течение нескольких поколений практически безнаказанно (то есть при почти полном отсутствии сопротивления и даже осознания со стороны «жертв») практиковало этот вид власти по отношению ко многим этническим группам, называя, регистрируя и официально признавая одних и отказывая в аналогичном признании со всеми вытекающими отсюда последствиями другим. Имя немногочисленной, но уникальной в лингво-культурном отношении группы должно было пройти через несколько фильтров бюрократической легитимизации прежде чем группа получала его в качестве официального вместе с соответствующим статусом «меньшинства» или «малочисленного народа» и вытекающими из него правами на обучение на родном языке и т.д. Многие достаточно многочисленные народы так и не добились такого признания, «застряв» где-то в середине крестного пути легитимизации (чулымцев признают далеко не все этнографы, а шугнанцев, ваханцев и другие народы Памира, несмотря на признание лингвистами и этнографами, не признали официальные власти ни 1989 г. в ходе переписи, ни тем более впоследствии — в ходе разгоревшегося конфликта). Здесь, как это было уже описано выше, непоименованное становится невидимым, ненаблюдаемой (и следовательно — не существующей для корпорации) реальностью.

Власть вмешивается и в святое святых — творчество и манеру письма, стиль пишущего, разрушая этот последний оплот индивидуальности. Сохраняющаяся в стране манера обращения с текстами (я здесь ограничиваюсь, преимущественно, жанром научной статьи, хотя многое относится и текстам иных жанров) свидетельствует о том, что мы являемся страной, скорее обретающей ценности эпохи Просвещения и модернизации, чем (как пост-индустриальные страны)

пытающейся с ними расстаться. Для нас все еще актуально писать «как принято» (в редакциях часто можно услышать фразу: «Так писать не принято!») и «грамотно», чем по существу и в соответствии с адекватной для этого существа формой. Канон научной статьи застыл и безнадежно устарел в удушающих объятиях тоталитарного редактирования.

Литературно-критический подход к этнографическим текстам (в соответствии с утверждением К. Гирца — этнография это манера письма) в таких условиях оказывается практически невозможным. Вероятно и у нас, даже «внутри» советского периода развития этнографии можно найти образцы изящной словесности. Однако спектр домашних «литературоведческих» оценок этнографических текстов скуп: статья бывает «слабая» (сильная), «интересная» (неинтересная), может «понравиться» (не понравиться), и может быть «сырой» (затрудняюсь с антонимом — «готовой?»). «Статья уже готова, извольте отведать!»

Как разрушить канон, если он не осознан, если отечественное «этнографическое литературоведение» помещается между полюсами «нравится» и «не нравится», «сырое» и «вареное», «грамотно» и «неграмотно»?

Позволю себе святотатственный жест — замахнусь на святая святых, на едва ли не выше всех остальных ценимую ценность — грамотность. «Статья неграмотна», — это приговор. Эпитафия на могиле не сбывшегося как публичный факт текста. «Статья нуждается в редактировании в части синтаксиса и морфологии», — казнь заменена ссылкой; автору инкриминируется безграмотность с очевидной импликацией: «Подика, братец, поучись». Проблема совсем не в том, что неумение писать в риторике рецензента прочно связано с неумением думать. Корни глубже. Попробуем их извлечь. Что такое грамотность в данном случае? Речь здесь, конечно, идет не об умении разбирать буквы и складывать их в слова, речь идет о соответствии норме. Но чьей норме? И какова логика столь жестких предписаний соответствовать? Позвольте, — возразит читатель, — но ведь существует литературный язык, есть грамматика, орфография, наконец, орфоэпия. Действительно, некогда «договорились» писать без «ятей». Еще раньше условились в каких местах допустимо переводить дыхание (там и необходимы запятые и точки)... С тире и двоеточием сложнее. Здесь «законодатели» сделали «народу» небольшое послабление, даровав, например, такую привилегию как авторское тире. Впрочем, произошло это, главным образом, из-за того, что законодатели — московская и ленинградская школы руссиков — не сумели договориться. В обычных случаях законодательная и исполнительная власти разделены: на долю «русскоязычных» в подавляющем большинстве случаев достается только право и обязанность пользоваться предлагаемыми в широком ассортименте словарями и учебниками. «Неопределенно-личность» предложений с глаголами «догова-

риваться» и «условливаться» здесь не случайна. За ней скрывается диктат одной, центральной, но от этого все же не перестающей быть региональной идиомы (владельцы словарей, вздрогните, как охотник, завидевший дичь, ату его! Исправьте на «регионального идиома», если уверены в правоте принадлежащего вам словаря), диктат тем более коварный и безысходный, что наряжен он в форму закона, легитимизирован в качестве «литературного языка» и «языка средств массовой информации». Не станем оценивать литературные достоинства литературного русского, тем более, что можно оспорить его единственность как во временном и пространственном, так и в институциональном и «персональном» отношениях. Речь ведь здесь идет о «грамотности» научной статьи, литературность которой выше уже была поставлена под вопрос. Чтобы стало понятней, что здесь подразумевается под «диктатом центральной нормы», приведу несколько примеров.

Начну издалека — с догонов и селькупов. У догонов Мали лингвисты выделяют 15 близкородственных диалектов, лишь четыре из которых имеют лингвистические описания разной степени полноты. В задачи языкового строительства входит, с точки зрения малийских лингвистов, и задача выбора «перспективного диалекта», на основе которого сложился бы будущий общедогонский литературный язык. Для ее решения в середине 1980-х годов было проведено социолингвистическое исследование семи «основных диалектов» (*Кодио Кунгарма* 1986). Выяснилось, что диалект томо-кан имеет наибольшее число носителей (демографическое превосходство), тенгу-кан — наибольшую популярность (по мнению большинства опрошенных — легок в овладении), а торо-со — наибольшую распространенность среди носителей других диалектов (суммарное число им владеющих оказалось самым большим). Наибольшая изученность торо-со явилась решающим аргументом для вывода о его «перспективности». Но вот вопрос — согласятся ли с таким решением говорящие на остальных четырнадцати диалектах? А ведь от того, на основе какого диалекта будет строиться литературный язык, станут зависеть и перспективы социального продвижения, и уровень пресловутой грамотности, и доступность школьного образования и многих профессий для всех догонов. Несогласие с любым вариантом выбора воспринимается здесь как реакция естественная. Почему это происходит? Да просто потому, что выбор этот пока еще не легитимизирован и не превращен в принудительную норму. Не стану утомлять читателя описанием перипетий языкового строительства у селькупов. Абсолютно здравая мысль, что учебники нужно издавать не только на тазовском диалекте, что делалось в 1930-е годы и привело к провалу школьного обучения на «родном» языке у южных селькупов, наконец возобладала. Здесь борьба за право говорить и получать начальное образование на том языке, который усвоен ребенком в семье, то есть в данном

случае — на нарымском диалекте, также воспринимается как справедливая и поддерживается специалистами.

Теперь поговорим о языке русском. Вспоминаю забавный случай, произошедший со мной в одном сибирском селе. Мой собеседник, описывая окрестности и показывая мне расположение колхозных угодий на карте (меня интересовали микротопонимы), сказал: «А вот здесь у нас пихта́ растет.» — «Пи́хта,- автоматически поправил его я, хотя сам сибиряк и не раз слышал это слово именно с ударением на последнем слоге. — «Это у вас там, может, пи́хта растет, — лукаво парировал он, — а у нас здесь я точно знаю — пихта́». Я задумался. Если норму распространенного ныне языка «масс медиа» ассоциировать с московским диалектом, то мой собеседник прав: под Москвой «пихта́» не растет. Так, может быть, надежней опираться на произношение жителей тех мест, где пихту видят не на картинках ботанических определителей? В битве региональных норм против центральной зарегистрировано немало побед. Моряки упорно пользуются своим «компа́сом», и по-прежнему не плавают по морям, а «ходят». Для таких не поддающихся лечению случаев языковые законодатели запаслись терминами «профессиональный жаргон», «профессионализм». Что позволило морякам победить? Убежденность в своей правоте (им ли не знать компаса)? Настойчивость? Спокойная сила, проявившаяся в умении игнорировать одергивания законодателей? Грустная складывается картина. Выходит так, что то языковое сообщество, которое имело «дерзость» оспорить притязания блюстителей языковых законодательств, получило в итоге право на самостоятельность, а «робкие» носители региональных норм законодательно — со ссылками на словари и выводы языковых комиссий — попираются, получая клеймо «неграмотности».

Впрочем, я отвлекся. Судьбы литературного языка никому не безразличны, но все же он сам — всего лишь фон, «внешняя оболочка» тех лингвистических игр, которые разворачиваются на пространстве принявшего странные формы жанра отечественной научной статьи. Как быть с «грамотностью»? Не удержусь от еще одного примера с очевидностью обнаруживающего связь грамотности и власти. В рапорте одного милицейского старшины (история не придуманная, а рассказанная мне знакомым юристом) встретилось слово «исчо». Бедняге, наверное, трудно будет дослужиться до следующего чина: грамотность как ценность не вполне чужда аксиологии милицейского начальства. «Состава преступления» я, однако, здесь не усматриваю. Положим, допустил человек четыре «ошибки» в слове из трех букв (для недогадливых — речь идет о слове «еще»), а живи он в республике, где законодатели изначально были более демократичными, скажем, в Белоруссии с ее фонетическим письмом?.. Здесь мы возвращаемся к привычке отечественной аудитории (речь идет прежде всего о читателе этнографических текстов) читать как бы «сквозь»

текст, сосредоточиваясь на передаваемой им «информации» и игнорируя форму, в том числе и словоформу, облик слова, способную нести богатую информацию. Что может уловить читатель за словом «еще»? — Владение одной из норм, в данном случае — центральной, доминирующей, или литературной («грамотность»). А что сообщает нам слово «исчо»? — Массу подробностей о личности, его написавшей. Диалектолог, быть может, сумеет даже приблизительно определить место рождения нашего героя (или его родителей), а неспециалист — догадаться об уровне «формального образования» (ибо его формальность здесь выступает особенно отчетливо) не только данного конкретного «индивида», но и населения данного региона в определенный исторический период. Социолог, интересующийся социальной структурой извлечет из этой истории ценную информацию о действии системы образования как «социального лифта», о существующей социальной стратификации, отражаемой в регистре локально бытующих социолектов и т.д. Заменит ли нам по шаблону написанная автобиография в личном деле бездну интимных подробностей, сообщаемых скромным наречием «исчо»?

Боюсь, что буду понят неправильно. Я не ратую за возрождение языка офеней, как и не настаиваю на том, чтобы всякому исследователю даровано было право пользоваться собственным и в силу единоличного владения для него самого мало вразумительным скриптом. Однако я за то, чтобы этнографические тексты перестали восприниматься исключительно как информация и обрели бы в просвещенном внимании читателя свое место и в качестве формы, сбывшись бы в качестве литературного жанра. И пусть тогда в этом жанре появятся и свои «деревенщики» с их странно звучащими для столичного уха регионализмами, и свои футуристы и почвенники с их «тыр-булшулами» и «будетлянами». Я призываю также к бережному отношению к многообразию собственной культуры. Этнографическая версия «золотого правила» этики, выражаемая максимой «относись к чужой культуре столь же бережно, как к собственной», вырождается в карикатуру, когда к собственной культуре, хрупкому бытию ее маргинализованных региональных норм относятся свысока. Я не против грамотности, но против языка власти и авторитарного указывания авторам «как должно», против легитимизации тезауруса одной научной школы в ущерб языкам других школ и по-иному глядящих на тот же мир исследователей. Разве не странно слышать упреки типа: «Вы путаете понятия *A* и *B*, когда автор упрека безосновательно, но от того не менее безапелляционно считает, что одинаково звучащие термины непременно должны отражать идентичные понятия? Не перестаешь удивляться архаичности терминоведческих представлений разнообразных специалистов, с жаром погружающихся в терминологические споры и высказывающих суждения типа «этот термин уже занят», либо «необходимо дать однозначное определение используемому понятию». Разумеется, эти требования остаются осмысленными

ми, если речь идет об одной и той же терминосистеме или одном тезаурусе, используемым совместно группой единомышленников, или, как это весьма нередко бывает, единственным, много работавшим с данной проблематикой ученым. Чаще всего в такого рода спорах сравниваются термины и понятия разных терминосистем и тезаурусов.

Как свидетельствует подзаголовок этой статьи, здесь изложены лишь впечатления о современном состоянии отечественной антропологии. Они не претендуют на объективное описание (предлагая, таким образом, описание субъективное), а это означает заведомое ослабление позиции автора в рамках стратегии убеждения, что лишний раз подчеркивает, что письмо лишь по видимости акт суверенный и автономный и что оно всякий раз оказывается актом политическим, жестом, скорее создающим условия автономности и суверенности пишущего, чем жестом суверена. И эта постоянная борьба за суверенность мнения есть не только и, даже, не главным образом борьба с материалом мысли (предметностью и словом), сколько борьба за позицию, представляющую субъекту саму возможность высказывания. Именно в силу этого обстоятельства наука так легко политизируется (ссылки на «единственно верное учение» у нас и апелляции к политической корректности в США — лишь немногие тому примеры) — ее стратегии письма родственны стратегиям политического противостояния — те же риторические приемы, весьма похожий активизм при создании коалиций и та же трата энергии на поддержку хрупкого баланса сил как условия движения. Я не стану предлагать рецептов, каждый автор, думается, найдет их сам, в строгом соответствии с той мерой, в которой ему удастся остаться автором.

Литература

- Кодио Кунгарма.* Основные тенденции развития диалектного ареала догон // Автореферат канд. дисс. М., 1986.
- Ортега и Гассет Х.* Этюды об Испании. Киев, 1994.
- Соколовский С.В.* Мифология единого мира и регионализм: территории, культуры, народы // Этика Севера. Т. 2. Томск, 1992 а.
- Соколовский С.В.* Этничность как ценность: случай миноритетов // Этика Севера. Т. 1. Томск, 1992 б.
- Соколовский С.В.* Этнографические исследования: идеал и действительность // Этнографическое обозрение. 1993. № № 2-3.
- Соколовский С.В.* Парадигмы этнологического знания // Этнографическое обозрение. № 2. 1994 а.
- Соколовский С.В.* Третий путь, или попытка объяснения в разделенном сообществе // Мир России. № 2. 1994 б.

- Соколовский С.В. Этническое насилие: структуры теоретического дискурса//Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 1. М., 1994.
- Соколовский С.В. Этничность как память: парадигмы этнологического знания//Этнокогнитология. Вып. 1. Подходы к изучению этнической идентификации. М., 1994 d.
- Dahl R.A. The Concept of Power//Behavioral Science. V.2. 1957.
- Bachrach P., Baratz M.S. Two Faces of Power//American Political Science Review. V.56. 1962.
- Bachrach P., Baratz M.S. Decisions and Nondecisions: An Analytical Framework//American Political Science Review. V. 57. 1963.

Л. П. Щедровицкий

Парадоксы и курьезы отечественной этнологической мысли (часть 2)

Нет приятнее занятия, чем все в бытиях измерять

Вариация на тему «вредных советов» Г.Остера

Очевидно, что объектом критического анализа в рамках статьи с таким названием могут стать не любые этнологические концепции и представления, а лишь те, которые отвечают двум требованиям: во-первых, содержат в себе эти самые парадоксы и курьезы, а во-вторых, признаны в кругу этнологов¹.

В первой части статьи (*Щедровицкий, Пископфель 1994*) обсуждалась концепция Ю.В.Бромлея, а во второй речь пойдет о концепции, которую условно (с минимальной степенью риска вызвать нарекания ее авторов) можно назвать так: «Информационные связи как основа этнического бытия». Она, на мой взгляд, в полной мере отвечает двум указанным выше необходимым и достаточным требованиям.

Замечу, что с этой концепцией я знаком по двум источникам: 1) по статье С.А.Арутюнова и Н.Н.Чебоксарова «Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества» (*Арутюнов, Чебоксаров 1972*) и 2) по главе «Сеть коммуникаций как основа этнического бытия» из книги С.А.Арутюнова «Народы и культуры: развитие и взаимодействие» (*Арутюнов 1989*).

Эти две публикации разделяют 17 лет: срок для осмысления, проверки на «фальсифицируемость» (имеется в виду понятие, введенное К.Поппером) и развития концепции вполне достаточный. Сопоставляя их, я обнаружил, что собственно концептуальная часть публикаций идентична, более того, воспроизводится во второй публикации буквально в тех же самых выражениях, что и в первой, и новое состоит не в проработке содержания основных представлений, составляющих содержание концепции, а в попытке построить классификацию этни-

¹ При этом последовательность обсуждения «парадоксальных» концепций значения не имеет и никак не планируется: выбор очередной из них во многом дело случая. Иными словами, не надо искать никаких связей и никакого порядка в том, что сначала рассматривается концепция, скажем, «Б», а за ней «А».

ческих общностей на основе старых представлений. И поскольку вторая публикация включает в себя первую, я позволю себе сослаться в дальнейшем исключительно на нее и на ее автора — С.А.Арутюнова.

Концепция

«Информационные связи как основа этнического бытия»

Прежде чем начать обсуждение, воспроизведу основное содержание концепции в виде краткого «конспекта-цитатника», в который включу наиболее значимые, на мой взгляд, фрагменты текста из работы С.А.Арутюнова (Арутюнов 1989), выражающие основную ее суть (в той последовательности, в какой они представлены в оригинале, пронумеровав их для удобства дальнейшего обращения к ним). Без такого цитатника мой "буквоядный" анализ вряд ли будет убедительным.

***

1. «Механизм существования этнических общностей всех типов, их пространственная стабильность, их временная преемственность <...> основываются главным образом на связях, которые могут быть описаны в рамках понятия информации. В отличие от генетической информации, передающейся в генной форме, здесь эти информационные связи в основном существуют в виде различных форм коммуникаций.

В самом деле, любые отношения, в которые вступают между собой отдельные люди или их группы — отношения экономические, общественные, политические, — непременно выражаются в форме определенной информации. Информация эта может носить самый различный характер, самую различную форму». <...>

В принципе речевая, словесная информация, как, впрочем, и всякая другая, может быть измерена и количественно охарактеризована в минимальных единицах — битах. Любые отношения, в которые вступают люди между собой, сопровождаются потоком информации, односторонним или обоюдосторонним, который в каждом случае имеет конечное количественное измерение определяемую количественно интенсивность» (с. 19-20).

2. «Информация, определяющая существование этноса, передается различными путями. Особенно важны для людей языковые коммуникации — передача словесных сообщений от человека к человеку как в устной, так и в письменной форме. Меньшее, но тоже важное значение имеет информация, передаваемая в форме показа, подражания. Эта форма особенно важна в детском возрасте, когда человек приобщается к основным повседневным аспектам своей культуры, которые во многих случаях имеют этнический характер: ведь разные народы отличаются и разными манерами есть, спать,

сидеть, умываться, одеваться, приветствовать друг друга... Но, конечно, более сложная информация о своей культуре (литературное и историческое наследие), хотя бы в форме самых простых сказок, пословиц, рассказов, преданий, понятий морали, обычного права, жизненных ценностей, может передаваться только в словесной форме» (с. 20).

3. «Если бы на определенной обширной территории возможно было в течение некоторого времени (месяца, года) фиксировать все формы словесных информационных связей между людьми, как устных, так и письменных (прямые разговоры, переписку, информационные связи, возникающие между писателем и читателем через прессу и другие средства массовой коммуникации и т. д.). и картографировать эти связи в виде штрихов различной толщины в зависимости от интенсивности информационных потоков, мы получили бы карту плотности информационных связей между индивидуумами на данной территории. Вполне понятно, что на этой карте имелись бы сгустки или ареалы повышенной плотности, перемежающиеся пограничными зонами малой плотности; вполне очевидно, что на карте, охватывающей большую территорию, сгустки повышенной плотности совпадали бы с этническими коллективами, а зоны пониженной плотности — с границами между ними» (с. 20-21).

4. «Помимо информации, о которой только что говорилось (в предыдущем фрагменте. — Л.Щ.), т.е. информации в синхронном плане (или, употребляя термин графического выражения, в горизонтальном плане), существует еще информация в диахронном (вертикальном) плане. Это вся культурная традиция народа, его творческое наследие, передаваемое из поколения в поколение в словесной (устной или письменно-литературной), а также в материально-изобразительной форме. Наличием этих непрерывных диахронных инфосвязей между сменяющимися друг друга последовательными поколениями этноса обусловлена его преемственность и стабильность во времени, передача этнической традиции в течение веков» (с. 21).

5. «<...> Все категории этнических общностей являются общностями, основанными на информационной связи. Разумеется, на информационной связи основаны не только этнические общности <...>, но ясно, что в <...> этих случаях речь идет об общности какого-то определенного, довольно узкого тематического сектора информации. Когда же мы говорим об этнической общности, то здесь определяющей выступает вся совокупность всех информационных связей» (с. 21).

6. «Понятие “народ” (этнос) — не только самая общая категория этнических общностей, обнимающая все формационные варианты (племя, народность, нация). Определяющие параметры этноса и нации лежат в разных планах, так как для существования этноса основной является вертикальная (диахронная) информация, а для нации важнее всего синхронная информация. С обрывом ее национальное

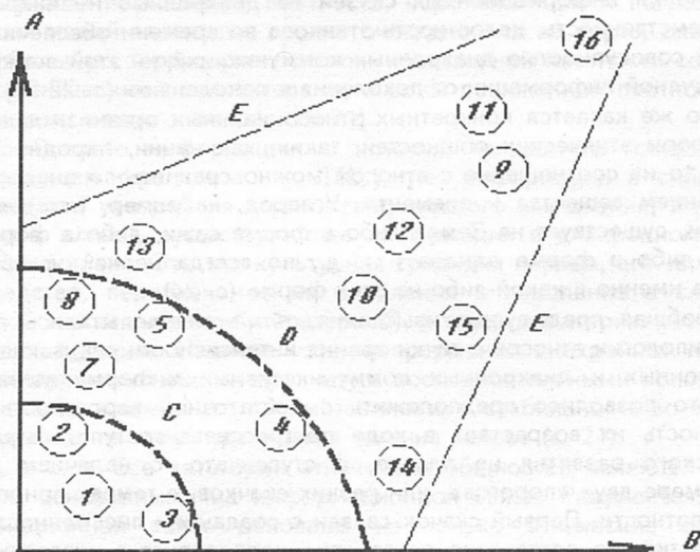
единство исчезает довольно быстро, тогда как этническое единство может сохраняться довольно долго. <...> Этникос корни своего существования имеет в диахронной информации, т. е. в наличии своего рода этнической памяти, комплекса этнических традиций. <...> Другое дело этносоциальный организм, одним из видов которого является, в частности, нация. Для его существования важны не столько диахронные, сколько синхронные связи, не столько память и традиция, сколько повседневное действие и общение, решение постоянно возникающих общих задач, координация действий для их решения. <...> Само по себе положение, что механизм поддержания целостности любой группы (будь то не только этническая группа, но и религиозная секта или объединение людей по общности хобби и т. п.) состоит в наличии коммуникаций между ними, достаточно тривиально. Специфичность в определении информационных связей, обуславливающих существование этнических групп, состоит прежде всего в разграничении информационных связей на диахронные и синхронные. Преимущество, целостность этникоса во времени обеспечивается всей совокупностью диахронных коммуникаций — этой эстафетой совокупной информации от поколения к поколению» (с. 22-24).

7. «Что же касается конкретных этносоциальных организмов как разных форм этнических общностей, таких, как нации, народности, племена, то их соотношение с этносом можно сравнить по аналогии с отношением вещества и элемента. Углерод, например, оставаясь углеродом, существует на Земле либо в форме сажи, либо в форме графита, либо в форме алмаза и т. д., но всегда не как углерод вообще, а именно в какой-либо из этих форм» (с. 24).

8. «Обобщая предыдущие изыскания, <...> мы попытались подойти к типологии этносов с точки зрения интенсивности спаивающих их синхронных и диахронных коммуникативных информационных связей, это позволило предположить с достаточной вероятностью, что плотность их возрастает в ходе прогрессивно-поступательного исторического развития не плавно, а ступенчато, с наличием по меньшей мере двух «порогов», или резких скачков, в темпах прироста этой плотности. Первый скачок связан с созданием письменности, что не жестко, но достаточно достоверно коррелирует с классовым расслоением и формированием государственной власти; второй скачок — с развитием более или менее массового начального образования и средств массовой коммуникации, прежде всего периодической печати и литературы для массового чтения, что в свою очередь коррелирует с развитием капиталистического способа производства. <...> Таким образом, три разных типа состояния информационной плотности, по-видимому, есть объективная реальность, и они соответствуют трем основным эволюционным типам этнических общностей, как бы их ни называть. Такое деление нам представляется более операциональным, чем предлагаемое В. И. Козловым деление типов этносов по формациям. По формациям делятся не этносы, а общест-

ва, которые могут быть и моноэтничны, но весьма часто бывают полиэтничны <...>. И наконец, если мы примем схему В.И.Козлова, то даже если мы сможем четко ответить на вопрос, каковы формационная структура и специфика тех или иных обществ — государств, конфедераций, локальных общин и т. д., все же мы ничего не узнаем о том, в чем же заключается собственно этническая специфика создающих эти общества этносов» (с. 32-33).

9. «<...> Можно построить классификационное двухмерное пространство на основе двух переменных: плотности синхронной и диахронной информации, на котором найдут свое место любые реальные этнические общности прошлого и настоящего, а скопления точек их локализации позволят выделить уже не три, а большее количество типов). <...> На прилагаемой схеме ориентировочно (см. рис. 1) намечено распределение различных типов ЭСО в зависимости от ха

Рис. 1 Классификационное пространство этнических общностей разных типов

1 — племя, 2 — соплеменность (группа родственных племен), 3 — союз племен, 4 — раннеклассовая или античная народность, 5 — феодальная народность, 6 — ассоциированное с народностью племя, 7 — кастовая группа, 8 — суперэтническая общность, 9 — буржуазная нация, 10 — буржуазная народность, 11 — социалистическая нация, 12 — социалистическая народность, 13 — этнодисперсная группа, 14 — этнографические (субэтнические) группы в составе современных наций и народностей, 15 — молодые гетерогенные нации (типа США), 16 — этносы будущего. А — ось нарастания диахронных инфосвязей; В — ось нарастания синхронных инфосвязей; С — рубеж появления письменности; D — рубеж перехода к уровню наций; E — границы облака этнически значимых локусов

рактерного для них баланса синхронных и диахронных инфосвязей. Они обозначены пунктирными кружками, чтобы подчеркнуть, что это не точки, а размытые локусы, в районе которых группируются реальные примеры ЭСО того или иного типа» (с. 32-34).

***

Собираясь так или иначе отнестись ко всем воспроизведенным мною положениям концепции (хотя и не придерживаясь строго их исходной последовательности), я вовсе не претендую на полноту и скрупулезность анализа. Это будет абрис концепции «в первом приближении»: я хочу обратить внимание на те моменты, без понимания которых невозможно, на мой взгляд, определить отношение к обсуждаемым представлениям.

Фрагмент 1.

Итак, в основе концепции лежит утверждение, что «механизм существования этнических общностей всех типов, их пространственная стабильность, их временная преемственность <...> основываются главным образом на связях, которые могут быть описаны в рамках понятия информации». Это утверждение, мягко говоря, довольно «сильное», и очень важно поэтому понять, каков его источник. Неужели оно действительно столь очевидно и банально, что позволяет лишь мимоходом отметить: «В самом деле, любые отношения, в которые вступают между собой отдельные люди или их группы — отношения экономические, общественные, политические, — непременно выражаются в форме определенной информации. Информация эта может носить самый различный характер, самую различную форму»?

Для того, чтобы подобное утверждать, нужно по крайней мере показать, как описать *хоть какую-либо* из реальных социальных связей «в рамках понятия информации», сохранив при этом ее специфику как экономической, политической, правовой или другой общественной связи. А до тех пор, пока это не сделано, нет сколь-нибудь убедительных оснований для столь категоричных суждений. Более того, отсутствие демонстраций свидетельствует о том, что в рамках существующих представлений сложные социальные отношения *не могут* быть описаны «в рамках понятия информации».

Да и стоило ли сначала упоминать, что в сложном социальном целом выделяются разные отношения — экономические, политические и т.д. (естественно, требующие для их описания разных моделей), чтобы потом взять и свалить все это в одну общую кучу, заявив: все суть «информация».

И то, что «в принципе, <...> информация <...> может быть измерена и количественно охарактеризована в минимальных единицах — битах», когда речь идет о *количестве информации* (одно

понятие, выражаемое словом «информация») — это понятно. Непонятно, как измерять в битах содержание *сообщения* («речевую, словесную информацию»), передаваемого в акте коммуникации (совсем другое понятие, выражаемое словом «информация»).

Замечу здесь, что для С.А.Арутюнова вообще характерен весьма «вольный» взгляд на понятия, который, как мне кажется, предельно выразительно иллюстрирует следующее высказывание: «Мы только что упомянули в качестве формы существования этносов такие понятия, как племена, народности, нации. Эти понятия давно стали привычными в советской исторической науке, но четкие критерии их разграничения пока не разработаны и вопрос о характере граней между племенем и народностью, народностью и нацией, о достаточности или недостаточности этих понятий для описания многообразной этнической действительности — все это служит предметом длительной дискуссии» (с. 24).

С.А.Арутюнов не считает нужным проводить жесткого разграничения между «понятиями» и «просто словами», с присущей им многозначностью. Для него понятием может выступать то, что не отграничено, не специфицировано, что не описывает действительность, по поводу чего не затихают дискуссии... И он очень далек от того, чтобы признать, что никакие это не понятия: просто привычными в отечественной исторической науке стали три слова — племя, народность, нация, — трактуемых всеми по-разному и до сих пор не выражающих (за редким исключением) никаких определенных понятий².

Но вернемся к обсуждению выделенного фрагмента и к исходному тезису концепции: «механизм существования этнических общностей <...> основываются главным образом на связях, которые <...> в основном существуют в виде различных форм коммуникаций»³.

Нет сомнения, что коммуникации являются важной составляющей при описании любой социальной целостности. Но сводить сложную систему к одной лишь ее составляющей — ничем неоправданная редукция. Неужели можно обойтись без представлений о воспроизводстве, например, вещных составляющих этнокультуры?

Фрагмент 2.

Концепция С.А.Арутюнова "информационная", поэтому совсем не безразлично, как и для чего в ней используется понятие и представление об информации.

Интересно, что собственно имеется в виду, когда заявляется, что «особенно важны для людей языковые коммуникации», что «меньшее, но тоже важное значение имеет информация, передаваемая в

² В лучшем случае, речь может идти о терминах, выражающих целые кусты различных, порой противоположных понятий.

³ Напомним, что и глава книги, содержащая анализируемый текст, называется «Сеть коммуникаций как основа этнического бытия».

форме показа, подражания» и что «эта форма особенно важна в детском возрасте, когда человек приобщается к основным поведенческим аспектам своей культуры»? Чем отличаются два подчеркнутых мною словосочетания по «важности»?

И можно ли сравнивать по «важности» разные, но одинаково необходимые функции? Можно ли говорить, например, что «особенно важное» значение для организма имеет сердце, а почки — меньшее, но «тоже важное» значение?

Может быть, «мамы разные нужны, мамы всякие важны»?

В тексте можно найти и другие подобные суждения. Например: «только человек обладает способностью воспринимать и передавать информацию в речевой, словесной форме, причем можно сказать, что эта форма получения, хранения и передачи информации является для человека основной» (с. 20). Я не думаю, что такого рода высказывания заслуживают обсуждения, ибо вряд ли нужно специально доказывать, что словесная форма информации является лишь одной из многих «основных» и что социальный мир невозможно представить себе без «несловесной» знаковой информации, а также без «вещной» трансляции и других «информационных» форм воспроизводства.

А если всерьез воспринимать последний абзац данного фрагмента, то я смею утверждать, что это по сути «масло масляное», ибо понятно, что «литературное и историческое наследие», зафиксированное в словесной форме, будет передаваться именно в этой форме.

А вот «сложная» это информация или простая — я судить не берусь. Да и С.А.Арутюнов вроде бы не должен, поскольку никаких критериев «сложности» он не предлагает. И более того, измеряя все в битах, он может лишь намерить их большее или меньшее количество, а вот о «сложности» говорить уже не может.

Фрагмент 3.

Обратите внимание, что в этом фрагменте С.А.Арутюнов употребляет сослагательное наклонение: «если бы возможно было».

Отчего же невозможно? Ведь чуть ранее (фрагмент 1) было весьма определенно заявлено: «В принципе речевая, словесная информация, как, впрочем, и всякая другая, может быть измеряема и количественно охарактеризована в минимальных единицах — битах. Любые отношения, в которые вступают люди между собой, сопровождаются потоком информации, односторонним или обоюдосторонним, который в каждом случае имеет конечное количественное измерение определяемую количественно интенсивность».

Я полагаю, что в данном случае парадокс заключается в особом рода «двоемыслии»: если знаешь, что нельзя, но очень хочется, то можно. Отсюда, с одной стороны, понимание, что задача такого

«информационного» измерения реально не осуществима, а с другой — голословное утверждение, что «поток информации в каждом случае имеет количественное измерение».

Теперь по поводу предлагаемого образа «карты плотности информационных связей между индивидами на данной территории». С.А.Арутюнов пишет: «вполне очевидно, что на карте, охватывающей большую территорию, сгустки повышенной плотности совпадали бы с этническими коллективами, а зоны пониженной плотности — с границами между ними» и тем самым лишней раз подтверждает, до чего курьезна бывает эта самая «полная очевидность» для всех. Должен признаться, что для меня это не только не «вполне понятно» и не «вполне очевидно», но и представляется мне совершенно неправдоподобным. Я полагаю, что «сгустки повышенной плотности» будут коррелировать с городами и другими «информационными центрами», а отнюдь не с «этническими коллективами». В частности, такой «сгусток» должен быть зафиксирован на территории Москвы. Какой же это «этнический коллектив».

Курьезным представляется и другое обстоятельство: одно из базовых представлений концепции вводится с помощью аргумента «вполне очевидно».

Фрагмент 4.

Этот фрагмент требует, пожалуй, особо пристального внимания, так как в нем делается попытка различения, лежащего в основании концепции — различения «синхронной информации» и «диахронной информации». Я утверждаю, что эта попытка зиждется на том, что термины «синхронный» и «диахронный» употребляются в весьма неопределенном значении. Ведь исходно эти термины (понятия) вводились для характеристики отнюдь не объекта, а исследовательских процедур: разных планов анализа.

Смена интерпретации и трактовка их как выражающих объектные характеристики (онтологизация) — штука совсем небезобидная. И если каждый раз не проводить тщательного различения разного типа трактовок и контекстов, то она может сыграть злую шутку. Мне кажется именно это и произошло в данном случае.

Если мы берем два разных временных среза и фиксируем две соответствующие (разновременные) ситуации *A* и *B*, то циркулирование в каждой из них одинаковой информации («передаваемой из поколения в поколение»), характеризует не только диахронный план, но и синхронные планы *A* и *B* в отдельности: эта одинаковая информация вместе с другой (неодинаковой) составляет *всю совокупность* информации, вычлняемой при синхронном анализе как в ситуации *A*, так и в ситуации *B*. Поэтому, когда С.А.Арутюнов одинаковую информацию называет «диахронной», то получается, что «диахронная информация» всегда является *частью* той совокупности информации, которая фиксируется в синхронном плане (как в ситуации *A*, так

и в ситуации В). Таким образом, если обратиться к фрагменту 5, то можно утверждать, что совокупность всей информации, фиксируемой на определенной территории в синхронном плане, вберет в себя «всю культурную традицию народа, его творческое наследство, передаваемое из поколения в поколение». И уже некорректно говорить, что «помимо информации <...> в синхронном плане (или, употребляя термин графического выражения, в горизонтальном плане), существует еще информация в диахронном (вертикальном) плане». Ничего *помимо целого* (всей совокупности информации) существовать не может.

Следовательно, предпринятая С.А.Арутюновым попытка различения «синхронного» и «диахронного» в объектном плане, предлагающая трактовать их как оппозицию, а не в рамках представления «целое — часть», оказывается несостоятельной.

Фрагмент 5.

Этот фрагмент содержит очень сильное суждение, специфицирующее этнические общности и противопоставляющее их всем другим социальным образованиям: «Когда же мы говорим об этнической общности, то здесь определяющей выступает вся совокупность всех информационных связей».

И здесь я могу зафиксировать сразу три парадокса.

Во-первых, С.А.Арутюнов не считает почему-то необходимым уточнять, о какой именно «этнической общности» идет речь — об этникосе или об этносоциальном образовании. А это принципиально важно, поскольку в следующем фрагменте (фрагмент 6) он утверждает, что определяющие параметры этникоса и этносоциального образования «лежат в разных планах».

Во-вторых, это утверждение находится в прямом противоречии с постулатом, согласно которому для одного типа этнических общностей определяющей выступает «диахронная информация», а для другого — «синхронная» (см. фрагмент 6).

И в-третьих, согласно этому утверждению все не собственно этнические формы социального обходятся без воспроизводства социокультурных норм (естественно требующего «всех информационных связей»). Этот момент я рассмотрю несколько подробнее ниже — при анализе фрагмента 6, который буду обсуждать в самом конце.

Фрагмент 7.

Я полагаю, что предлагаемое в этом фрагменте сравнение этносоциальных организмов с этникосом по аналогии с отношением вещества и элемента неадекватно представлениям Ю.В.Бромлея — автора сравниваемых понятий. Действительно, согласно этим представлениям, с одной стороны, «каждый взрослый человек, где бы он ни находился, непременно относится к какому-либо этникосу: или к

основному его ядру или к «периферийной» части. В силу этого человечество в любой данный момент представляет собой совокупность этникосов» (Бромлей 1983: 59). С другой стороны, «в объективной реальности этникос не существует вне собственно социальных институтов различных уровней (от семьи до государства). При этом характер сочетания этнических свойств с собственно социальными в известной мере зависит от пространственных параметров этникоса, от компактного или рассеянного размещения самих носителей этнических свойств» (там же: 62). Другими словами, этникос в любой момент времени представляет собой все множество носителей определенных этнических свойств, а разные части этого множества принадлежат различным этносоциальным образованиям (существуют в их рамках)⁴.

И следовательно соотношение этносоциальных образований с этникосом выражается отношением «часть — все», но никак не отношением «вещество — элемент».

Фрагмент 8.

1. Наличие двух «порогов» в темпах прироста «информационной плотности» означает не существование «трех разных типов состояния информационной плотности», а лишь трех диапазонов на диахронной шкале плотности, вычленяемых этими порогами. А из факта существования разных диапазонов вовсе не следует, что им «соответствуют основные эволюционные типы этнических общностей, как бы их не называть». Из этого факта вообще ничего не следует и ничего ничему не соответствует. Однако можно конструктивно задать новую типологию, заявив, что в рамках этой типологии этнические общности будут различаться по тому, какому диапазону будет принадлежать соответствующая им информация, и тогда наличие двух порогов позволит говорить о трех типах этнических общностей, различаемых по значениям «плотности информации» (а точнее — по скачкам этой «плотности»).

Последнее принципиально важно, поскольку значения «плотности информации», если их удастся определить, будут индифферентны и к письменности, и к средствам массовой информации, и к способам производства. Есть письменность, нет письменности — все это не существенно. Важно лишь, каковы эти значения «плотности информации», в какой диапазон попадают — независимо от условий, породивших ту или иную «плотность». Напротив, если мы хотим строить типологию, основываясь не на косвенных интегральных показателях типа «плотности информации», а на прямых, если хотим отразить механизмы, породившие резкие скачки «плотности информации», то

⁴ В частности «каждый этносоциальный организм включает ту часть соответствующего этникоса, которая размещена, на компактной территории внутри одного политического (потестарного) образования» (Бромлей 1983: 63).

типы общностей будут определяться наличием или отсутствием письменности, наличием или отсутствием массового образования, средств массовой информации или чем-то другим, но существенным.

И это, утверждаю я, будут два принципиально разных подхода.

2. «По формациям делятся не этносы, а общества», — утверждает в этом фрагменте. Но, ведь, и по «плотностям информации» точно также делятся не этносы, а общества. И это фиксирует сам С.А.Арутюнов: «У ассоциированных народностей (в отличие от ассоциированных племен) уровень плотности инфосвязей и общее качество жизни могут быть (а в социалистическом обществе, как правило, действительно бывают) не ниже, чем у нации, с которой они ассоциированы. Но лишь часть этих инфосвязей (отраженная на схеме) лежит в рамках самих этих народностей, их специфичной культуры, отправляется на их языке, относится к их традиционной литературе, к радио и телевидению, организуемому этими народностями или для них, с учетом их специфики и т. д. Другая и нередко даже большая часть инфосвязей идет на языке ассоциирующей нации, через ее национальную систему образования, ее литературу и прессу, ее общее для всей нации и не ориентированное специально на данную народность радиовещание и телевидение» (с. 37).

3. Несостоятельной представляется нам и позиция, согласно которой «... если мы примем схему В.И.Козлова, то даже если мы сможем четко ответить на вопрос, каковы формационная структура и специфика тех или иных обществ — государств, конфедераций, локальных общин и т. д., все же мы ничего не узнаем о том, в чем же заключается собственно этническая специфика создающих эти общества этносов», а вот новый подход, мол, эту специфику выявляет.

Дело в том, что, с одной стороны, «этническая специфика» сведена С.А.Арутюновым к «плотности инфосвязей», которую и измерить то непосредственно не представляется возможным. Это, с его точки зрения, «можно пытаться сделать лишь на основании косвенных показателей». Однако надо еще доказать, что специфику можно выявить с помощью косвенных показателей.

С другой стороны утверждается, что косвенные «показатели эти есть, в особенности для современных обществ, в которых статистико-социологическому исследованию подвергаются и частота поездок, и личная переписка, и популярность книг, газет, радио- и телепередач на языке своей и другой национальности, и многие другие явления, выражающие в конечном счете разные виды коммуникаций, т. е. все тех же инфосвязей» (с. 33). Однако надо еще показать, как с помощью упомянутых показателей отвечать на вопрос: «в чем же заключается собственно этническая специфика создающих эти общества этносов?»

4. В итоге несостоятельным оказывается утверждение, что «такое деление нам представляется более операциональным, чем предлагаемое В.И.Козловым деление типов этносов по формациям».

Ведь формации худо-бедно, но все-таки имеют прямые показатели, а «плотность информации» только косвенные.

5. Утверждается, что классификационное пространство, построенное на основе двух переменных — «плотности синхронной и диахронной информации» — позволит «выделить уже не три, а большее количество типов».

Утверждение это также несостоятельно, поскольку, во-первых, наличие двух «порогов», двух скачков «плотности», позволяет выделить именно три типа, не больше и не меньше, а, во-вторых, классификационное пространство это не может быть построено на основе двух переменных. Дело в том, что такие «косвенные показатели» как частота поездок, личная переписка, популярность книг и т.п. даже если они будут получены, не позволят отличить «диахронную информацию» от «синхронной информации».

Если с учетом сделанных выше замечаний схематизировать содержание рассматриваемого фрагмента, то оно сведется к следующим тезисам:

- Историческое развитие социума сопровождается ростом «информационных потоков».

- Этот рост происходит не плавно, а скачкообразно.

- Можно указать на два скачка: один связан с появлением письменности, а другой — с развитием массового образования и средств массовой информации.

И это, на мой взгляд, все, что остается, если отбросить некорректные высказывания.

Что же касается племен, народностей, наций и т.п., то, очевидно, они в этом пространстве высказываний появиться просто не могут.

Фрагмент 9.

Задача практического применения развиваемых в концепции представлений сформулирована предельно четко: «построить классификационное двухмерное пространство на основе двух переменных: плотности синхронной и диахронной информации, на котором найдут свое место любые реальные этнические общности прошлой и настоящего». И вроде бы основание для такой постановки задачи уже предъявлено: «Любые отношения, в которые вступают люди между собой, сопровождаются потоком информации, односторонним или обоюдосторонним, который в каждом случае имеет конечное количественное измерение определяемую количественно интенсивность» (см. фрагмент 1). Загвоздка состоит лишь в том, что это положение

критики не выдерживает, поскольку оно станет осмысленным только в том случае, если будет предъявлен аппарат — инструментальные средства — для определения интенсивности потока информации. А пока что все, что может предложить С.А.Арутюнов, сводится к следующей констатации: «Разумеется, мы не располагаем и скорее всего никогда не будем располагать аппаратом, фиксирующим интенсивность потоков синхронной информации, не говоря уже о диахронных потоках» (с. 21). Тут уж одно из двух: либо поток информации имеет определяемую интенсивность, что равнозначно тому, что мы располагаем аппаратом, ее фиксирующим и определяющим (или можем такой аппарат построить), либо не располагаем, а следовательно — не имеет.

Однако это противоречие ни в малейшей степени не смущает С.А.Арутюнова. Он предлагает другую логику — об интенсивности потоков «синхронной и диахронной информации» судить косвенно: «Но мы можем судить о них косвенно по ряду явлений, в которых эта интенсивность потоков информации проявляется. Таковы многие показатели культурного и социально-экономического развития, также нередко поддающиеся количественной фиксации и оценке: общий объем устной (фольклорной) традиции, наличие и объем письменных литературных памятников, знакомство населения с этими устными и письменными памятниками, распространенность грамотности; в развитых обществах — объем почтовой корреспонденции, направление ее потоков, тираж и распространение периодической прессы, развитие и распространение других средств массовой коммуникации; подвижность населения, выражающаяся в статистических показателях работы пассажирского транспорта; в менее развитых обществах — наличие и густота сети периодических храмовых праздников, рынков, ярмарок и т. д.» (с. 21).

Конечно, судить-то можно, но вопрос в том, в какой мере эти «суждения» являются научными, а не фикциями — плодом ничем не регулируемой фантазии. Для того, чтобы это имело какое-то отношение к науке, необходимо продемонстрировать сам метод и валидность такого суждения⁵. Без этого вышеприведенные высказывания, на мой взгляд, практически лишены содержания.

Поэтому совсем неудивительно, что, сформулировав задачу, которую он якобы собирается решать, С.А.Арутюнов строит свое «двухмерное пространство» способом не имеющим ничего общего с тем, что было им заявлено. Он ничего не собирается измерять, хотя не один раз заявляет, что якобы показатели для определения «плотности инфосвязей» есть. Да и измерять ничего не нужно: все эти типы

⁵ Хотелось бы также получить разъяснение по поводу того, что «подвижность населения, выражающаяся в статистических показателях работы пассажирского транспорта» позволяет оценить именно «коммуникации», а не что-либо другое.

этнических общностей, которые якобы позволяют выделить «скопления точек» на схеме, уже известны. С.А.Арутюнов уже все их выделил и обсудил ранее: схеме «двухмерного пространства» предшествуют несколько страниц текста, в котором фигурируют и «племя», и «народность», и «кастовая группа», и нация, словом все то, что появится в дальнейшем на схеме. И задача состоит в другом: как разместить все эти «локусы» на схеме — какой правее, какой левее, какой выше. И эта схема, которую предъявляет С.А.Арутюнов, есть не что иное, как схема его личных представлений, а не объективных измерений.

Личные же представления С.А.Арутюнова прекрасно иллюстрирует, на мой взгляд, хотя бы следующий фрагмент: «Одним из таких типов будет нация, которая формально (не по формационному признаку, а исходя только из двух указанных переменных) распадется на два подтипа социалистическая и буржуазная нации. Дело в том, что если плотность синхронных инфосвязей в них обеих, по-видимому, более или менее одинакова (точнее, варьирует примерно в одних и тех же пределах), то интенсивность диахронных инфосвязей в социалистической нации существенно выше. К последним относятся в данном случае пропаганда революционных традиций, постоянно культивируемая и в общественной жизни, и в художественных образах память об обстоятельствах перехода к социализму и социалистическом строительстве, об их героях, о событиях гражданских, национально-освободительных, отечественных войн. Подобной интенсивной диахронной, уходящей на всю глубину существования данного строя в стране информации (т. о. на глубину нескольких десятилетий, в СССР уже семи десятилетий) обычно нет в буржуазных нациях, где, конечно, есть своя историческая память, но в средствах массовой коммуникации она оттеснена далеко на задний план явно избыточным потоком информации сиюминутного, часто эфемерного характера» (с. 33). И комментарии здесь, мне кажется, излишни.

Я не собираюсь обсуждать саму схему «двухмерного пространства». Для меня это не имеет смысла, поскольку я не понимаю, что «нарастает» по ее осям *A* и *B*. И я утверждаю: для того чтобы понять это, необходимо по крайней мере определить, что такое «синхронные и диахронные инфосвязи», что такое «плотность и интенсивность инфосвязей», а также — в каких единицах и каким способом все это измеряется. А так как в концепции это не определено и даже не осознается необходимость этого, я полагаю, что схема лишена объективного содержания. И в этой связи любая аргументация по поводу того, на каком основании «локусы» размещены так, а не иначе, просто неосмысленна.

Тем не менее на двух моментах, связанных с этой схемой, все же необходимо остановиться.

1. С.А.Арутюнов пишет: «Нации, характерный тип ЭСО этого этапа, характеризуются резко возросшей интенсивностью как синхрон-

ных, так и диахронных инфосвязей; при этом по интенсивности последних социалистические нации заметно более продвинуты, чем буржуазные <...>.

У ассоциированных народностей (в отличие от ассоциированных племен) уровень плотности инфосвязей и общее качество жизни могут быть (а в социалистическом обществе, как правило, действительно бывают) не ниже, чем у нации, с которой они ассоциированы. Но лишь часть этих инфосвязей (отраженная на схеме)⁶ лежит в рамках самих этих народностей, их специфичной культуры, отправляется на их языке, относится к их традиционной литературе, к радио и телевидению, организуемому этими народностями или для них, с учетом их специфики и т. д.

Другая и нередко даже большая часть инфосвязей идет на языке ассоциирующей нации, через ее национальную систему образования, ее литературу и прессу, ее общее для всей нации и не ориентированное специально на данную народность радиовещание и телевидение» (с. 37).

В этом высказывании менее интересно, на мой взгляд, почему социалистические нации больше продвинуты (почему в самом деле не предположить, что осуществлен тщательный анализ «косвенных показателей» в развитых обществах: «объема почтовой корреспонденции», «направления ее потоков», «тиража и распространения периодической прессы», «развития и распространения других средств массовой коммуникации», «подвижности населения, выражающейся в статистических показателях работы пассажирского транспорта и частоте поездок», «личной переписки», «популярности книг, газет, радио- и телепередач на языке своей и другой национальности», и «многих других явлений, выражающих в конечном счете разные виды коммуникаций, т. е. все тех же инфосвязей?»).

Более интересно задать следующий вопрос: на каком основании заявляется, что на схеме отражена «лишь часть этих инфосвязей»?

И здесь возможны три варианта ответа. Первый и самый простой: по случайной ошибке. Ибо ранее нигде не оговаривалось, что по осям «нарастают» только те «инфосвязи», которые лежат исключительно в рамках соответствующих этнических общностей, «их специфической культуры», «отправляются на их языке», «относятся к их традиционной литературе» и т.п., т.е., другими словами и короче, специфические «этнические инфосвязи», и не принимается во внимание «другая и нередко даже большая часть инфосвязей», которая «идет на языке ассоциирующей нации, через ее национальную систему образования, ее литературу и прессу, ее общее для всей нации и не ориентированное специально на данную народность радиовещание и телевидение». Речь шла об «инфосвязях» без их ограничения и спецификации. И поэтому нарушение этого принципа для «ассоции-

⁶ Здесь и далее курсив мой.

рованных народностей» так же недопустимо, как и для любых других этнических общностей.

Второй вариант состоит в том, что произвольное нарушение принципа не считается недопустимым и полагается, что со схемой можно обращаться достаточно вольно.

И, наконец, третий вариант ответа — кардинальным образом меняющий ситуацию — предполагает, что во всех предыдущих высказываниях об «инфосвязях», их интенсивности, плотности и т.п. говорилось одно (в частности, «если бы на определенной обширной территории возможно было в течение некоторого времени (месяца, года) фиксировать *все формы словесных информационных связей*» (с. 20) или «когда же мы говорим об этнической общности, то здесь определяющей выступает *вся совокупность всех информационных связей*» (с. 21), а имелось в виду принципиально иное. Это иное заключается в том, что с самого начала речь шла не об «инфосвязях» вообще, а о специфических «этнических инфосвязях».

В этом случае не будет вызывать никаких возражений утверждение, что «на карте, охватывающей большую территорию, сгустки повышенной плотности совпадали бы с этническими коллективами, а зоны пониженной плотности — с границами между ними». Не будет вызывать по той простой причине, что это тривиальность. Впрочем, тогда тавтологией становится и сама исходная идея концепции — она будет звучать в этом случае так: отношения и связи этнического характера как основа этнического бытия, или, короче, *этническое бытие как основа этнического бытия*.

2. Другой момент состоит в том, что на схеме (задающей «классификационное пространство на основе двух переменных: плотности синхронной и диахронной информации») «локусы», соответствующие различным ЭСО, размещаются в конусе, ориентированном под 45 градусов к осям. А это означает, что положение «локусов», а следовательно их статус и отношения определяет в равной мере как «диахронная», так и «синхронная» информация. И этот момент плохо коррелирует с одним из базовых положений концепции, а именно, что для существования этносоциального организма «важны не столько диахронные, сколько синхронные связи» (с. 22). Сказать резче не позволяет неопределенность формулировки. Слово «важны» не привносит необходимой операциональности.

Фрагмент 6.

Я полагаю, что этот фрагмент играет ключевую роль для понимания содержания концепции, и в связи с этим обсуждаю его последним.

1. Прежде всего я хочу зафиксировать принципиальную разницу между представлениями С.А.Арутюнова и Ю.В.Бромлея (об этом уже частично говорилось при анализе фрагмента 7).

С.А.Арутюнов постоянно ссылается на работы Ю.В.Бромлея и без каких-либо оговорок использует введенные последним термины «этнокос» и «ЭСО». Может создаться впечатление, что он разделяет представления Ю.В.Бромлея. Однако реально это не так, и я попробую это показать.

1.1. С.А.Арутюнов утверждает, что «понятие “народ” (этнос) — <...> самая общая категория этнических общностей, обнимающая все формационные варианты (племя, народность, нация)», поясняя при этом, что «говоря о народе (этносе), в данном случае мы имеем в виду именно этникос» (с. 22).

Для Ю.В.Бромлея же «племя», «народность», «нация» это разные типы этносоциальных общностей (или этносоциальных образований). И именно «этносоциальная общность» («этносоциальное образование») есть общая категория для этих понятий, а отнюдь не «этнокос». И хотя можно сказать, что этникос «обнимает» формационные варианты, но только не в качестве понятия и категории, а по понятию, поскольку есть множество всех этнофоров.

1.2. С.А.Арутюнов утверждает, что «определяющие параметры этноса и нации лежат в разных планах, так как для существования этноса основной является вертикальная (диахронная) информация, а для нации важнее всего синхронная информация» и что «для понимания различия между единством того и другого рода решающее значение имеет проведенное Ю.В.Бромлеем разграничение между разными проявлениями существования этноса» (с. 22).

Такое разграничение у Ю.В.Бромлея действительно есть, но оно не имеет ничего общего с представлениями С.А.Арутюнова.

Говоря об ЭСО вообще и о нации в частности Ю.В.Бромлей разводит две оси: «этническую» и «социальную» (в узком смысле) и пытается указать на специфику, связанную с этими двумя осями. Но у него ЭСО — это «организм». А в организме нельзя брать только одну составляющую и выдавать за целое, говоря: вот это — основное, определяющее, самое важное. Если воспользоваться для иллюстрации уже фигурировавшим в этом тексте образом, то это равноценно утверждению, что мозг — это определяющее, а сердце — нет (или наоборот).

В рассматриваемой концепции этот момент не понимается, не схватывается. Отсюда — утверждения о «синхронных» (социальных) связях, якобы определяющих ЭСО, и «диахронных» (этнических) связях, якобы определяющих этникос. Ю.В.Бромлей многократно подчеркивал, что в его концепции ЭСО представляет собой «неразрывное единство этнического и социального»: «необходимо особо подчеркнуть теснейшую связь собственно этнических явлений с социально-экономическими» (Бромлей 1983: 62); «основными компонентами ЭСО, несомненно, являются, с одной стороны, этнические, с другой — социально-экономические факторы» (там же: 63); «социальное в ЭСО (в том числе и нациях) находится в диалектической

взаимосвязи, неразрывном единстве с этническим. Собственно этнические компоненты являются непременными составляющими этносоциальных организмов всех типов, включая нации. <...> этнические факторы играют своеобразную системообразующую роль для всех типов ЭСО, ибо каждый этносоциальный организм (будь то племя, народ или нация) включает только лиц одной этнической принадлежности, только одного этноса» (там же: 67) и т.д. и т.п.

Таким образом, заявление, что для «нации важнее всего синхронная информация» с представлениями Ю.В.Бромлея об ЭСО никак не стыкуется.

С другой стороны, Ю.В.Бромлей утверждал, что «в объективной реальности этникос не существует вне собственно социальных институтов различных уровней» (там же: 62), «вне социальных образований (в узком значении этого слова). Причем роль таковых могут выполнять самые различные социальные общности» (там же: 73). И в частности, «в случае, когда этникос образует ЭСО, в такой роли, как мы знаем, выступает государство (точнее, социальный организм)» (там же: 73).

А отсюда непосредственно следует, что и заявление о том, что «для существования этноса основной является вертикальная (диахронная) информация» также не стыкуется с представлениями Ю.В.Бромлея. Как можно называть *основной* «информацию», которая *не очень важна* для существования этноса в объективной реальности? Да что там «основной» — это слишком слабо сказано. На самом деле «представляется, что этникос следует рассматривать как явление, основанное *всецело* на совокупности диахронных связей» (Арутюнов 1989: 34).

1.3. Я приведу еще одно высказывание С.А.Арутюнова, которое, конечно же, является частным. Тем не менее оно, как мне кажется, подчеркивает, насколько глубока пропасть между двумя пространствами представлений. С.А.Арутюнов заявляет, что «датчане, живущие в течение многих лет в Гренландии не перестают оставаться частью датской нации» (с. 22). А что думал на это счет Ю.В.Бромлей?

По Ю.В.Бромлею, «к каждому ЭСО относится только та часть этникоса, для которой характерны общие социально-политические (потестарные) параметры» (Бромлей 1983: 70) и «когда речь идет об отдельных частях этникосов, обособленных от их основного массива, очевидно, можно эти части рассматривать как этносоциальные группы» (там же: 73-74).

Есть у Ю.В.Бромлея и более конкретные соображения — непосредственно касающиеся датчан. Выделяя три основных разновидности социальных организмов, Ю.В.Бромлей писал: «Первую из них представляет такое совпадение этникоса и социального организма, при котором за пределами их общей территории данный этникос существует либо в гетерогенном виде, либо в виде небольших гомогенных групп, не обладающих сколько-нибудь полной общественно-эко-

номической самостоятельностью. Примером этой разновидности среди современных этнических общностей может служить датская нация, поскольку за пределами Дании датский этникос находится в дисперсном состоянии» (там же: 68-69).

2. «Определяющие параметры этноса и нации лежат в разных планах», — пишет С.А.Арутюнов.

Здесь считаю необходимым напомнить, что в концепции Ю.В.Бромлея слово «этнос» входит в два термина, выражающих разные понятия. Эти термины суть «этнос в узком значении» и «этнос в широком значении». При этом термин «этнос в узком значении» эквивалентен термину «этникос», а термин «этнос в широком значении» — термину «этносоциальная общность». По небрежности и для краткости слова «в узком значении» и «в широком значении» часто упускаются. Это приводит к тому, что два разных понятия обозначаются одним и тем же словом и возникает всякого рода путаница. Именно словом, а не термином, поскольку оно само по себе — без фиксации узости или широты значения — не выражает никакого понятия, а лишь имитирует общее «облако смысла».

Типичный пример такой небрежности, обернувшейся забавным курьезом, является фраза из статьи С.А.Арутюнова и Н.Н.Чебоксарова (Арутюнов, Чебоксаров 1972): «определяющие параметры этноса и нации лежат в разных планах».

На этот ляпсус обратил внимание М.В.Крюков. Но вместо того чтобы просто признать свою небрежность, С.А.Арутюнов вступает в полемику: «М.В.Крюков ошибочно приписывает мне и Н.Н.Чебоксарову вывод о том, “что нация не есть этнос”. Когда писались цитируемые им строки, что “определения этноса и нации лежат в разных планах”, то имелось в виду различие между этникосом и ЭСО, что ясно из приведенной выше по этому поводу ссылки на статью Ю.В.Бромлея “Этнос и этносоциальный организм”. Но в то время понятие “этникос” еще не утвердилось в науке» (с. 34).

Конечно же М.В.Крюков ничего не «приписывает»: из А («определяющие параметры этноса и нации лежат в разных планах») с неизбежностью должно следовать В («нация не есть этнос»). «Приписывать» вынужден С.А.Арутюнов: «говоря о народе (этносе), в данном случае мы имеем в виду именно этникос» (с. 22).

3. Сопоставим два последовательных высказывания:

- «понятие “народ” (этнос) — <...> самая общая категория этнических общностей, обнимающая все формационные варианты (племя, народность, нация)»

- «определяющие параметры этноса и нации лежат в разных планах»

Если исходить из той логики, что определяющие параметры самой общей категории и конкретного понятия, входящего в эту категорию,

не могут лежать в разных планах, то эти два высказывания логически несовместимы. Отсюда следует, что С.А.Арутюнов либо ошибся, либо пользуется другой логикой.

4. Выше (при обсуждении фрагмента 5) уже отмечалось, что базовое положение концепции, согласно которому «для существования этноса *основной является вертикальная (диахронная) информация*, а для нации *важнее всего синхронная информация*», противоречит другому базовому положению концепции, а именно положению о том, что «когда <...> мы говорим об этнической общности, то здесь *определяющей выступает вся совокупность информационных связей*».

5. Утверждается: «для нации важнее всего синхронная информация. С обрывом ее национальное единство исчезает довольно быстро, тогда как этническое единство может сохраняться довольно долго».

По-видимому, С.А.Арутюнов забыл, как он вводил представление о «синхронной информации». А вводилось оно так: «Если бы на определенной обширной территории возможно было в течение некоторого времени (месяца, года) фиксировать *все формы словесных информационных связей между людьми...*». А теперь представим себе «обрыв синхронной информации». Были «все формы связей» и не стало. Вопрос: как долго будет «сохраняться этническое единство»?

6. Утверждается: «этнонос корни своего существования имеет в диахронной информации, т. е. в наличии своего рода этнической памяти, комплекса этнических традиций. <...> Другое дело этносоциальный организм, одним из видов которого является, в частности, нация. Для его существования важны не столько диахронные, сколько синхронные связи, не столько память и традиция, сколько повседневное действие и общение, решение постоянно возникающих общих задач, координация действий для их решения».

Парадоксальность этого утверждения не столько в том, что не понимается, что повседневные действия и общение в качестве своей обязательной составляющей включают «память и традицию», сколько вообще в отрицании роли культуры, роли воспроизводства культурных норм и эталонов, в существовании этносоциального организма.

7. «Само по себе положение, что механизм поддержания целостности любой группы (будь то не только этническая группа, но и религиозная секта или объединение людей по общности хобби и т. п.) состоит в наличии коммуникаций между ними, достаточно тривиально», — утверждает С.А.Арутюнов.

Как это? Неужто наличие, скажем, конфликтных по своей сути коммуникаций является механизмом поддержания целостности группы? Думаю, что это совсем не тривиальное положение.

8. «Специфичность в определении информационных связей, обуславливающих существование этнических групп, состоит прежде всего в разграничении информационных связей на диахронные и синхронные» — это еще одно базовое положение.

При анализе фрагмента 4 я утверждал, что попытка «разграничения» информации на «синхронную» и «диахронную» успехом не увенчалась. Здесь же речь идет об «информационных связях», а не об «информации». В связи с этим, можно ли считать неудачным и «разграничение информационных связей»?

Я бы не стал отвечать на этот вопрос, а предложил бы рассматривать сам факт возникновения этого вопроса у читателя, всерьез пытающегося разобраться в содержании концепции, как ее очередной парадокс.

***

В заключение, я хочу предложить свою версию для объяснения механизма порождения парадоксов в рамках рассматриваемой концепции.

На мой взгляд, большинство из них порождено *поэтизацией* содержания с помощью метафор (как правило сопровождающейся сдвигом желаемого в область действительного). Поэтизация подменяет движение мысли в понятиях движением в образах и словах — своего рода «игрой»⁷

Не каждое слово, естественно, подходит для поэтизации. Вот слово «информация» — вполне подходит. Благодаря его многозначности оно может быть использовано практически в любых контекстах: как в самом узком смысле (мера в битах), так и в самом широком (сообщение). Не уточняя, что именно имеется в виду и не утруждая себя обоснованиями, можно построить множество высказываний с этим словом (или с производными от него), в которых будучи ключевым оно как бы объединит их все и создаст иллюзию общего (единого) смыслового пространства. Использование более сложных лингвистических конструкций типа «инфосвязь», «диахронная (синхронная) информация», «диахронная (синхронная) инфосвязь», «плотность диахронной (синхронной) информации» и т.п. практически беспредельно расширяет эти возможности.

⁷ Игрой, очень напоминающей мне известную игру со словами, в которой задаются два слова с одинаковым числом букв и нужно превратить одно слово в другое с помощью других (промежуточных) слов, отличающихся только одной буквой (например: муха-мура-тура-тара-кара-каре-кафе-кафр-каюр-каюк-крюк-урюк-урок-срок-сток-стон-слон).

Проиллюстрирую сказанное на нескольких примерах автогенетической филиации идей концепции:

- Любые отношения, в которые вступают между собой отдельные люди или их группы непременно *выражаются* в форме определенной информации.

- Любые отношения, в которые вступают люди между собой, *сопровождаются* потоком информации.

- Все категории этнических общностей являются общностями, *основанными* на информационной связи.

*

- Когда мы говорим об этнической общности, то здесь определяющей выступает *вся совокупность* всех информационных связей.

- Специфичность в определении информационных связей, обуславливающих существование этнических групп, состоит прежде всего в *разграничении* информационных связей на диахронные и синхронные.

*

- Для существования этноса *основной* является вертикальная (диахронная) информация.

- Этнос *корни* своего существования имеет в диахронной информации.

- Этнос следует рассматривать именно как явление, основанное *всего* на совокупности диахронных связей.

*

- Любые отношения, в которые вступают люди между собой, сопровождаются потоком информации, который в каждом случае *имеет конечное количественное измерение*, определяемую количественно интенсивность.

- Разумеется, мы *не располагаем и скорее всего никогда не будем располагать* аппаратом, фиксирующим интенсивность потоков синхронной информации, не говоря уже о диахронных потоках.

- Это *можно пытаться* сделать лишь на основании косвенных показателей.

- Поэтому *можно построить* классификационное двухмерное пространство на основе двух переменных: плотности синхронной и диахронной информации.

Литература

Арутюнов С.А. Сеть коммуникаций как основа этнического бытия // Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.

- Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Т. 2. М., 1972.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
- Щедровицкий Л.П., Пископелль А.А. Парадоксы и курьезы отечественной этнологической мысли // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 1. М., 1994.

Содержание

От редакторов-составителей	5
<i>Е.Л.Иванова, Г.Б.Львова, А.А.Пископпель, В.Р.Рокитянский, Л.П.Щедровицкий</i>	
Макет базы данных "Народы России": принципы, структура, интерфейс	11
<i>А.А.Пископпель</i>	
Элементарная структурно-функциональная модель конфликта как деструктивного противодействия	27
<i>В.Р.Рокитянский</i>	
Этничность как проект	44
<i>С.В.Соколовский</i>	
О неуюте автаркии, национализме и пост-советской идентичности	87
<i>С.В.Соколовский</i>	
Самоопределение и проблемы меньшинства (международно-правовые аспекты)	115
<i>С.В.Соколовский</i>	
Этнография как жанр и как власть	133
<i>Л.П.Щедровицкий</i>	
Парадоксы и курьезы отечественной этнологической мысли (часть 2)	148

Contents

Editors' Foreword	5
<i>E.L.Ivanova, G.B.Lvova, A.A.Piskoppel, V.R.Rokitiatsky, L.P.Schedrovitsky</i>	
Model of a Database «Peoples of Russia»: Principles, Structure, Interface	11
<i>A.A.Piskoppel</i>	
The Elementary Structural Functional Model of Conflict as Destructive Social Interaction	27
<i>V.R.Rokitiatsky</i>	
The Ethnic as a Project	44
<i>S.V.Sokolovskii</i>	
On Autarky, Nationalism and Post-Soviet Identity	87
<i>S.V.Sokolovskii</i>	
Self-Determination and Minority Rights (international law perspective)	115
<i>S.V.Sokolovskii</i>	
Ethnography as Genre and as Power	133
<i>L.P.Schedrovitsky</i>	
Paradoxes and Curiosities of Our Ethnological Thought (part 2)	148

В. М. (Бергман)